Федеральное агентство по образованию

Пензенский государственный педагогический университет
имени В. Г. Белинского

VIII Социологические чтения преподавателей, аспирантов и студентов,

посвящённые 135-летию со дня рождения

С. Н. Булгакова

Межвузовский сборник научных трудов

Пенза 2006

ББК 60.5

Печатается по решению редакционно-издательского совета
ПГПУ им. В. Г. Белинского

VIII Социологические чтения преподавателей, аспирантов и студентов, посвящённые 135-летию со дня рождения С. Н. Булгакова: Межвузовский сборник научных трудов. – Пенза, Пензенский гос. пед. ун-т. 2006. – 221 с.

В межвузовский сборник научных трудов включены материалы межвузовской научной конференции и статьи преподавателей, аспирантов и студентов, посвящённые актуальным проблемам социологии, социальной философии, социальной работы, пенсионного обеспечения и социальной лингвистики. Очередной выпуск «Социологических чтений» адресован научным работникам, преподавателям вузов и школ, аспирантам, студентам и всем интересующимся социологическими проблемами.

Ответственный редактор – **А.Б. Тугаров**, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и социальной работы

Редакционная коллегия:**Т. И Лаврёнова**, кандидат философских наук, доцент;
М. А. Лыгина, кандидат философских наук, доцент;
Л. Я. Плешакова, кандидат философских наук, доцент;
Т. Г. Скороходова, кандидат исторических наук, доцент.

Рецензенты: **В. В. Маркин**, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой «Управление и социология» Института государственной службы и управления при Пензенском государственном университете
Е. Н. Синёв, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского.

© Пензенский государственный педагогический университет
имени В.Г. Белинского, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

I. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

А. Б. Тугаров Вопросы социальной политики в философии хозяйства С. Н. Булгакова 5
О. С. Пугачёв Социальная и индивидуальная оптика А. С. Хомякова: романтический аспект 8
Б. Б. Поляков Мировоззрение как социокультурная реальность 15
Т. Г. Скороходова Социальное реформаторство Кешобчондро Сена: философия и практика 29
Н. П. Козлова Категориальный статус ответственности в традиционной и новой парадигмах этики 48
Л. В. Киреева Развитие информационного общества и проблемы образования 52
Е. В. Ишимская Теоретико-методологические основания личностного развития военной интеллигенции 60
А. Р. Баткаева Экзистенциальные тексты как средство понимания социальных проблем 71

II. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРИКЛАДНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

А. С. Попов «Генетическая социология» М. М. Ковалевского 76
А. В. Очкина Социологическая теория в России: проблема среднего класса 81
Г. Б. Новосельцева, А. В. Новосельцев Проблемы формирования стратегической концепции социально-экономического развития Российского государства 91
Л. И. Найдёнова, А. В. Рева Социологические методы исследования связей с общественностью в предвыборной ситуации 101
В. В. Волков Развитие городского сословия в императорской России 110
В. Н. Муравлев Идейно-политический спектр: специфика и особенности его конфигурации 118
Е. А. Кнестяпина Об изменении ценности высшего образования в сознании молодёжи в условиях трансформации российского общества 122
Н. Притченко Правоэкстремистские настроения в среде российской студенческой молодёжи 127
О. Тарасова, О. Кухова Представление студентов факультета социологии и социальной работы о будущей профессии 135
О. Вишнякова Имидж современного руководителя в организациях общественной сферы 138

III. СОЦИОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

Г. Ю. Козина Формирование ценностных ориентаций студенческой молодёжи на здоровье и здоровый образ жизни 140

С. В. Петрунина Развитие физкультурно-оздоровительных и спортивных клубов для инвалидов и категории людей с различными отклонениями в России 150
Н. Комратова, Т. Щеглова Здоровье в системе ценностей современной молодёжи 160

IV. ТЕОРИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

А. Б. Тугаров Компаративный подход к моделям социальной помощи населению 164
Н. Б. Ажнакина Социальная работа и социальное служение: общее и особенное 178
М. А. Антипов Биофильная ориентация человека как фактор целесообразности оказания помощи терминальным больным 181
М. Н. Чекарёв Социально-философские основы социальной работы: экзистенциализм, гуманизм, психоанализ 183
Ю. Тюжина Организация мероприятий по профилактике наркомании среди несовершеннолетних и молодёжи 187
А. С. Дудкин Стоимость социальной услуги, рабочей силы и организация социального обслуживания 190

V. ПЕНСИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

В. А. Долотов Пенсионная система РФ: потребность в актуарном анализе 195
И. А. Павлова Опыт работы Пензенского отделения Пенсионного фонда России по организации учебного курса «Пенсионное обеспечение в Российской Федерации» в образовательных учреждениях всех уровней 203
М. Н. Полежаева Основные элементы (условия) сохранения пенсионных прав всех категорий застрахованных лиц 209

VI. СОЦИАЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

С. А. Ломохова Проблема тестирования способности к усвоению иностранного языка на неязыковом факультете вуза 217
Е. В. Луткова Учёт аспектов обучения иностранному языку как условие эффективного формирования социокультурной компетенции 219
А. В. Зайцева, М. А. Антипов Социолингвистический компонент в процессе преподавания иностранного языка взрослой аудитории 222

I. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

А. Б. Тугаров
Пензенский государственный
педагогический университет им. В. Г. Белинского

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ФИЛОСОФИИ ХОЗЯЙСТВА С. Н. БУЛГАКОВА

135–летите со дня рождения Сергея Николаевича Булгакова (16 июня 1871 г., Ливны Орловской губ.) представляется хорошей возможностью не только еще раз обратиться к взглядам русского философа, экономиста, публициста, богослова, но и увидеть интегративный характер его научных идей, их теоретико-методологическое значение для современной отечественной социальной науки.

В этой связи интерес вызывает своеобразный социолого-экономический синтез, присутствующий в работах С. Н. Булгакова, содержание которых раскрывает смысл его «философии хозяйства», и проявляющийся в понимании социальной политики как феномена общественной жизни. В 1912 г. публикуется первая монография С. Н. Булгакова «философия хозяйства» (с подзаголовком «Часть первая. Мир как хозяйство»), в которой вся проблематика политической экономии и социальной философии марксизма подвергнута коренной переработке с позиций религиозной философии [1].

Вместе с тем обращение к философским работам С. Н. Булгакова убеждает в том, что содержание вопросов социальной политики раскрывается не только в «Философии хозяйства», но присутствует в самой философии хозяйства, а последняя не сводится к одноименной монографии и не исчерпывается ее содержанием. В 1910 г. проблема философии хозяйства была обозначена в статье С. Н. Булгакова, посвященной природе в философии В. С. Соловьева.

Говоря о начале XX века, С. Н. Булгаков подчеркивает, что общество вступило в век небывалого и еще находящегося только в начале хозяйственного овладения природой. В пластичности мира, его послушности воле человека убеждает каждый новый шаг в покорении природы, в ее непрерывном очеловечении. С. Н. Булгаков, соглашаясь с тем, что мир пластичен, стремится понять, что же значит эта пластичность, можно ли ее философски осмыслить, объяснить возможность, установить пределы.

Ответы на такие вопросы ставят перед философским сознанием «совершенно новую – или, по крайней мере, в такой форме никогда еще не стоявшую – проблему философии хозяйства» [2]. И все эти вопросы и проблемы, по мнению С. Н. Булгакова, связаны с общей философией природы. Это – вопросы, которые выходят за пределы научного естествознания в область метафизики природы.

Однако в еще более ранних работах С. Н. Булгаков связывает обозначенную проблему не столько с метафизикой природы, сколько с социальной философией. В статье, датированной 1904 г. и вошедшей в книгу «Два града», С. Н.

Булгаков утверждает, что «социально-политическое мировоззрение» не существует без определенного идеала, который коренится в общем мировоззрении, но законченную форму получает в религии. В этом смысле можно прямо сказать, что «только религия обосновывает социальную политику», питает ее «подземные и наземные корни» [3].

В «философии хозяйства» С. Н. Булгаков рассматривает соотношение социальной науки и социальной политики. Что касается социальной науки, то она, по его мнению, есть момент социального действия и «представляет собой орудие социальной техники или, что тоже, социальной политики» [4, 207]. С. Н. Булгакова интересует степень научности социальной политики. Социальная политика есть «нерв социальной науки», она владеет «ключами от всех ее знаний».

Социальная наука не может сообщить социальной политике «большего градуса научности», чем тот, каким сама обладает, но зато его она сообщает ей в полной мере. Автор «философии хозяйства» уточняет, что «возможная научность социальной политики» не уничтожается тем, что в ней, как и во всякой деятельности, руководимой практическими интересами, неизбежно «участвует доля субъективизма» [4; 207,208.].

Социальная политика не только может, но и должна стремиться к научности, трезво внимать голосу жизни, и в этом социальной политике помогает наука. С. Н. Булгаков отмечает, что «истинная научность здесь является синонимом жизненного реализма» [4, 212.]. Хотя социальная политика способна обладать научностью, это вовсе не означает, что из определенных научных посылок с необходимостью следовала только одна система политики, и именно она была единственно научной. Напротив, из одних и тех же научных данных могут вытекать различные, но с одинаковой степенью научности обоснованные направления социальной политики.

Таким образом, С. Н. Булгаков считает, что определенный научный инструмент может быть по-разному употреблен. Для него это принципиально важное мнение, поскольку благодаря неправильному пониманию сущности науки и степени социального детерминизма, в начале XX века широкое распространение получило представление о том, что возможна только одна научная социальная политика [4, 209].

Если возвращаться к более ранним работам С. Н. Булгакова, в которых раскрывается содержание философии хозяйства, то обращает на себя внимание его интерес к генезису социальной политики. В статье «Христианство и социальный вопрос» (1906 г.) он отмечает, что зачатки современной социальной политики в недифференцированном виде существовали уже в первые века христианства.

Среди христианских общин, наряду с разными формами благотворительности в узком смысле слова (милостыня, поддержка учителей, вдов и сирот, больных и слабых, бедных и неспособных к труду, помощь при крупных несчастьях, забота о пострадавших общинах и др.), существовали начала социальной политики в довольно современной форме: «именно нечто в роде организации

приискания труда и признание права на труд в пределах христианских общин» [5].

Развитие этих идей мы находим в статье «О первохристианстве» (1908 г.). С. Н. Булгаков обращает внимание на то, что если для античного человека государство было всем – домом, родиной, храмом, то у христианина оно из центра переместилось на периферию, поскольку христианин нашел новый дом, новое жилище. И нашел не только за пределами этого мира, но и на земле. «Это – экклезия, церковь, община» [6].

Наибольший интерес для понимания генезиса социальной политики в контексте философии хозяйства С. Н. Булгакова представляет статья «Народное хозяйство и религиозная личность» (1909 г.), в которой раскрывается значение пуританского аскетизма как образа социальной жизни для формирования современного автору «экономического человека». Специфически буржуазная профессиональная этика возникла во многом и потому, что силой религиозного аскетизма воспитаны были для буржуазного предпринимателя трезвые, совестливые, необыкновенно работоспособные, привязанные к труду как к богоугодной цели жизни и чувствующие свою ответственность перед ним рабочие – отцы современного «пролетариата» [7].

В «Философии хозяйства» интерес к генезису социальной политики дополняется обращением к социальной политике как деятельности. С. Н. Булгаков сравнивает социальную политику с механикой, которая может приводиться в движение разными мотивами. С этой точки зрения, детерминизма в социальной политике не больше, чем во всякой живой деятельности.

Булгаков задается вопросом: какого рода деятельность соответствует социальной политике, для какого искусства она является техникой?

Ответ на данный вопрос он находит, рассуждая о том, что социальная политика имеет свою особую область и свой собственный объект. Таким объектом становиться «действие на совокупности, на социальное тело». С. Н. Булгаков считает, что «область такого действия все расширяется, – в государственной, социально-экономической, культурной области растущее обобществление жизни и сознание обобществленности, социализм жизни и социологизм сознания непрерывно расширяют и упрочивают компетентность социальной политики» [4, 208.].

Завершает историко-научный экскурс в философию хозяйства С. Н. Булгакова вопрос о понимании им принципов и тенденций социальной политики. Признавая, что аскетизм накладывал свою печать и на хозяйственную деятельность, и на отношение к социальным благам, С. Н. Булгаков подчеркивает, что современная социальная политика в силу своего действенного характера направляется волей. Именно воля определяет приоритеты социальной политики, тогда как наука лишь консультирует относительно средств социальной политики, а не ее целей. Социальная политика в начале XX века принимает, по мнению С. Н. Булгакова, социалистическую окраску не потому, что она следует из содержания социальной науки. Дело в другом: определенные группы общества видят в социализме – справедливо или ошибочно – панацею от всех социаль-

ных зол, «хотят его до всякой науки и помимо ее, вовсе не в силу его научности, но его желанности» [4, 210].

Можно только предполагать, учитываются ли при определении приоритетов социальной политики современного российского общества аналитика и прогноз социальной политики, содержащиеся в работах С. Н. Булгакова начала XX века.

Библиографический список

1. См.: Сапов В. В. Булгаков Сергей Николаевич // Русская философия: Словарь / Под общ. ред. М. А. Маслина. М., 1995ю С. 68.
2. Булгаков С. Природа в философии Вл. Соловьева // Вопросы философии и психологии, 1910, Т. 5, С.679.
3. Булгаков С. О социальном морализме // Два града. Исследования о природе общественных идеалов. Т. I . М., 1911, С.133
4. Булгаков С. Н. Философия хозяйства. М.: Наука, 1990.
5. Булгаков С. Христианство и социальный вопрос // Два града. Исследования о природе общественных идеалов. Т. I. С. 215.
6. Булгаков С. О первохристианстве // Там же. С. 265.
7. Булгаков С. Народное хозяйство и религиозная личность // Там же. С. 196.

О. С. Пугачев
Пензенская государственная
сельскохозяйственная академия

СОЦИАЛЬНАЯ И ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ОПТИКА А. С. ХОМЯКОВА: РОМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Понимая романтизм в первую очередь в том теоретическом ключе, который характерен для его немецких носителей и «идеологов» XIX в (бр. Шлегели, Новалис, Шиллер, Шеллинг и др.), мы вглядываемся в образ знаменитого русского мыслителя А. С. Хомякова, применяя оптику романтизма не только к его философским, мировоззренческим положениям, но и тому личностному, индивидуальному, субъективному мирочувствованию, характеру, что составляло особенность данного персонологического этоса. О том, насколько правомерно такое видение, такой аспект, более обоснованно можно говорить, обращаясь к генезису славянофильства. В литературе по данному вопросу существует установившийся взгляд о широком и всепроникающем влиянии европейского романтизма на русскую общественную мысль 30-40-х годов XIX в. Собственно литературный аспект романтизма не может быть, особенно для России, осмыслен отдельно от социального: крушение надежд на конституционный путь развития страны после событий декабря 1825 года привело к тому, что «В этот период будущие западники и славянофилы ощущали себя в состоянии глубокого разлада с действительностью [1]. «Разлад с действительностью» – традиционная характеристика зарождения романтического настроения. Чаще всего из него вырастает грёза о будущем мире или золотом веке, реже – о преобразовании мира на новых (старых) началах, которые представляются истинными. Какой же путь избрали ранние славянофилы, и их бесспорный лидер – А. С. Хомя-

ков? Нам представляется, что этот путь был путем поиска и опоры на Высшую силу, ту, о которой так живо и поэтически непосредственно сказано у Вл. С. Соловьева: «Высшую силу в себе сознавая, // Что ж тосковать о ребяческих снах? // Жизнь – просто подвиг и правда святая // Светит бессмертьем в истлевших гробах». «Истлевшие гробы» русской истории были для Хомякова тем святым прахом, из которого поднималась христианская православная Русь, когда сила слова и духа Божия осознавались как самая надежная и непререкаемая опора. В философии Хомякова время не немотствует в бессилии меонического провала: оно все наполнено событийно, прошлое живет и движет настоящее и пребывает в нём. Трафарет «поиск национальной самобытности» несколько заслоняет событийно первичное: осознание мощи и святости национального корня через приобщение к мировому, примордиально общему, человечески исконному по причине его близости к божескому, истинному. Не средневековый ли это взгляд? Да, поскольку именно в предельной онтологической ретроспективе средневековье ощущало свою связь с началом всех начал, и в то же время нет, поскольку возвращение к истокам – «вечное возвращение» – психологически «общее место». Кроме того, ввиду этих рассуждений нужно не забывать и о том, что «средневековье», «самосознание эпохи» и подобные понятия, есть не что иное, как абстракции, лишь в общем виде отражающие реальные умственные и общеидеологические движения времени, исторической эпохи, интеллектуально присущие только верхнему слою народа, сравнительно небольшой группе образованных людей, тогда как основной массы населения это касалось мало или вовсе не касалось.

Тем не менее, вслед за романтиками и независимо от них Хомяков искал в древнем бытии национального духа народа те неиссякаемые источники, которые способны питать новое настоящее и будущее развитие страны; они, эти источники, способны смыть наносы и пену неподлинного, ненационального, ненародного и неродного, привнесенного из чуждого внешнего мира и насильственно и искусственно внедренного в живую, органически представляемую ткань исконной русской жизни. Однако Хомяков смог, как и большинство крупных представителей славянофильства, избежать односторонностей одиозного национализма. Романтический в своей основе принцип «единства многообразия» (Шеллинг) был внутренне прочувствован и жизненно принят им. В своем «романтизме» и в области философии, и в жизнепереживании он поступал и чувствовал как европеец, но, тем не менее, европеец конечно же, русский, между тем как были европейцы немецкие, французские и др. Был ли это европоцентризм, вполне осознанный и четко проводимый в идеологическом плане? Отчасти да, поскольку «семья народов» в большей степени понималась, по крайней мере в первую очередь как европейская семья, а уж потом, и весьма абстрактно, – как мировая.

Еще несколько специальных акцентов мы вынуждены сделать на само́м понятии «романтизм» с целью прояснения нашей позиции в плане связи в нем персонального и идеологического. Романтическое рождается на основе субъективного мироперeживания, и в этом смысле его литературные, этико-эстетические и другие позиции – вторичны. Хотя и существует мнение о том,

что романтизм может быть адекватно понят только как общее, а не как биография его отдельных представителей, мы полагаем, что эти два плана с необходимостью должны сопрягаться и интегрироваться. Напомним, что уже сами романтики разрабатывали концепцию особой личности, энтузиаста, противопоставляя её филистерскому миру. В этом отразился и отчетливый тип нового самосознания, непрерывно рефлектирующая личность, чья рефлексия определяется рамками особых чувственных понятий и логических образов. Традиционное неприятие условий актуального социального мира, которое может склониться и к нигилизму, и к апатии, в романтизме переходит как в систему художественного творчества – творчества чаемого мира, так и в самотворчество, в постоянную внутреннюю работу, интеллектуально-чувственное «кипение». Хомякова (и не только его) можно назвать «романтиком» по типу личности. Уточняя характеристику, добавим, что он – христианский романтик. Истоки этого умонастроения лежат в его детстве. Достаточно привести такой красноречивый факт: оказавшись в семилетнем возрасте в Петербурге, мальчик воспринял город как языческий, взяв на себя миссию быть в нем не менее как христианским мучеником за православную веру. Имея за плечами физико-математический факультет Московского императорского университета, Хомяков с 1823 года находился на военной службе, все тонкости военного искусства кавалерийского офицера были усвоены им вполне и органично. Он обладал физической выносливостью и храбростью спартанского воина и в то же время он обладал качествами воина христианского: он никогда не разил бегущего врага, но только воинственно поднимал над ним свою саблю. Сослуживцы Хомякова оценивали его храбрость как «холодную» и «доблестную» [2]. По совокупности своих талантов он напоминал гениев Ренессанса: богослов, философ, поэт, историк, лингвист, аграрный деятель, изобретатель, воин – и это далеко не полный перечень, свидетельствующий о всесторонней личной одаренности. Его роднила с Байроном любовь к Греции, стремление увидеть её независимой. «Опоздав» к сражению при Ватерлоо, одиннадцатилетний Хомяков решил «бунтовать славян», а в 17 лет он пытается бежать из дома на помощь восставшим грекам. И он же выразил несогласие декабристским намерениям установления конституционной власти насильственным путем, поскольку полагал, что воинство, из народа и для защиты народа созданное, не может служить политическим интересам какой-либо из общественных групп.

Его философствование неотделимо от личностных характеристик, субъективного этоса: все его промахи и достоинства органично принадлежат его живой натуре. Парадоксально, но российские западники и славянофилы одинаково имели истоком своих историософских, культурных и религиозных концепций Европу, мыслили и чувствовали по европейскому образцу, естественно окрашенному и у тех, и у других национальным колоритом. «От Шеллинга и Германии к России и православию – таков «царский путь» русской мысли», – замечал Г. П. Федотов. [3]. Федотов полагал, что со времен декабристов в России освободительные идеи усваиваются и развиваются людьми, оказавшимися в стороне от реальной власти и государственной деятельности. Это привело к тому результату, что они не имели практических программ, а только общую

«идеологию». Несмотря на то, что после взращивания с 30-х годов XIX в в «теплицах немецкой философии» они проходили искус экономических и естественных наук, их источник неизменно был – в духовном плане – западный. И славянофильство этот публицист и философ эмиграции считал лишь видимым исключением: «При ближайшем рассмотрении оказывается, что источник его свободолюбия все в той же Германии, а русское прошлое ему плохо известно; русские учреждения (земский собор, община) идеализированы и имеют мало общего с действительностью» [4]. Федотов идет дальше в критике славянофильства, заявляя о том, что, пустив корни в России, оно скоро утратило либеральное содержание и даже взошло на трон в лице Александра III и Победоносцева, т. е. это был реакционный тупик. При всей относительной правомерности данного рассуждения, мы не можем принять его вполне. Действительно, мы часто умнеем, глядя на Европу, её достижения, истинно и то, что идеология официальной народности весьма близка славянофильству, но верно и другое, что в своей сущности славянофильство не изменяло себе и своим свободолюбивым, но христианским по духу устремлениям. Этот дух ярче всего и прежде всего выразился в жизни и творчестве А. С.Хомякова, которые еще ждут своего цельного, «континуального» изложения.

В философии истории Алексея Степановича мы также можем легко заметить влияние немецких мыслителей предромантического, романтического и последующего периода: Гердера, Шеллинга, Ф. Шлегеля, Гегеля. Именно в их трудах «зародилась и нашла обоснование идея органического понимания истории, ценности традиций, связанных с народной жизнью, значение религии и искусства в духовной истории народов» [5]. Знаменитые хомяковские «Записки о всемирной истории» (или, с легкой руки Н. В. Гоголя – «Семирамида») имели великих предшественников в плане исторической методологии.

Подобно Ф. Шлегелю, вплоть до эпохи Возрождения, Хомяков интерпретирует всемирную историю посредством бинарных оппозиций: двум волям немецкого романтика подобны два противоположных начала – иранство и кушитство. Можно перечислить еще немало положений в философских и теологических построениях основателя славянофильства, которые говорят о его духовной связи с немецкими романтиками иенского и гейдельбергского кружков, но все они уже стали общим местом. Мы видим свою задачу в другом, а именно – показать, имея в виду устоявшееся определение романтизма как особого литературно-художественного и идеологического направления европейской и мировой культуры, особый тип романтика как специфический набор психологических, духовных и интеллектуальных качеств. «Романтизм, – подчеркивает R. V. Pierard, – несомненно, указывает на специфический «темперамент» (К. Бринтон) или на личность автора, если не на эпоху в истории развития культуры» [6]. В этом смысле нам остается указать, какие же качества отличают религиозный и философский романтизм А. С. Хомякова, понимая при этом не полноту, не тотальность, а элементарность романтического присутствия в личности и творчестве русского мыслителя. Мы полагаем, что романтизм Хомякова – христианский в сущности своей. Он происходит из жажды правды Божией, чаяния преображения мира, лежащего во зле, желания увидеть истины Христовы во-

площенными в социальную жизнь. Многих немецких художников слова и мыслителей романтизм привел или вернул к религии: они устали скитаться в субъективных мирах Я, эстетической самореализации, полностью утратившей чувство подлинного, объективного мира, и именно в религии обретают тихую и надежную гавань. Ф. Шлегель, А. Мюллер, К. Галлер приняли католицизм, Й. Гёррес и К. Брентано вернулись в лоно католической церкви. Как величайшую моральную и культурную силу представил католичество «новообращенный» Р. Шатобриан. В отличие от них Хомяков с детства воспринял православие как истинную и родную веру; по его собственным словам, он обязан матери, Марии Алексеевне, твердой верой в русский народ, его национальный дух, а также верностью учению православной церкви. В широком смысле слова всякий христианин является и романтиком, поскольку чает спасения и воскресения и ищет прежде всего Царства Божия и Правды Его, а все остальное рассматривает только как более или менее удачные способы и средства движения к высшей цели. Вот и в мировой истории философ искал проявлений веры и разума в их единстве, искал цельного человека, рассматривал народы как совокупные личности, полные жизни и борьбы. Россия во всемирном историческом (духовном) процессе призвана осуществить христианский идеал «цельной жизни», когда через соборность индивид отрекается от эгоизма и, выходя из его скорлупы, обретает себя в свободе вместе со всеми, принявшими Христа, осознает себя членом церкви как «тела Христова». Христианский романтизм (хотя это вполне условное название) требует немедленного дела по воплощению идеала в действительности. И Хомяков делал это дело, строго выполняя посты, посещая храмовые богослужения, творя добрые дела, живя по уставу и учению православной церкви. Он верил в силу живого слова, его сопряженность с Логосом и отсюда – полемика-проповедь, небольшая охота к писательству. Согласно его представлениям, человек, как существо тварное, сам по себе ограничен. Но индивид обладает разумной волей и нравственной свободой, он может выбирать между полнотой любви к Богу и бессилием духовного одиночества в грехе. Глубокое уважение к субъективному началу – черта общеромантическая, однако Хомяков по-своему развивает её: личность обретает свою полноту только среди других людей, в атмосфере, где любовь и свобода неразрывны, где воплощается призыв Церкви: «Возлюбим друг друга, да единомыслием исповемы Отца и Сына и Святого духа». И еще раз мы возвращаемся к автору знаменитого «Гения христианства», Шатобриану, поскольку ему также, и еще ранее Хомякова, грезилось «воссоединение человека с человечеством – отсюда его интерес к патриархальной общности индейского племени («Рене»), его восхищение соборной общностью верующих…» [7]. По мнению В. В. Розанова, Хомяков догадался не только о том, что церковь является корнем русской культуры, но и о том, что она представляет её вершину [8]. У Хомякова нет ни крайности чувственного и фантастического, ни ригоризма сухих логических конструкций и при этом он – сторонник живого духа и строгой, методологической дисциплины мышления – мышления, ответственного за свои построения и выводы.

В идее соборности отразился особый дух личности Хомякова и, если можно так выразиться, православного религиозного романтизма. Мы, привык-

шие к тому, что в романтизме как идейном течении на первом месте стоит чувственно-субъективное в человеке, его глубинная персональность, не обращаем внимания на то, что в этом же течении есть и иная сторона, коллективно-народная, а в данном случае – соборная. Христос не был самозамкнутой и самодостаточной до равнодушия к другим личностью: он пришёл в мир для всех, для людей, открыв путь спасения грешникам и победив своею собственной смертью и воскресением «последнего врага» человечества – смерть. Воскрес первенец от мёртвых и в этой радостной вести залог спасения для всех, кто действительно встаёт на путь Христов. И как же желал, чтобы его родина неуклонно следовала по этому пути А. С. Хомяков! Однако его религиозный романтизм не застил ему глаза: он любил, подобно Чаадаеву, свою родину с открытыми глазами и в гораздо меньшей степени, чем другие его соратники по направлению общественной мысли, идеализировал прошлое. Общеизвестна его позиция по отношению к «грехам» России в её историческом прошлом и дореформенном настоящем. Чего стоит знаменитое стихотворение «Россия» (1854 г.): «В судах черна неправдой чёрной…». Без Бога и вне православной церкви спасения нет. В этом свете показательно отношение философа и богослова к Писанию и Преданию. Как замечает современный исследователь, у Хомякова Писание и Предание «условно объединены равенством авторитета и тем самым выведены из ограниченности человеческого опыта» [9]. Верующий, изучающий святоотеческие источники или Библию, должен подходить к ним целостно, сопрягая передачу вербального опыта с развитием опыта духовного. Философ-славянофил интерпретировал теологию как «учительство в логической форме», которое не может быть ни игнорировано, ни абсолютизировано. Предание, синтезированное с Писанием, выступает как единый уровень авторитета, и трактовка источника зависит от степени приближения к нему сознания исследователя-верующего [10].

Иными словами, постижение авторитетного сакрального текста возможно как соборное по духу и форме (методологии). Отсюда вырастает у Хомякова и И. Киреевского критика западной рационалистической односторонности, в том числе – в праве, что вызвало горячее возражение известного современного исследователя русской мысли – А. Игнатова, опирающегося на авторитет Н. А. Бердяева, утверждавшего, что «славянофилы – типичные романтики, ибо основывают жизнь на принципах, стоящих над юридическими. Однако отрицание правовых принципов ведет к тому, что жизнь опускается под них. Таким образом, – делает вывод А. Игнатов, – идеи «ранних» славянофилов играют скорее негативную роль. Они идеализировали русскую традицию несправедливости и сделали из роковой необходимости философско-правовую добродетель. Наряду с другими, Киреевский и Хомяков освободили дорогу для большевистского «правосудия». При этом то обстоятельство, что они были консервативными христианами, в то время как большевизм исповедовал воинствующий атеизм, ничего не меняет. Романтическая идеализация России является необходимым дополнением к романтическому бичеванию Запада» [11]. На наш взгляд, в случае А. С. Хомякова, как и И. В. Киреевского, мы имеем дело, наряду с типичными признаками романтизма, и с атипичными. К последним относится при-

знание абсолютности истин христианского учения. Оценивая современное положение вещей, русский мыслитель применяет к ним масштаб христианского идеала и чётко фиксирует тот факт, что ни Запад, ни Россия к его воплощению не приблизились.

Другое дело – неравноудалённость от этого идеала в перспективе развития двух культур, здесь, как известно, предпочтение отдаётся своему Отечеству, но и то с оговоркой выполнения ряда условий духовного и материального плана. Как говорит французская пословица, самое худшее – исказить лучшее, и вряд ли было бы правомерно, даже в фигуральном значении, сказать, например, о Гегеле и Ницше, что они «проложили дорогу» фашизму и тоталитаризму. По-видимому, до сих пор не утратила актуальности формула В. Э. Сеземана: «Неправильные представления о славянофильстве. С ним произошло то, что часто в истории происходит с идеями и учениями. В каждом живом учении есть своя любовь и своя ненависть» [12]. Именно отрицающая сторона славянофильства оказывалась более всего в центре внимания, между тем, как верно подметил автор, у И. Киреевского звучит мысль об исторической задаче русского народа построить новую культуру синтетического, цельного типа, подчинив всё в ней высшему началу и такая культура мыслилась уже не как только русская, но и общечеловеческая. Цельность духа должна быть положена не только в основании культуры и конкретной жизни, но и составить сердцевину новой философии как живого и цельного знания или живознания [13]. Несомненно, с этими идеями был солидарен и А. С. Хомяков. В то же время не составляет особого труда, как это делает А.Игнатов, упрекнуть основателей славянофильства в ненаучности, даже исходя из современного им уровня развития исторической науки, например: там где «романтизм», какая же речь о научности (?!).

И все-таки «научность» и «романтизм» совместимы. В 1859 году в 1 книге «Русской беседы» было напечатано письмо Хомякова к Ю. Ф. Самарину «О современных явлениях в области философии». Текст этого сочинения свидетельствует о глубокой эрудиции и творческом потенциале русского мыслителя в области философии. Его рассуждения содержат полный набор конституциональных признаков научности, «романтизмом» же можно считать разве только последовательную критику материализма.

Заключая, вновь обратимся к нашей гипотезе: А. С. Хомяков как личность был романтиком особого типа: христианским, православным романтиком (соборная, «симфонически»-церковная личность, церковь как органическое единство, «тело» Христа, живознание и др.). Элемент специфического романтизма содержится и в его философии, которую невозможно рассматривать вне его светской теологии (С. А. Левицкий). Отсюда возникает необходимость решения ряда исследовательских задач: а) литературоведческое и историческое (в том числе – компаративистское) изучение текстов мыслителя; б) создание персонологической (социально и личностно-психологической) типологии романтизма; в) выяснение места и роли, особенностей элемента романтизма в творчестве А. С. Хомякова; г) научное издание Полного собрания сочинений знаменитого русского мыслителя.

Идеи Хомякова близки и необходимы нам сегодня, поскольку их познавательный и собственно духовный потенциал не исчерпан протекшими столетиями. Главная причина ценности его творчества – стремление сберечь высшее в человеке и в индивидуальном, и в общем, соборном плане. Объяснение человека, исходя из низшей его природы, редко приводит к тому, что принято называть «любовью к людям». В этой связи характерен старинный анекдот, в смысле «истории», который приводится в упомянутом выше письме к Ю. Ф. Самарину: «... кто-то в Конвенте начал речь словами: «Господа, человек есть животное», – а другой его прервал: «Предлагаю напечатание речи с портретом автора».

Романтическое состояние сознания есть одно из достижений человеческого, это своего рода «наработка», на основе которой может быть выстроено невиданное здание благородного и всецелого человеческого духа, воистину по образу и подобию Божию.

Библиографический список

1. Благова Т. И. Родоначальники славянофильства: А. С. Хомяков и И. В. Киреевский. М.: Высш. шк., 1995. С. 13.
2. Лосский Н. О. История русской философии. М.: Высш. шк, 1991, С. 46.
3. Федотов Г. В.Судьба и грехи России: В 2-х тт. СПб.: София, 1991, Т. 1, С. 86.
4. См. Там же. Т. 2, С .293–294.
5. Благова Т. И. Родоначальники славянофильства. С.48.
6. Романтизм //Теологический энциклопедический словарь. М.: Ассоциация «Духовное возрождение» ЕХБ. 2003. С. 997.
7. В. А. Мильчина. Вступительная статья. // Эстетика раннего французского романтизма. М.: Искусство, 1982, С. 14.
8. Розанов В. В. Опавшие листья //О себе и жизни своей. М.: Моск. рабочий, 1990, С. 505.
9. Хачатурян Л. В. Канонические тексты и правило авторитета в оценке религиозной философии: А. Хомяков – В. Соловьев – И. Ильин // Общественные науки и современность. 2002, № 4, С. 150.
10. Там же, С.152.
11. Игнатов А. Русская философия истории: романтический консерватизм // Вопросы философии. 1999. № 11. С. 107.
12Сеземан В.Э. Основы славянофильства // Начала. 1992. № 4, С.66.
13 Там же. С. 71.

Б. Б. Поляков
Пензенский государственный
педагогический университет им. В. Г. Белинского

МИРОВОЗЗРЕНИЕ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Общество переходного типа закономерно сталкивается с проблемой возрастания роли мировоззрения в функционировании социальной системы. Отчасти это вызвано потребностями всех социальных сил в поиске и обосновании собственного видения того, куда и как должно развиваться общество дальше. Отчасти это связано с необходимостью для социальных групп, поли-

тических партий и движений бороться за реализацию выгодной для них концепции общественной модернизации. Кроме того, в рамках современной исторической эпохи возрастание роли мировоззрения связано с глобализацией современного мира. Неоднозначное отношение к этому процессу в мире отнюдь не способствует укреплению международного мира и безопасности.

Возрастание роли мировоззрения в жизни общества выразилось в изменении его статуса. Если 25-30 лет назад мировоззрение рассматривалось исключительно как явление общественного и индивидуального сознания, то сегодня это – важнейший фактор социальных изменений. Как показала история модернизации России конца XX – начала XX1 века, все экономические, политические и социальные реформы имели в своем составе ярко выраженную мировоззренческую составляющую.

Превращение мировоззрения в условие социальных изменений требует его изучения как социальной, а точнее, как социокультурной реальности. На уровне прикладных социологических исследований социологи давно и активно изучают ценностные ориентации различных социальных субъектов. Но без теоретического анализа проблемы мировоззрения результаты этих исследований можно интерпретировать по-разному. Именно неоднозначность мировоззренческого восприятия мира требует научного, социологического анализа мировоззрения.

Трудность социологического исследования мировоззрения вытекает из специфики данного явления. Во-первых, мировоззрение – это феномен сознания и его нельзя наблюдать эмпирически. Правда, в свое время советские социологи пытались изучать мировоззрение советских людей через анализ их участия в общественно значимой деятельности. Однако, как показала дальнейшая история советского общества, общественная активность не может быть достаточно точным критерием уровня развитости мировоззрения, ибо она может быть ориентирована не только на социальные, но и на индивидуалистические, эгоистические, карьерные цели. Во-вторых, и это, по мнению автора, главное, мировоззрение – это одновременно и предмет и метод осознания окружающей человека реальности, причем в этой связке метод первичен, а предмет вторичен. А это означает, что от характера используемой методологии представление о предмете (т. е. о мировоззрении) может изменяться. На этом основании изучение мировоззрения относят исключительно к компетенции философии, но не социологии.

Разумеется, полностью избежать влияния философии на социологическое исследование мировоззрения нельзя. Однако это вовсе не означает принципиальной его невозможности, ведь философия (точнее, конкретная философская система) может служить не только групповым, но и общественным интересам, адекватно осмысливая потребности и интересы социальной системы в целом.

Научное, социологическое изучение мировоззрения возможно. Но для этого надо отрешиться от одностороннего по своей сути классового подхода к его изучению. Мировоззрение можно изучать научно только лишь как элемент, функцию общественной системы, то есть изучая его конкретно, во взаи-

мосвязи и взаимодействии с другими типами мировоззрения (мировоззрением других социальных групп), характерными для данной исторической эпохи. Проще говоря, научный анализ феномена мировоззрения возможен тогда, когда оно будет рассматриваться как система и в контексте системной методологии. Последнее условие представляется обязательным, так как критерием научности исследования любого явления выступает соответствие используемой методологии характеру изучаемого предмета.

Однако заявление о системности методологии социологического исследования мировоззрения является недостаточным для обеспечения его научности. Принцип системности универсален, но каждая историческая эпоха наполняет его новым содержанием. В истории социальной науки известны различные типы системности – позитивистский, естественно-исторический подходы, понимающая социология и т. д. Для социологического анализа мировоззрения важно знать, каковы характеристики системности методологии применительно к анализу мировоззрения сегодня.

К сожалению, при социологическом изучении мировоззрения исследователь не может априорно констатировать критерии системности современной методологии, ибо такая констатация может быть аргументом для обвинения его в пристрастности. Для соблюдения объективности суждений и выводов он должен «вывести» эти критерии в ходе анализа фактов, в качестве которых, по мнению автора, могут выступать накопленные в прошлом знания о мировоззрении.

Советская концепция мировоззрения была разработана в 70–80-е годы прошлого века в контексте более широкой и социально значимой для существования командно-административной системы концепции формирования у советских людей научного мировоззрения. В условиях нарастания кризисных тенденций в советском обществе и при отсутствии у тогдашнего партийно-государственного руководства СССР сколько-нибудь эффективных экономических и политических инструментов борьбы с нарастающим кризисом, формирование научного мировоззрения виделось чуть ли не единственной возможностью привить гражданам СССР иммунитет против «тлетворного влияния капитализма».

Неудача идейно-политического зомбирования советского народа дискредитировала как концепцию формирования научного мировоззрения, так и концепцию мировоззрения. Дело дошло до того, что в начале 90-х годов XX века проблема мировоззрения исчезла из номенклатуры философско-социологических исследований. Вместе с тем было бы неверно полностью отбрасывать эти знания. Они – историческое свидетельство уровня развития социального мышления того времени. Кроме того, созданные в условиях кризиса тоталитарной системы, они сами внутренне противоречивы. И анализ этих противоречий может создать благоприятные возможности для выявления критериев системной методологии, на которых должно базироваться социологическое исследование мировоззрения.

Изучая советскую философскую литературу, посвященную проблеме мировоззрения нельзя не заметить, что в одно и то же определение мировоз-

зрения как обобщенного взгляда на мир различные авторы вкладывали неодинаковый смысл. Прежде всего, это проявилось при определении объекта мировоззрения. По свидетельству самих исследователей первоначально объектом мировоззрения считался мир или мир в целом (1). Однако в этом случае мировоззрение вполне можно было отождествить с сознанием. Поэтому к началу 70-х годов прошлого века большинство исследователей объектом мировоззрения стали считать отношение человека к миру (2). Но очень скоро выяснилось, что и у этого понимания объекта мировоззрения есть недостаток. Дело в том, что отношение человека к миру может быть теоретико-познавательным, а может быть и практическим.

В конце 70-х – начале 80-х годов прошлого века вроде бы утвердилась единая трактовка объекта мировоззрения как духовно-практического отношения человека к миру (3). К сожалению, это не помогло устранить разногласия между исследователями по поводу основных аспектов мировоззренческой проблематики, ибо духовно-практическое отношение к миру есть не что иное, как ценностное отношение к миру.

В первую очередь, разногласия возникли относительно того, что является содержанием мировоззрения. Одни авторы отождествляли мировоззрение с философией. Другие сводили мировоззрение к классовому самосознанию, т. е. к совокупности философских, экономических и политических воззрений. Третьи связывали мировоззрение с общественным самосознанием, включая в него естественнонаучные, философские, политические, экономические, нравственные, правовые, эстетические, а подчас и религиозные воззрения (4).

Не было единого мнения у советских исследователей и по вопросу о структуре мировоззрения. Правда, большинство авторов были солидарны в том, что основными структурным элементами мировоззрения являются идеи, взгляды, убеждения. Но когда дело касалось научного мировоззрения, к этому триединству они в обязательном порядке присоединяли «марксистско-ленинскую» теорию, ибо тогда считалось, что единственно верным учением является марксизм (5). С политической точки зрения это было понятно, но с теоретической точки зрения – нелогично, так как идеи, взгляды, убеждения всегда имеют своего конкретного носителя, тогда как теория – это часть культуры, науки, которая может существовать отдельно от своего создателя.

Определенные расхождения между исследователями существовали и по вопросу о функциях мировоззрения. Одни авторы выделяли гносеологическую, методологическую и социальную функции (6), другие – практическую, методологическую, контрольно-регулятивную, гносеологическую и идеологическую функции (7), третьи –познавательную, методологическую и идеологическую функции (8), четвертые –познавательную, методологическую, эвристическую, идеологическую и управленческую функции (9).

Наконец, советские источники указывали еще на одно разногласие. Оно сводилось к тому, что на характер трактовки мировоззрения оказывали влияние и научные интересы исследователей. Так, ученые-естествоиспытатели связывали мировоззрение с картиной мира, тогда как обществоведы обращали внимание прежде всего на законы общественного развития. Таким образом,

научное мировоззрение также трактовалось двояко. С одной стороны его отождествляли с естественнонаучным, с другой – с общественнонаучным мировоззрением.

Отмеченная выше разноголосица суждений заставляет задуматься над причинами, ее вызвавшими. Варианты объяснения этих причин могут быть различны. Так, в конце 70-х годов прошлого века автор данной статьи считал эти разногласия «болезнью роста». Присутствовавшая во многих работах дискуссионность порождала надежды, что расхождения в трактовках мировоззрения в конце концов будут устранены. Но очень скоро внимание автора привлекло к себе другое обстоятельство, суть которого сводилась к тому, что концепция мировоззрения, называвшаяся «марксистско-ленинской», была таковой только на словах. а не на деле. Отдавая дань марксистской фразеологии, советские исследователи проблемы мировоззрения абсолютно игнорировали тот факт, что если мировоззрение есть явление сознания, то оно должно анализироваться в контексте диалектико-материалистической теории отражения. Иными словами, они оставляли без внимания марксистский принцип, согласно которому если мировоззрение – это действительно самостоятельное явление сознания, оно должно быть отражением не какого-то неопределенного «мира в целом», а совершенно конкретного отношения в структуре общественного бытия.

Правда, отдельные исследователи справедливо указывали, что нельзя определять мировоззрение через мир, потому что это ненаучное понятие (10). Но к их голосу не прислушались. Почему? Ведь совершенно очевидно, что сведение мировоззрения к чему-то другому, будь то философия, классовая или общественная идеология и т. п., лишает мировоззрение права на существование как самостоятельного явления сознания, превращает его в фикцию. Пытаясь разобраться в причинах «отказа» советских исследователей мировоззрения от опоры на «марксистско-ленинскую» теорию отражения, автор обратился к советской философской литературе, посвященной анализу проблем общественного бытия и общественного сознания.

Как известно, советские философы понимали под общественным бытием диалектическое единство человеческой деятельности и общественных отношений (11). В структуру видов человеческой деятельности включались деятельность по преобразованию окружающей природы, экономическая, политическая, правовая, нравственная, эстетическая, теоретическая, религиозная деятельность. Согласно марксизму, эта деятельность носила общественный характер, поэтому марксизм рассматривал их в контексте соответствующих общественных отношений.

Структура общественного сознания выводилась из структуры общественного бытия (12). Если говорить кратко, она включала в себя естественнонаучное, экономическое, политическое, правовое, этическое, эстетическое, философское, религиозное сознание, которые функционировали, с одной стороны, как система знаний, а с другой – как система идей, взглядов, убеждений.

Мировоззрение в советской философской литературе всегда определялось как системообразующее ядро сознания. Рассуждая логически, можно

прийти к выводу, что оно должно отражать некое системообразующее общественное отношение. Но такового в структуре общественного бытия не просматривалось. Именно это обстоятельство во многом заставило советских исследователей обратиться к изучению мировоззрения через мир.

Понятие «мир» пришло в советскую философию из исторической предшественницы марксизма – натурфилософии. Марксизм-ленинизм был, как уже отмечалось, логико-гносеологической теорией, и понятие «мир» помогало исправить ее недостаток – невозможность отразить момент движения, изменения природной и социальной реальности.

Используя понятие «мир», советские исследователи добивались того, что сознание, вернее самосознание, приобретало онтологический статус, статус реальности, оказывающей обратное влияние на человека, его природное и социальное окружение. Здесь сознание становилось мышлением, способным не только понимать и обобщать, но и преобразовывать действительность.

Однако, будучи пересаженным в чуждую для себя теоретическую почву, понятие «мир» стало полисемантичным, т. е. многозначным(13). И этот полисемантизм оказал советским исследователям мировоззрения плохую услугу. Действительно, мир – это природа, Вселенная. Но в то же время мир – это мир человека, государство, общество (14). Два смысла – два способа доказательства. Отсюда и ситуация неопределенности.

Точно такая же ситуация неопределенности складывается и при анализе содержания мировоззрения. Будучи духовно-практическим отношением к миру, мировоззрение в реальности существует как «сознание в действии», т.е. как мышление. Но мышление функционирует на разных уровнях. В центр осознания мира можно поставить мышление науки и тогда вполне правомерно вести речь о естественнонаучном мировоззрении. При желании ядром сознания можно признать классовое самосознание, т. е. классовое мышление и тогда мировоззрением могли бы быть классовая идеология или классовая психология. Наконец, исходя из практических соображений, можно было говорить и об общественном способе мышления, общественном самосознании, ведь социализм признавался обществом, где классовые различия постепенно стираются.

С позиций вышеизложенного становится понятным, почему советским исследователям проблемы мировоззрения не удавалась критика точек зрения оппонентов. Дело в том, что такая критика может быть успешной лишь при наличии ошибок в логико-теоретических построениях оппонентов. В условиях же, когда существовало несколько равноценных и логически безупречных способов аргументации по поводу одного и того же явления, критика оказывалась просто бессильной что-либо опровергнуть.

Из всего сказанного напрашивается вывод, что советские исследователи мировоззрения использовали понятие «мир», если можно так выразиться, «не от хорошей жизни», т.е. вынужденно. Но это, по мнению автора, не совсем так. Существовал способ анализа мировоззрения в рамках марксистской методологии. Имелась возможность обнаружить мировоззренческое общественное отношение и, тем самым, избежать полисемантизма. Тем более, что

это общественное отношение было издавна хорошо известно всем философам-марксистам.

Для обнаружения этого общественного отношения необходимо было перевести проблему общественного бытия и общественного сознания с логико-гносеологического на онтологический уровень анализа. В рамках онтологического подхода эта проблема приобретала несколько иной облик. Место общественного бытия занимал бы человеческий способ бытия, а исходной точкой его анализа выступал бы не труд, а производство, так как согласно марксизму человек для того, чтобы жить, должен производить предметы своих потребностей.

Таким образом, производство вполне могло быть представлено в качестве духовно-практического отношения человека к миру. И тогда с марксистской точки зрения отношение человека к миру могло бы отождествляться с человеческой, чувственной деятельностью, т. е. с практикой.

Из такого понимания сущности мировоззрения очень просто было обнаружить и «мировоззренческое общественное отношение». Как известно, производство в марксизме всегда рассматривалось как процесс диалектического взаимодействия производительных сил и производственных отношений. Правда, в советское время это единство анализировалось только на уровне общества в целом. Но ведь это единство существует и на уровне самого человека. Человек одновременно является и главной производительной силой любого общества, и участником производственных отношений. А это значит, что сформулированное К. Марксом во введении «К критике политической экономии» положение о противоречии между производительными силами и производственными отношениями является и противоречием самого человека, противоречием его способа существования. Рассуждая логически, нетрудно было прийти к выводу, что противоречие между деятельностью и общественными отношениями людей – это есть и отношение между их сознанием и самосознанием, между их знаниями, с одной стороны, и идеями, взглядами, убеждениями – с другой.

Из подобного рода рассуждений было бы очень легко выявить объективную необходимость мировоззрения в жизни любого человека. Человек не может осуществлять жизнедеятельность в условиях противоречивости своего бытия и сознания. Следовательно, он нуждается в механизме, инструменте преодоления этого жизненного противоречия. Таковым инструментом и является мировоззрение.

Однако мировоззрение – это не плод какого-то абстрактного отношения человека к миру. Исходя из буквы и духа марксизма, мировоззрение есть отражение определенного общественного отношения. И таким мировоззренческим общественным отношением следовало бы признать способ производства, способ деятельности. На уровне же сознания мировоззрение – это социальное самосознание людей, способ их социального мышления. Именно социального мышления, так как в марксизме развитие отдельных индивидов и групп всегда обусловливалось социальными условиями их жизни.

Подобное понимание сущности мировоззрения позволяло очень легко преодолеть указанный выше полисемантизм трактовок содержания, структуры мировоззрения и т. д. В первую очередь это касается определения содержания мировоззрения.

Содержание мировоззрения отражает место человека в мире, т. е. в системе человеческой практики. Так как человек одновременно выступает и производительной силой и участником производственных отношений, поэтому он одновременно является «человеком экономическим» и «человеком политическим», потребности и интересы которых не совпадают. «Человек экономический» мыслит свое развитие в контексте стремления получить от своей экономической деятельности максимально возможный экономический эффект при наименьшей затрате труда и капитала. А «человек политический» для обеспечения условий своего развития нуждается в максимально возможном уровне льгот и привилегий, который в рыночном обществе можно обеспечить как члену определенной социальной группы только за счет ущемления интересов других социальных групп. Осознание этих интересов происходит на рационально-теоретическом уровне, т. е. на уровне философствования. Таким образом, по своему содержанию мировоззрение представляет собой систему философского, экономического и политического самосознания.

Как уже отмечалось, некоторые советские исследователи проблемы мировоззрения писали о нем как о классовом самосознании, понимаемом в форме триединства философских, экономических и социально-политических идей, взглядов, убеждений. Однако в рамках логико-гносеологической методологии марксизма-ленинизма они вынуждены были в силу ограниченности самой методологии под системой понимать совокупность. Говоря о диалектическом характере взаимосвязи философских, экономических и политических идей, взглядов, убеждений, они были не в состоянии проследить эту диалектику применительно к содержанию мировоззрения, так как способ его анализа носил абстрактно-теоретический характер.

В рамках онтологического подхода ситуация коренным образом меняется. Здесь мировоззрение рассматривается не как самостоятельно существующее явление, а как функция человеческой практики. Человек живет и действует в постоянно изменяющихся конкретно-исторических условиях, постольку его социальное самосознание находится в постоянном изменении и развитии.

На онтологическом уровне анализа мировоззрение можно представить в виде призмы, где полученные человеком в результате практической деятельности знания преломляются и приобретают определенный личностный или групповой смысл. Мировоззрение помогает как бы адаптировать выработанные обществом знания к потребностям и интересам индивидов и групп. Иначе говоря, оно является звеном, связывающим на уровне самосознания отдельное и общее в социальной системе.

Вследствие того что элементы социальной системы развиваются неравномерно, «мировоззренческая призма» имеет, как правило, неправильную форму. На ранних этапах развития социальной системы, когда экономическая сфера жизни общества не позволяет в полной мере удовлетворить материаль-

ные потребности людей, в мировоззрении преобладает политическое самосознание. Именно оно способствует формированию массового типа социально активной личности, готовой на самопожертвование во имя общественного процветания. На этапе завершения существования социальной системы, когда ее жизненный потенциал постепенно исчерпывается, в мировоззрении начинает преобладать и постепенно усиливаться экономическое самосознание, ориентирующее людей на потребительские ценности.

Не остается неизменным и философское самосознание социального субъекта. По мере развития социальной системы формируются и обостряются ее внутренние противоречия, а следовательно, развивается и социальное мышление людей. Если на начальных стадиях развития общества они зачастую некритически воспринимали те или иные социальные ценности, то в условиях общественного кризиса они начинаются относиться к ним критически, т. е. осознанно.

Таким образом, в рамках онтологического подхода мировоззрение представляется неким живым потоком социального самосознания, который, с одной стороны, отражает социальную реальность, а с другой – оказывает на нее обратное влияние. Философские, экономические и политические взгляды социального субъекта как бы взаимно проникают друг в друга, образуя неразрывное целое, которое, как известно, всегда больше составляющих его частей.

В контексте понимания сущности мировоззрения как способа осознания человеческой практики создавались благоприятные возможности для преодоления неоднозначности трактовки структуры мировоззрения. Хотя последняя единодушно определялась как система идей, взглядов, убеждений, подкрепленная на уровне научного мировоззрения еще и теорией, автор данной статьи считает такой подход не совсем точным. Дело в том, что в советской философской литературе научное мировоззрение отождествлялось либо с марксистской идеологией, либо с методологией марксизма – марксистской философией. Что же касается мировоззрения широких масс советских людей, то оно представлялось обыденной системой идей, взглядов, убеждений, которая по мере усвоения марксистско-ленинской теории приближалась к научному мировоззрению.

Однако здесь нельзя не заметить логического противоречия, согласно которому, если мировоззрение – это специфическое явление сознания, то оно не может быть сведено к чему-то другому. По мнению автора статьи, мировоззрение отличается от классовой идеологии тем, что последняя осознаёт объективные интересы класса в целом, тогда как мировоззрение представляет собой субъективное осознание этих интересов индивидами и группами, относящимся к различным слоям, или стратам, этого класса. Идеология и мировоззрение совпадают только на уровне основоположников идеологии, ибо по своему содержанию она является их мировоззрением. Но, будучи опубликованным, это мировоззрение становится явлением культуры, идеологией, положения которой должны быть осмыслены отдельными представителями класса, к которому апеллируют ее создатели.

Таким образом, по своей структуре мировоззрение, с марксистской точки зрения, – это система субъективных социальных смыслов, которые люди вкладывают в те или иные созданные в обществе идеи. В своих взглядах и убеждениях они определенным образом относятся к этим идеям, придавая им определенное личностное или групповое значение. Причем это значение оформляется на уровне мировоззрения в виде субъективных смыслов, которые соединяют рационально-теоретическое понимание этих идей с их эмоциональным восприятием.

Однако, как это ни странно, ни один из исследователей проблемы мировоззрения в таком ключе данное явление не изучал. Закономерно возникал вопрос о том, почему советские философы-марксисты проигнорировали наиболее понятный и привычный для них способ анализа мировоззрения?

Самые примитивные объяснения, связанные с некомпетентностью исследователей или их страхом перед командно-административной системой, автор отмел сразу. Разумеется, в отдельных случаях и то и другое могло иметь место. Но распространять данное объяснение на все общественнонаучное сообщество было бы нелепо. Кроме того, объяснение надо было искать не на субъективном, а на объективном уровне, т.е. на уровне методологии.

Как известно, методология – это научно обоснованная система принципов, норм приемов и процедур, регламентирующих деятельность ученого. Вместе с тем было бы неверно сводить методологию только к технологии научного познания. Помимо технологического компонента методология содержит в себе и социальный компонент. Методология всегда обслуживает не только ученых, но и представителей социальных и политических элит, являясь инструментом осуществления влияния и контроля за умонастроениями людей в обществе. Вследствие этого методологию нельзя менять как перчатки, руководствуясь только тем, насколько эффективно она способствует пониманию специфики того или иного явления.

Советские исследователи мировоззрения были своего рода заложниками «марксистско-ленинской» методологии, которая обосновывала и защищала командно-административную систему. Они не могли отказаться от логико-гносеологического подхода в пользу онтологического видения процесса общественного развития потому, что тогда им пришлось бы признать, что социализм столь же противоречивая социальная система, как и его исторические предшественники. Но такой вывод попахивал ревизионизмом и считался в условиях тоталитарной системы недопустимым. Он ставил под сомнение тезис о том, что социализм – самый прогрессивный общественный строй, имеющий отдельные недостатки, но лишенный антагонистических противоречий.

Таким образом, онтологический анализ мировоззрения был политически невыгоден коммунистическому режиму. Да и само общество тогда еще не доросло до признания противоречивости социализма. Рефлексия проблемы мировоззрения в 60–80-х годах прошлого века стала актуальной именно потому, что создалась уникальная ситуация, когда кризис социальной системы в СССР сформировался, проявился в видимых негативных формах, но еще не был осознан как таковой. Сознание людей воспринимало пороки социалистиче-

ской системы как ее недостатки, и еще не была изжита вера в то, что эти недостатки могли быть устранены в рамках социализма. Вера в прогрессивный потенциал социализма и была во многом той причиной, которая заставляла использовать «марксистско-ленинскую» методологию, объяснявшую нарастание кризисных тенденций в тогдашнем советском обществе не социально-экономическими причинами, а недостатком у советских людей политической грамотности, образованности, культуры. Не случайно, в 70–80-е гг. прошлого века в советской философско-социологической литературе столь активно исследовались проблемы формирования научного мировоззрения и формирования политической культуры советских людей.

Переход от логико-гносеологического к онтологическому уровню анализа социальных явлений и процессов произошел после начала перестройки в СССР. Социальный смысл такого перехода, по мнению автора, заключался в том, что в обществе созрело понимание негодности классового подхода для научного анализа социальных явлений и процессов. Стало очевидным, что социализм развивался по тем же законам, что и все другие формы общественного устройства. Уникальность же в развитии различных социальных систем связывалась с особенностями взаимодействия социальных субъектов в рамках социальной системы, которые отражались, закреплялись и проявлялись в культуре социума.

Утверждение социокультурного подхода ознаменовало собой разрыв научного и классово-партийно-идеологического способов анализа функционирования и развития общества. И это негативно повлияло на изучение проблемы мировоззрения. Тот факт, что проблема мировоззрения в начале 90-х годов прошлого века исчезла из философской и социологической литературы, по мнению автора, было связано с убеждением научного сообщества относительно ненужности и бесперспективности изучения явления тоталитарного сознания, каковым считалось мировоззрение, в условиях общества, базирующегося на принципах рыночной конкуренции, политического и идейного плюрализма. Место исследований уровня идейной убежденности, как это было в прежние времена, заняли исследования политической культуры различных социальных групп. В отличие от подобных исследований советского периода они были более свободны и объективны в своих выводах, так как у исследователей существовала определенная свобода методологического выбора.

Однако сегодня чем дальше, тем больше очевидно, что деидеологизация социальной науки – это миф. Нет и не может быть методологии социального познания, которая не обслуживала бы ничьих групповых, партийных интересов.

По нашему мнению, под флагом социокультурной методологии выступает способ социального мышления российской чиновничье-предпринимательской социальной элиты. Отсутствие у нее четких и внятно сформулированных социальных идеалов свидетельствует о консервативности ее ценностных установок, об ориентации на социальную эволюцию при отрицании социальной полезности революции, понимающейся как бунт, мятеж, переворот, результат которой для жизнедеятельности общества скорее негати-

вен, чем позитивен. Отсюда и социальный заказ на исследования политической культуры различных социальных групп.

Все изложенное выше, по мнению автора, вполне можно использовать для формулировки методологических принципов социологического исследования мировоззрения.

Прежде всего, если мировоззрение осуществляет связь между общественной практикой и индивидуальной деятельностью, оно не может исследоваться в рамках ни одной философской методологии. Вернее, исследоваться оно может, но такой анализ закономерно будет односторонним. В результате этого анализа мы будем иметь не реальное мировоззрение, а его идеальный, желаемый для конкретного социального субъекта образ. Этот образ искажает мировоззренческую реальность, но он не полностью бесполезен для понимания последней.

Сегодня ни у кого не вызывает сомнения, что всякая реальность синтетична, ибо настоящее, которое она отражает, есть «краткий миг между прошлым и будущим». В том числе синтетична и мировоззренческая реальность. Указанные выше концепции мировоззрения представляют собой «мировоззренческое поле», в рамках которого реально функционирует мировоззрение. Оно является ничем иным, как реальным состоянием социального самосознания, которое возникает в процессе столкновения в сознании людей знаний, относящихся к различным идеологическим системам.

Мировоззрение – это своеобразный синтез разнокачественных представлений о мире. В нем как бы соединяются воедино полезные для жизнедеятельности людей идеи. Это происходит как на уровне жизнедеятельности отдельных индивидов, так и на уровне жизнедеятельности общества в целом. Ведь не секрет, что любая новая методология или идеология возникает в процессе переосмысления имеющегося в обществе теоретического, культурного багажа.

Сказанное позволяет утверждать, что сложившееся в советской философской литературе представление о том, что мировоззрение – это субъективное усвоение содержания классовой идеологии, является в корне неверным. На самом деле мировоззрение как реальность возникает в процессе сопоставления либо антагонистических идеологических систем, либо системы идей и реальной жизни, факты которой абсолютно не вписываются в идеологическую схему, которая сама является следствием этих фактов, попыткой указать пути их устранения.

Как бы то ни было, но мировоззрение – это всегда творческий акт социального самосознания людей. Оно свидетельствует об их духовном росте, недовольстве как социальными условиями своего существования, так и существующими теоретическими представлениями о путях дальнейшего развития общества, которые ущемляют его личные потребности и интересы.

Недостатком советской концепции мировоззрения была попытка изучения отношение человека к миру как отношения мира к человеку. Вольно или невольно смещая акцент в изучении мировоззрения, советские исследователи

не могли вырваться за пределы классово-ценностного подхода, односторонность которого делала их выводы ненаучными.

Если в рамках философского подхода мировоззрение рассматривалось как отношение одного субъекта к другому (человека к миру или мира к человеку), то с точки зрения социологического подхода отношение человека к миру должно рассматриваться как процесс равноправного взаимодействия и взаимовлияния друг на друга как человека, так и мира. Социология не может не признавать значимости мировоззрения для человека. Но, будучи наукой об обществе, она может его рассматривать только как необходимое условие существования и развития социальной системы.

Слабым местом советской концепции мировоззрения было то, что в ней не было уделено должного внимания вопросу о роли мировоззрения для жизнедеятельности общества. Правда, в явной или неявной форме в литературе проводилась мысль о том, что мировоззрение – это своеобразный стабилизатор социалистической общественной системы

Однако представление о мировоззрении как о гаранте социальной стабильности при всей его справедливости нуждается в уточнении. С позиций современного уровня развития общественнонаучного знания социальная стабильность – это вовсе не неизменность социальной системы. Более того, социальные изменения признаются сегодня обязательным условием сохранения и поддержания социальной стабильности. И мировоззрение в этом смысле играет здесь не последнюю роль. Если говорить кратко, то мировоззрение призвано обеспечить справедливый характер социальной системы. Именно справедливость является гарантом стабильности социального порядка. В условиях социального неравенства общественные группы борются за власть, за влияние, за политические, экономические и социальные привилегии, причем, добившись своего, они пытаются закрепить их за собой навечно. Мировоззрение является как раз тем элементом социальной системы, который не позволяет этого сделать. Оно создает критические умонастроения, которые дают толчок борьбе за более гармоничный социальный порядок.

Социологическое исследование проблемы мировоззрения – это не просто изучение приверженности людей определенным общественным ценностям. Оно акцентирует внимание на том, как люди мыслят себе процесс развития общества, какими они видят перспективы данной общественной системы. Для жизнедеятельности общества социальные настроения людей играют большую роль. История знает множество примеров, когда оптимистические настроения широких народных масс позволяли решать казалось бы самые неразрешимые социальные проблемы. Известны и другие примеры, когда господство социального пессимизма приводила государства и общества к гибели.

Ценность социологического подхода к проблеме мировоззрения состоит не только в том, чтобы обратить внимание на вопросах субъективного восприятия людьми справедливости социальных условий своего существования. Она дает и механизм, технологию такого исследования.

С социологической точки зрения мировоззрение, как уже отмечалось, – это системный феномен. В реальности оно представляет собой диалектиче-

ское единство духовных и практических элементов социального самосознания. К духовным элементам социального самосознания относятся идеологические ценностные ориентации социального субъекта, которые указывают на то, каким бы ему хотелось видеть общественное устройство его страны с точки зрения обеспечения его коренных социальных интересов. Практическим же элементом мировоззрения выступает, по мнению автора, политическая культура социального субъекта. Будучи отражением социального и политического опыта людей, она представляет собой систему умений и навыков социального, т. е. политического мышления и поведения.

Если идеологическая сторона социального самосознания ориентирует людей в будущее, то вектор политической культуры направлен в прошлое. Такая разновекторность элементов социального самосознания порождает его внутреннюю противоречивость. Способом преодоления этого противоречия, по мнению автора, как раз и является мировоззрение.

Социологическое исследование мировоззрения имеет целью выявить как, каким образом социальные противоречия влияют на мышление и поведение людей. Поэтому не случайно, что в центре его находится проблема типологии мировоззренческих ценностных ориентаций.

Рамки небольшой статьи не позволяют автору подробно остановиться на этой проблеме. Если же говорить кратко, то следует отметить, что диалектика структуры социального мышления людей дает критерий выделения системы типов мировоззренческого осмысления социальной реальности.

Вследствие того что идеологические пристрастия социального субъекта ориентированы в будущее, а политическая культура, наоборот, в прошлое, то можно предположить, что существуют два качественно различных способа осмысления социальной реальности, которые можно условно определить как революционный и консервативный. А поскольку у этих определений ярко выраженный политический характер, то лучше их определить как творческий и традиционный способы социального осмысления.

Наряду с качественными, можно выделить и, если можно так выразиться, количественные способы осмысления социальной реальности. Условно их можно определить как активный и пассивный способы. Их выделение оправдано тем, что творческий и традиционный подходы к осмыслению социальной реальности могут быть как критическими, так и некритическими.

Таким образом, в структуре типов мировоззрения можно выделить четыре типа: активно-творческий, пассивно-творческий, активно-традиционный, пассивно-традиционный. Думается, соотношение представителей этих четырех типов мировоззрение определяет характер социальных отношений в обществе, степень социальной стабильности последнего.

Автор в полной мере отдает себе отчет в том, что такая типология должна быть увязана с решением принципиально важного вопроса о научности мировоззрения. Однако научное мировоззрение отражает не столько тип мировоззрения, сколько степень адекватности осмысления социальной реальности, а эта проблема выходит за рамки данной статьи.

Библиографический список

1. Овчинников В. Мировоззрение как явление духовной жизни общества. Л., 1978. С. 17.
2. Черноволенко В. Ф. Мировоззрение и научное познание. Киев, 1970. С. 51.
3. Человек и мир человека. Киев, Наукова думка, 1977. С. 22.
4. Платонов Г. В. Картина мира, мировоззрение и идеология. М., 1974. С. 4.
5. Бальсис А. Мировоззрение в жизни общества и человека. Вильнюс, 1981. С. 16.
6. Дрыгин В. И. Научное мировоззрение, его предмет и функции. Саратов, 1981. С. 45–50.
7. Знания – убеждения – деятельность. Саратов, 1975. С. 95–98.
8. Тонких А. С. Научное мировоззрение: понятие, структура, функции. Воронеж, 1981. С.118.
9. Улыбин А. И. Функции научного мировоззрения. // «Вестник Московского университета». Сер. VII. Философия, 1974, № 5.
10. Копнин П. В. Гносеологические и логические основы науки. М., 1974. С. 18.
11. Общественные отношения. Вопросы общей теории. М.: Изд-во Московского ун-та, 1981. С. 16-17.
12. Уледов А. К. Общественная психология и идеология. М.: Мысль, 1985. С. 52.
13. Мировоззренческое содержание категорий и законов материалистической диалектики. – Киев, Наукова. думка, 1981. С. 141.
14. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 1. С. 384.

Скороходова Т. Г.
Пензенский государственный
педагогический университет им. В. Г. Белинского

СОЦИАЛЬНОЕ РЕФОРМАТОРСТВО КЕШОБЧОНДРО СЕНА: ФИЛОСОФИЯ И ПРАКТИКА

Философия и практика социального реформаторства эпохи Бенгальского Возрождения (1815–1919) представляет собой один из ключей к пониманию сущности этого исторического периода и одновременно интеллектуальный и практический опыт, значимый не только для современной Индии, но и для любой страны, идущей путём модернизации, в том числе для современной России. В идеях и трудах деятелей Бенгальского Возрождения социально-реформаторская составляющая предстаёт важнейшим направлением возрождения страны. Яркий пример тому – теоретические взгляды и практическое реформаторство Кешобчондро Сена (1838–1884) – религиозного реформатора и общественного деятеля второго периода Бенгальского Ренессанса (1859–1905).

В отечественной историографии XX века Кешобчондро Сена незаслуженно обходили вниманием, что объяснялось, видимо, его нестандартными воззрениями, большой долей апологетики британского господства и симпатиями к христианству. Исключением явилась работа Р. Б. Рыбакова (2. С. 46–58), в которой религиозно-реформаторская и социально-реформаторская деятельность Кешобчондро получили подробное освещение. Между тем социально-реформаторские взгляды и деятельность Кешобчондро заслуживают самого пристального внимания – и как попытка синтезировать достижения Запада с наследием Индии, и как программа возрождения страны.

Кешобчондро Сен происходил из уважаемой семьи калькуттского среднего класса, которая своим возвышением была обязана сотрудничеству с британ-

ской колониальной администрацией. Его дед был современником основоположника эпохи Бенгальского Возрождения, «отца современной Индии» Раммохана Роя, однако был ортодоксальным вишнуитом и противником его религиозно-реформаторской деятельности. «В семье Кешобчондро Сена европейское просвещение и английские нравственные принципы объединились с прочным индусским патриотизмом и ортодоксией», – писал немецкий индолог Ф. Макс Мюллер (11. С. 51).

Кешобчондро с детства был мистически настроен и склонен к размышлениям. Он получил образование в Хинду колледже и испытал серьёзное влияние христианства, изучая Новый Завет и общаясь с христианскими миссионерами, однако в новую веру не перешёл. Христианская проповедь равенства, социальной справедливости и идея важности социальных преобразований для совершенствования общества и человека произвели большое впечатление на Кешобчондро. Довольно рано проявились его ораторские способности и склонность к общественной деятельности: в 1855 г. он открыл школу для детей наёмных рабочих в предместье Калькутты Колутола, основал просветительское Общество британской Индии (1857).

Познакомившись в 1857 г. с сыном религиозного реформатора и главы общества Брахмо Самадж («Общество [поклонения] Богу») Дебендронатха Тагора, Кешобчондро скоро присоединился к этой религиозно-реформаторской организации и завоевал симпатии его лидера. За три года Кешобчондро заявил о себе как о вдохновенном и способном сотруднике, вокруг которого сплотились молодые брахмоисты. Приход в Брахмо Самадж Кешобчондро, с его острым интересом к христианству и социально-реформаторскому движению 1850-х гг., возглавляемому Ишшорчондро Биддешагором (3) и поддерживаемому брахмоистами, послужил обновлению организации.

Умы бенгальской молодёжи всколыхнул написанный Кешобчондро трактат «Молодой бенгалец, это – для тебя». Автор доказывал, что Индия нуждается в социальных реформах и социальных реформаторах, но развития нельзя достичь одними разговорами – только тяжёлым трудом (4. С. 82). Основной вывод трактата заключался в обосновании необходимости самопожертвования для блага Индии. «Истинный патриотизм социального служения» невозможен, по мысли Кешобчондро, без религии, а именно – активной реформированной веры Брахмо Самаджа, которая побуждает на практике делать добро человеку и обществу.

Д. Копф сравнивает содержание проповеди Кешобчондро с идеями Вивекананды, обозначившего социальное служение как религиозный долг, и указывает на то, что молодой реформатор осознал необходимость для Брахмо Самаджа апеллировать к молодёжи, инициировать социальные реформы – иначе организация обречена на упадок (8. С. 257–258). Вместе с единомышленниками Кешобчондро постепенно разрабатывает программу духовных и социальных реформ. Молодой лидер стал правой рукой Дебендронатха Тагора и предложил укрепить опору организации в молодом поколении и расширить круг её функций. Во-первых, он развернул кампанию за социальные реформы и развитие образования на страницах основанной им газеты «Indian Mirror» («Индийское

зеркало»). Во-вторых, он «объявил религиозную войну» кастовой системе и выступил за заключение межкастовых браков – невиданное кощунство для ортодоксальных индуистов. В 1863 г. Кешобчондро произнёс речь «Социальная реформация в Индии», в которой заявил: «Самадж не собирается разрушать касту как институт, отличный от индуизма через организацию чисто светского (secular) движения, противостоящего его законам и принципам. Он собирается утвердить равенство людей на религиозных основаниях и таким образом исподволь отменить кастовые различия. Он ведёт чисто религиозную войну со всеми пороками» (Цит. по: 4. С. 82).

Идея религиозного братства и равенства во многом уходила корнями в христианство, и основатель организации Раммохан Рой придерживался аналогичных взглядов, более умеренное старшее поколение Брахмо Самаджа не было готово её принять. И это несмотря на то, что многие представители старшего и среднего поколения брахмоистов в 1850 с воодушевлением поддерживали другие социальные реформы, в том числе – кампанию Ишшорчондро Биддешагора за вторичное замужество вдов; многие женились на юных вдовах, навлекая на себя гнев ортодоксальной части индусской общины (См.: 3. 67–69). Но со временем они стали более умеренными в социальных вопросах. Не был исключением и Дебендронатх Тагор, видевший главную задачу Брахмо Самаджа в искоренении идолопоклонства и распространении чистой монотеистической веры, а социальные реформы были на втором плане. «…Мы должны *остерегаться слишком быстрого продвижения в вопросах социальных изменений, иначе мы будем изолированы от основной массы людей*, которых мы призваны направлять и духовно развивать», – говорил Дебендронатх Тагор (15, С. 152).

Противоречия между радикальной и умеренной частями Самаджа стали стремительно нарастать, как только Кешобчондро развернул борьбу за межкастовые браки. В обстановке строгой секретности в 1862 г. по инициативе молодого реформатора был заключён первый межкастовый брак, а через год – уже открыто – новое бракосочетание, которое к тому же было и вторичным замужеством вдовы. Межкастовый брак был одним из компонентов борьбы Кешобчондро в рамках Самаджа против кастовой системы, другим стала борьба против внешних признаков кастовой принадлежности – священного шнура. Кешобчондро, не являясь брахманом (он принадлежал к касте *вайдья*), стремился разрушить институт кастового превосходства. Однако институт касты настолько прочно укоренён в религиозной системе индуизма, что сломать стереотипы было крайне сложно.

Не желая конфликта, Дебендронатх Тагор пытался примирить радикальную молодёжь с умеренными в Самадже, однако довольно скоро принял сторону умеренных. В феврале 1865 в Брахмо Самадже произошёл раскол. Молодые брахмоисты во главе с Кешобчондро в ноябре 1866 создали «Бхаратваршия (Всеиндийский) Брахмо Самадж», к которому присоединилось множество сторонников новых реформаторских идей по всей Индии.

В эти же годы, помимо борьбы с кастовой системой, оформились другие направления социально-реформаторской деятельности Кешобчондро Сена – всеобщее образование для населения (важнейшая составляющая – образование

для женщин) и социальное освобождение женщин. Продолжив начинания Ишшорчондро Биддешагора в сфере просвещения, Кешобчондро основал Калькуттский колледж, просуществовавший всего пять лет, однако педагогические основы этой школы позже воплотились в колледжах Альберта и королевы Виктории (последний – для молодых женщин). Главнейшей целью Кешобчондро было образование для широких масс народа. В направлении социального освобождения женщин Кешобчондро широко пропагандирует отмену затворничества, полигамии, детских браков, добровольное вступление в брак и образование для женщин. В Бхаратварши Брахмо Самадже женщины открыто посещали богослужения и собрания, преодолевая целый ряд запретов.

Ко времени визита Кешобчондро Сена в Англию в 1870 г. его социально-реформаторская философия и программа вполне сложилась; мы произвели её реконструкцию по материалам его встреч и выступлений в различных городах метрополии. Однако прежде обозначим исходные основания этой философии.

Кешобчондро был убеждён в том, что в основе социальных преобразований должна лежать религия. Между вероисповеданием внутренней религии и социальной реформой ему виделась сущностная связь. Внутренняя вера в единого Бога роднит между собою представителей всех конфессий, а не только индусов, и выразителями этой идеи, по мнению мыслителя, становятся брахмоисты, обращающиеся ко всем индийцам. Стремясь сделать сторонниками идей и веры Самаджа едва ли не всех индийцев, стремясь преодолеть его конфессиональный характер (устоявшийся после смерти Раммохана Роя), Кешобчондро, по сути, призывал на свою сторону всех, кто сознавал необходимость продолжения и расширения масштабов социальных реформ, начало которым положил Раммохан Рой.

Социально-реформаторская философия Кешобчондро сформировалась под серьёзнейшим воздействием христианства. Переосмыслив учение Христа, Кешобчондро обосновал необходимость его усвоения соотечественниками для возрождения страны. В своей знаменитой лекции «Иисус Христос: Европа и Азия» он истолковывает его учение как социальное, которое ориентирует личность и общество на духовное, нравственное и социальное возрождение. В силу своего *азиатского* происхождения учение Христа становится ключом к пониманию и восприятию европейского наследия индийцами. Главные уроки Христа, преподанные всему миру – урок прощения и урок самопожертвования (13. С. 30–31). Усвоение христианских истин индийцами выступает у Кешобчондро Сена как предпосылка и метод возрождения страны («индийской реформации»): «Наше себялюбие разрушило страну, и … продолжается в эти дни страдания и упадка Индии. … Ничто, кроме полного самоотречения, не спасёт нашу страну» (13. С. 34). Заметим, что влияние христианства прослеживается в социальном реформаторстве Бенгальского Возрождения как таковом. Христианские по происхождению ценности (абсолютное достоинство личности, идеал моногамного брака, неразрывное отношение между верой и социальным служением, демократия) соотносили со своим наследием и возрождали как собственные.

Христианскую этику Кешобчондро спроецировал в сферу социальной жизни, обосновывая необходимость её реформирования. Цель «индийской ре-

формации» – отбросить старые ошибки и искажения и заложить твёрдое основание для «реформирования социальной системы» (13. С 34). Причём в этой «могучей революции» с пользой можно воспринять и помощь европейцев, и проповедь христианства. Индийцы должны проявить дух самопожертвования во имя искоренения социального зла. «Пусть Англия и Индия, Европа и Азия будут нераздельно едины в милосердии и любви, в самоотречении и преданности Истине», – призывает реформатор (13. С. 36). Иными словами, он предлагает свой вариант синтеза индийского и западного в сфере социальной жизни, и ключом к восприятию и пониманию западного служит «азиатское» универсальное учение Христа. Главное в этом учении – *социальное* содержание; оно предстаёт как средство спасения людей от страдания, средство возрождения человечества (13. С. 4, 6). Идея страдания человека и борьбы против страдания была ключевой идеей гуманизма Бенгальского Возрождения, и Кешобчондро выступил в этом плане как наследник Раммохана Роя, развивающий его идеи.

Поездка Кешобчондро в Англию напоминает «паломничество на Запад» (Е. Б. Рашковский) Раммохана Роя в 1830–1833. Это своего рода категорический императив для масштабно мыслящих личностей Бенгалии XIX в., которые стремились осуществить на индийской почве синтез «родного и вселенского» (Вяч. И. Иванов), восточного и западного. Как правило, эти поездки генерируют и формируют их наиболее смелые идеи. Сам Кешобчондро говорил, что главная и единственная цель его визита – вызвать живой и глубокий интерес английского народа к политическому, социальному и моральному состоянию своей страны (6. С. 372). Себя он считает представителем Индии, представителем интересов всего населения, а не какой-либо политической группировки или религиозной секты (6. С. 198–199). В своих выступлениях Кешобчондро в различных вариантах излагает свое ви́дение проблем Индии и свою программу неотложных реформ.

Поскольку Кешобчондро обращается к английской аудитории, он уделяет большое внимание пробуждению Индии и *обязанностям* Англии перед ней, – причём это обязанности морального и социального характера. Индия находилась в кризисном состоянии, когда «Провидение» направило в эту страну британцев: суеверия, деградация монотеизма до «отвратительной системы идолопоклонства и политеизма», всевластие священства и забвение человечности – таковы основные беды Индии по мнению Кешобчондро. Индия, «восстав от векового сна, попросила Англию (!) о помощи, и столь необходимая помощь была оказана» (6. С. 90).

Британия завоевала Индию не только политически, но интеллектуально: в страну пришло английское образование, литература и науки, и индийцу, который с ними знаком, уже невозможно следовать отжившим традициям кастовой системы и признавать нормой детские браки, полигамию и тому подобные социальные пороки. Иными словами, выход Индии из кризиса Кешобчондро видит в первую очередь путём усвоения того *положительного* (поскольку немало и отрицательных моментов) нового знания, которое приходит с Запада. Мыслитель считает распространение английского образования *средством* усвоения новых идей, *методом* продвижения социальных реформ, *исходной ступенью*

«индийской реформации» (т. е. возрождения) и важнейшей *задачей*, стоящей перед британским правительством Индии.

С помощью Англии Индия сделала первые шаги к преобразованиям и выходу из кризиса: запрещён обычай самосожжения вдов (*сати*), узаконено вторичное замужество вдов, распространяется образование и т. д. Но ещё больше, по мысли Кешобчондро, Англии предстоит сделать: совершенствовать управление страной, искоренить несправедливость и угнетение (6. С. 103). Главная роль англичан – содействовать совершенствованию морального и социального состояния Индии, освобождать её ото всех социальных зол, поделиться своими социальными достижениями (6. С. 307–308, 413). Главный труд, который предстоит совершить британскому правительству – «труд революционных реформ – бескомпромиссных, радикальных реформ» (6. С. 89). Англия в Индии – всего лишь «опекун», «доверительный собственник», не имеющий права использовать её богатства и ресурсы для собственного благополучия. В противном случае «Индия не долго останется в ваших руках, – заявил Кешобчондро англичанам 28 июня 1870 г. – Вы *будете вынуждены покинуть Индию*, и мы будем делать своё дело *настолько лучшим образом, насколько сможем* (курсив наш. – Т. С.) (6. С. 373).

Все эти яркие «западнические» высказывания, упование на благую роль колониальной державы не позволяют назвать Кешобчондро «вестернистом». В лучших традициях социально политической критики, заложенных Раммоханом Роем, реформатор доказывает англичанам, как они ***должны*** *вести себя в Индии*, и что они ***должны*** *для неё сделать*. И главным оказывается содействие всеобщему (бесплатному!), повсеместному и всестороннему образованию в стране, особенно – всеобщему образованию для женщин, в котором – залог успеха «индийской реформации» (6. С. 212, 371). Показательно, что других задач Кешобчондро перед англичанами не ставит! На самом деле он нисколько не уповает на помощь внешней силы в деле возрождения Индии, как это может показаться на первый взгляд. Он чётко различает внешние блага западной цивилизации (технически достижения, средства связи и т. п.), и внутренние изменения в сознании, мышлении и нравственности народа: «…Всё это внешние усовершенствования цивилизации, однако если сердце нации не преобразовано и не очищено, не может быть никакой истинной реформации» (6. С. 200). В другом выступлении Кешобчондро говорит: «истинная реформация, чтобы стать необратимой, должна придти *изнутри*» (Курсив наш. – Т. С.) (6. С. 403). Другими словами, если Индия не поможет себе сама, не реформирует изнутри свои убеждения, идеи и чувства, никакая пришедшая извне «сестра-Англия» (6. С. 90) ей не поможет.

Равным образом Кешобчондро является противником «денационализации» индийцев, которую он понимает как подражание образу жизни европейцев: не следует индийцам лишаться своих корней, если они желают достичь реальных результатов «индийской реформации». В конечном счёте Кешобчондро выступает за «синтез древней цивилизации и достижений современной мысли и усовершенствований» (6. С. 402). Каждый народ, по его мнению, должен сле-

довать по собственному пути, не отвергая положительного опыта, которым готовы с ним поделиться другие народы и страны.

Кешобчондро словно обновляет идеи Раммохана Роя о том, что историческая миссия Англии заключена в содействии синтезу лучших сторон индийской и западной цивилизаций и культур. Так же, как и родоначальник Бенгальского Возрождения, он предвидит независимость Индии, когда эта миссия будет выполнена. Кешобчондро подчёркивает, что синтез возможен, если он укоренён в индийской традиции и идёт изнутри общества. Вектор социально-реформаторского действия направлен от всеобщего образования к социальным преобразованиям и культурному возрождению, причём условием движения вперёд становится распространение гуманности в отношениях между людьми. Д. Копф, считает важным результатом поездки Кешобчондро на британские острова его огромную популярность в качестве знаменитого индусского реформатора – за двадцать лет до Вивекананды; причём и у того, и у другого прослеживается сходная идея о том, что Англия должна сделать всё для благосостояния Индии, а не заботиться о собственных интересах (8. С. 261).

Итак, исходная идея философии социального реформаторства у Кешобчондро – укоренённость преобразований в самом реформируемом обществе. И начало реформам, по его мнению, уже положено. Совсем недавно Индия, несмотря на свои богатства и возможности, была совершенно бездеятельна в делах социального реформаторства, однако день ото дня тьма интеллектуального, нравственного и духовно невежества стала рассеиваться благодаря знакомству с западными идеями и английскому образованию. Однако поле для реформ поистине огромно: главными социальными пороками Индии Кешобчондро считает «проклятие кастовой системы» (6. С. 92), обычай ранних браков, практику полигамии и подчинённое положение женщин, а также идолопоклонство. С одной стороны, идолопоклонство и касты – «поразительные средства удержания огромных людских масс в узах духовной и социальной тирании» (6. С. 287), с другой – состояние общества наилучшим образом можно оценить, увидев положение женщин. Множество безнравственных социальных обычаев и установлений, касающихся женщин, отражают печальное состояние всего индусского сообщества: брахманское многожёнство и связанное с ним отрицание отцовства, браки девочек со стариками, обычай, запрещающий вдове вторичное замужество и предписывающий её умерщвление плоти и жестокие ограничения и т. д. (6. 387–388). Как просветитель Кешобчондро видит причину всех социальных зол в недостатке образования, в том числе – для женщин, но не пытается объяснять эти пороки социальными причинами. Для него просто очевидна необходимость реформ, – борьбы против кастовой системы, распространения межкастовых браков, уничтожения ранних браков и полигамии, распространения всеобщего, в том числе женского, образования для искоренения предрассудков и суеверий и преобразования сознания людей, необходимость уничтожения затворничества и подчинённого положения женщин.

«Борьба между старыми институтами и новыми идеями, между представлениями и предрассудками предков и современной цивилизацией» указывает, что Индия уже прочно встала на путь реформ (6. С. 197). Под «представления-

ми предков» Кешобчондро подразумевает средневековые «искажения», которым подверглись чистые первоначальные основания индийской цивилизации, а не сами эти основания, не традицию. Он чётко разделяет древнюю традицию Индии и её «искажение» и в определённом смысле – уничтожение. Поэтому социальные реформы и «уничтожение старых институтов и представлений» в конечном итоге предстают как возрождение изначальной традиции. А традиция выглядит у Кешобчондро следующим образом. Во времена, когда европейцы были «во тьме невежества и варварства», индийцы создали настоящую великую цивилизацию (6. С. 403). В ней не было идолопоклонства, поскольку все веровали в единого Бога, хотя и называли его различными именами. В ней существовал высокий образец этического поведения, которому тщательно старались следовать на практике. Система кастовых различий древним индусам была неизвестна. В одной из речей Кешобчондро говорит об изначальном происхождении касты из *социальных* (главным образом профессиональных) различий, но впоследствии эта система была усилена и закреплена религиозными санкциями, и тот, кто нарушал кастовые различия, утрачивал все религиозные и социальные привилегии индуса (6. С.272–273). Увидев социальный характер и происхождение кастовой системы, Кешобчондро приблизился к социологическому объяснению кастовой дифференциации.

Далее, в Древней Индии мужчины и женщины свободно общались друг с другом, а женщины проявляли свои способности в математике и других науках, обсуждали религиозные и нравственные вопросы, обязательно получали образование (самого высокого качества) и самостоятельно избирали себе супруга, а ранние браки не допускались (6. С. 404–406, 387, 390). Идеализация древнего прошлого Индии характерна для Кешобчондро не менее, нежели для его предшественников и современников, выступающих за возрождение страны на основе возрождения древних идеалов. Но он – не ретроград: «Таким образом, в Индии, в древних книгах и институтах индусов, содержится *основание для будущих реформ* – прочное и твёрдое, как скала, – заключает Кешобчондро свои размышления о прошлом. – …И обязанность всех тех, кто пытается просвещать, распространять образование и нести цивилизацию этой великой стране, должны установить *современную цивилизацию* на твёрдом и прочном *национальном* базисе. Страна отвергнет любой другой базис (Курсив везде наш. – Т. С.) (6. С. 406–407). Вопрос и противоречие – в другом. Выступая за синтез модернизированного Запада и древней традиции Индии, Кешобчондро основой синтеза видит традицию, что объяснимо его справедливым неприятием внешнего копирования западного образа жизни и попыток насаждения иноземных обычаев. Но, как справедливо заметил Ш. Шоркар, прошлая слава Индии – это слава *индусская*, и на основе поклонения этой славе, сознании индусского превосходства и тенденции мистицизма и духовной эмоциональности индуизма выстраивается *традиционализм* (12. С. 155–156). В самом деле, традиционалистские нотки проскальзывают у Кешобчондро, когда он прославляет былое величие *индусской* Индии, говорит об угнетении и «дурном управлении», уничтожении свободы женщин при мусульманских правителях, когда говорит о борьбе «индусского разума» за оправдание и возрождение (revival) своего на-

ционального теизма и т. п. (6. С. 404, 407). Выступая как пророк идеологии общеиндийского политического (а не конфессионального) единства, Кешобчондро своими оговорками и противоречащими друг другу высказываниями (в разное время и в разных местах) подвергает его редукции: возрождение оказывается возрождением индусских идеалов, социальные реформы – реформами социальной системы индуизма, а духовное возрождение – возрождением чистого монотеизма индусов. С другой стороны, именно индуизм распространял свои институты на остальные религиозные общины, и выступление реформаторов против каст объективно имело целью объединение всех индийцев. Так, заслуги прежних реформаторов – гуру Нанака и бенгальца Чайтаньи Кешобчондро видит в попытке первого объединить в монотеистической вере и мусульман, и индусов, второго – утвердить равенство людей и преодолеть кастовую систему (6. С. 407–408). Невзирая на противоречия, которых у Кешобчондро много, попытка теоретически обосновать фундамент реформ в виде синтеза «родного» и «вселенского» заведомо исключает его принадлежность к лагерю традиционалистов, которым претили его попытки разделаться с кастовой системой и освящёнными традицией обычаями.

«Реформация должна придти изнутри» и главная обязанность реформаторов, по убеждению мыслителя, – разрушение кастовой системы, препятствующей единению людей и общественному прогрессу. «Невозможно достичь реального благосостояния страны, пока кастовая система не будет полностью сломана, поскольку она не позволяет осуществить дух истинного братства» (6. С. 288). Обычай ранних браков, полигамии, запрет на вторичное замужество вдов, невежество народных масс, отсутствие системы образования для женщин, заключение браков без осознания той обязанности и ответственности, которые он налагает на супругов, – против этих социальных пороков предстоит бороться реформаторам.

«…В настоящее время Брахмо Самадж – не просто сообщество религиозных людей, но также национальный центр социального и морального усовершенствования», – считает Кешобчондро (6. С. 411). Он подробно рассказывает о деятельности Раммохана Роя и Брахмо Самаджа в сфере реформации индуизма и социальных преобразований и особенно – об усилиях возглавляемого им Всеиндийского Самаджа. Брахмоисты в его выступлениях предстают главной и передовой силой индийского общества, действующей не только в Бенгалии, но и в Бомбее, Мадрасе, городах Северо-Западных пограничных провинций и в Панджабе, которые стали центрами нравственной, социальной и религиозной реформации. Именно брахмоисты показывают реальные результаты борьбы: отбросили суеверия, общаются с людьми, невзирая на их касту, расу, религию, задумываются об ответственности супругов перед вступлением в брак, содействуют заключению межкастовых браков (и сами заключают их), во многом (при поддержке правительства) способствовали утрате власти касты в школах и колледжах. Женщины посещают богослужения и собрания Самаджа. Если кто-либо и признаёт кастовые различия, то исключительно как *социальное* явление. «Поскольку во всех частях мира есть касты, так же могут быть касты и в Индии – просто как система социальных разграничений и, возможно, разграничений

политических; но как систему *религиозных* разграничений их ни одного мгновения не будет признавать ни один образованный человек, ни один брахмоист, – заявляет Кешобчондро. – Она просто возмущает простые человеческие чувства, увековечивая систему различий, которые противоречат духу великих доктрин Отцовства Бога и Братства Людей» (6. 97–98).

Но для возрождения страны мало разрушить предрассудки, обычаи и систему каст; требуется выстроить новое общество. Поэтому Кешобчондро главным методом возрождения страны считает всеобщее образование: «Образование – это главное лекарство от всех великих пороков, которыми страдает страна» (6. С. 201). Это главная социальная реформа, обусловливающая успех всех остальных. Более того, успех начинаний Брахмо Самаджа обусловлен, по убеждению Кешобчондро, тем, что общество появилось как результат контакта британцев и Индии в широком смысле, и продуктом английского образования – в конкретном смысле, хотя огромно и позитивно влияние древний индусских книг и ценностей – т. е. традиционного санскритского образования (6. С. 369, 346). Все результаты, достигнутые брахмоистами, были бы, таким образом, невозможны без изменения сознания и мышления, которые приносит полноценное образование, сочетающее индийские и западные компоненты. Именно синтез в образовании (в лучших традициях Раммохана Роя!) предлагает Кешобчондро, невзирая на очевидное, на первый взгляд, предпочтение английскому образованию.

Образование для Кешобчондро – лучшее средство обеспечить интересы нации. Оно не только формируют и совершенствует интеллект нации, но также «очищает её характер», позволяет устранить множество социальных пороков и «не только развиваться интеллектуально, но и одновременно продвигаться по пути политической и материальной реформации» (6. С. 201). Уже очевидны успехи образования в Индии: в школах и университетах, основанных в Бомбее, Калькутте, Мадрасе, непрерывно увеличивается число учащихся и студентов, которые доказывают свои интеллектуальные способности на экзаменах. Но образования для состоятельных классов недостаточно; необходимо всеобщее образование: «Позвольте нам поощрять свободное обсуждение и свободное исследование; позвольте нам распространять образование среди высших классов, средних классов и беднейших классов людей, позвольте нам посеять блага свободного полезного образования – как общего, так и специального, повсюду и глубоко. Образование – это то, что революционизировало всю Индию… и вызвало своего рода социальное, нравственное и духовное брожение во всём огромном полуострове» (6. 162). Кешобчондро предлагает обучать литературе и наукам Запада, равно как и собственному наследию, всё многомиллионное население Индии, включая крестьян и представителей низких каст. Образование имеет нравственный смысл: улучшение нравственного состояния простого народа позволит изжить предрассудки, суеверия и пороки. Кешобчондро предлагал объединить усилия землевладельцев и других состоятельных классов с усилиями правительства, создать фонды для финансирования и поддержки народных школ (6. С. 206–208). Решения правительства имеют обязательный харак-

тер и для чиновников, и для населения, поэтому это необходимая ступень в создании системы всеобщего образования.

Подобно Раммохану Рою, Кешобчондро не мыслит просвещения Индии в отрыве от развития прессы и книгопечатания. Повсюду выходят книги, газеты и журналы, освещающие самые разнообразные вопросы. Индийцы полюбили английский язык, литературу и науку до такой степени, что предпочитают в общении и переписке родному языку иностранный. «Я надеюсь, что мы не допустим, чтобы такое положение сохранялось и дальше, что придёт время, и национальные языки будут оправданы» (6. С. 203). Выступая за развитие книгопечатания на новоиндийских языках, «западник» Кешобчондро считает, что обучать огромные массы индийского населения следует на родном языке.

Всеобщее образование органически включает образование для женщин. Точно так же, как и у его предшественников, у Кешобчондро социальное реформаторство немыслимо без гендерного компонента. Д. Копф отмечал, что уже у Раммохана Роя большинство работ раскрывает различные аспекты негуманного отношения мужчин к женщинам и требует освобождения женщин во имя освобождения общества от социальной стагнации (9. С. 37). Кешобчондро не был исключением в ряду его последователей; стержнем его программы было женское образование и восстановление достойного социального статуса женщины в обществе.

Подчинённое положение женщины в мире мужчин явилось следствием искажения чистых древних идеалов и установлений. Мужчины не позволяют женщинам вмешиваться в свои дела, однако, как иронически замечает Кешобчондро, практически во всём мире женщины управляют мужчинами, и Индия – не исключение (6. С. 392). Необходимо достичь реального равновесия: в тех сферах, где мужчины имеют преимущество, должны действовать мужчины, и наоборот. «Истинное процветание общества зависит от гармонии полов, – говорит Кешобчондро. – Необходимо …попытаться объединить их и позволить советоваться в их же интересах, что в итоге даёт нам ценные решения и активные филантропические труды лиц обоего пола» (6. С. 393). Неравенство полов в любой сфере, особенно в доступе к образованию, противопоставляет мужчин и женщин друг другу и в итоге препятствует возрождению общества.

Кешобчондро убеждён, что в Древней Индии женщины были равны мужчинам, пользовались большим влиянием в обществе и даже «определяли судьбы нации», не говоря об их значительной роли в семье (6. С. 214). Печальное положение женщины в современной Индии обычно обосновывают ссылками на священные законодательные книги, но Кешобчондро, как истинный брахмоист, говорит о множестве других источников и книг, опровергающих эти принципы. Ранний брак, затворничество, многожёнство, навязанные суеверия и предписания, пожизненное вдовство держат современных женщин Индии в состоянии нравственного, духовного, социального и интеллектуального подчинения (6. С. 387). Иными словами, возрождение страны начинается с возрождения семьи, а последнее – с восстановления достойного статуса женщины.

Поэтому распространение женского образования предстаёт важнейшей задачей реформаторов (при поддержке британцев). Иначе «индийская рефор-

мация» будет поверхностной, а ошибки и предрассудки будут законсервированы наилучшим образом. Образование «должно дать Индии хороших матерей и хороших жён, чтобы они могли воспитывать детей в страхе Божьем и в любви к Богу и прививать им великие и благие идеи, которые исключительно важны в наши дни» (6. С. 310).

Вопрос о женском образовании – это и вопрос о средствах просвещения. Согласно Кешобчондро, образование заключено не во внешних изменениях – в образе жизни, платье, питании, но в полноценном обучении *на родном языке* наукам, литературе, этике, религии (6. С. 216). Мыслитель высоко оценил усилия англичан – М. Карпентер, Дж. Бетюна и других, открывающих школы для девочек, но указал на ряд проблем, препятствующих распространению женского образования. Во-первых, это обычай ранних браков и связанное с ними раннее материнство, что «обедняет нацию и ослабляет индийскую расу» (6. С. 215), и, помимо прочего, заставляет прекращать образование. Кешобчондро предлагает в этом случае продолжать обучение дома, на женской половине (6. С. 169). Во-вторых, отсутствуют женщины-учителя – из-за затворничества, предрассудков и отсутствия соответствующей подготовки кадров. Реформатор считает, что для начала, пока правительство не подготовит учительниц-индианок, в этой роли могут выступить англичанки-волонтёры (6. С. 169–170, 217). В-третьих, образование подчинено интересам религиозных общин. В индусских семьях не желают учить девочек, если учительница – христианка, опасаясь обращения в другую веру. «Образование не должно быт под покровительством любой частной церкви, чтобы оно не было подчинено взглядам какой-либо религиозной общины, но было образованием свободным, либеральным и всесторонним по характеру» (6. С. 394).

Таким образом, рассматривая проблемы женского образования, Кешобчондро предложил принципы для становления образовательной системы Новой Индии как таковой: всестороннее образование, включающее гуманитарные, точные и естественные науки, светский, свободный от узкоконфессиональных тенденций характер образования, профессиональная подготовка учителей для начальных и специальных школ, и, главное, право на непрерывное образование для лиц обоего пола.

Социально-реформаторская программа Кешобчондро – это продолжение дела Раммохана Роя. Кешобчондро по-своему синтезирует западное с индийским в своих социально-философских представлениях, делая акцент на наследии западного христианства с его порывом к совершенствованию социального устройства. Но, говоря образно, это усвоение не есть пересадка западного древа на индийскую почву, но «прививка» западных идей и достижений на индийском древе, укоренённом в индийской же почве. Именно таков синтез, предложенный реформатором.

Несмотря на противоречивые моменты в социально-реформаторской проповеди, Кешобчондро (как и Раммохан) – пророк возрожденческого гуманизма, который прорастает в требовании братства между людьми всех вер, милосердия, разрушения социальных перегородок, в отстаивании прав личности и необходимости социального служения. Призывая возродить древние идеалы,

права и ценности, Кешобчондро видит условием возрождения заимствование западных достижений в социальной и интеллектуальной сфере, что в итоге должно привести к выстраиванию *нового* индийского общества. Объективно это модернизированное общество, не исключающее традиционного культурного наследия, а подразумевающее его как интегральную составляющую. Показательны и средства возрождения общества – всеобщее *светское* образование, возрождение утраченных ценностей в семье, в том числе уважение к женщине, повышение её нравственной роли в воспитании подрастающего поколения.

Знакомство Кешобчондро с «христианской филантропией, христианским милосердием и благородным христианским самоотречением» вдохновили его на активизацию практики социального реформаторства по возвращении в Индию. В конце 1870 г. он учредил Индийскую ассоциацию реформ с целью «содействия социальной и нравственной реформации народа Индии» (8. С. 17). Членом Ассоциации мог быть любой человек, независимо от национальной, расовой и религиозной принадлежности, заинтересованный в социальном развитии (14. С. 55). В организации создали пять отделений – улучшения положения женщин, образования, распространения недорогих книг, содействия трезвости, благотворительности.

Бамахитойшони Шобха («Общество благосостояния женщин») ставило перед собой задачи основания женских школ (начальных и «нормальных» (средних, обучающих на родном языке)), публикации книг и периодических изданий для женщин и проведение дискуссионных собраний. В собраниях открыто принимали участие женщины, а результаты дискуссий публиковались в первом индийском журнале для женщин «Бамаободхини потрика» («Просвещение для женщин»), затем в журнале «Поричорика» («Подруга») (5. С. 79). В годовом отчёте Ассоциации указывалось, что «Бамаободхини потрика» выходил тиражом свыше 400 экземпляров и пользовался большим успехом у образованных читательниц (14. С. 55). Отделение основало Нормальную школу для женщин, в которой, помимо общего среднего образования, обучали профессии учительницы.

Отделение образования ставило целью обучение трудящихся классов и обучение средних классов промышленным профессиям. Для этого в 1870 г. были основаны Промышленная школа, дававшая техническое образование, Институт для рабочих, предназначенный для начального образования беднейших классов, Калькуттская школа для мальчиков, впоследствии преобразованная в Колледж принца Альберта, ряд вечерних школ, несколько позже – колледж Виктории, где высшее образование получали женщины.

Институт для рабочих, помимо обучения, занимался организацией отдыха для учащихся, желая оградить их от попадания в дурные компании, отравлений, пустого и безнравственного времяпрепровождения. Поначалу Институт работал трижды в неделю, затем – ежедневно, исключая воскресенье и праздники. В Промышленной школе было шесть отделений: плотницкого дела, портняжного дела, ремонта часов, печатного дела, литографии и гравёрных работ, но три последних были закрыты из-за организационных трудностей. К сожалению, тре-

бовалось время на то, чтобы у людей появилось желание и интерес к обучению в такой школе, – это видели сами организаторы (14. С. 56).

Кешобчондро решил использовать приобретённую в Англии славу социального реформатора, чтобы доказать правительству необходимость государственной поддержки национального возрождения. Он обратился к властям с серией открытых писем, посвящённых образованию, убеждённый, что без широкомасштабной официальной поддержки дать массам народа просвещение усилиями одних энтузиастов вряд ли возможно. Содержание его писем напоминает ответы Раммохана Роя на вопросы британских парламентариев в 1831–1832 гг. Он описывает плачевное состояние крестьян в системе налогообложения *заминдари*, указывает на их «невежество, неграмотность, бедность, доверчивость и несчастья; они отданы на милость прижимистых жрецов, жадных заминдаров (землевладельцев. – Т. С.), жестоких плантаторов и порочных полицейских» (Цит. по: 8. С. 263). Британское правительство уже сделало многое для распространения просвещения, но необходима «всеобъемлющая и национальная система образования для Индии», чтобы «отбросить иго предрассудков и прогнивших установлений и устранить многомерные социальные и нравственные пороки, от которых до сих пор страдает Индия» (Цит по: 8, С. 263). Кешобчондро первым заявил о насущной необходимости всеобщего массового образования для всех слоёв населения Индии. Доктрина элитарного образования, по его убеждению, опровергнута всей историей современной цивилизации. Как только в странах Европы началось обучение масс, все они ступили на путь величайшего прогресса. Поэтому «обязанность государства – распространять образование среди народных масс» (Цит. по: 8, С. 264).

В просветительскую модель Кешобчондро вошли следующие положения. 1. Генеральным инспектором народных школ должен быть компетентный индиец. 2. Должно быть открыто достаточное количество вечерних школ для сельскохозяйственных и рабочих классов. 3. Народные массы следует обучать полезным предметам, таким, как основы наук и т. д. 4. Дотационные правила следует изменить в пользу школ для людей из низших классов. 5. Учителя должны объезжать свои округа и читать популярные лекции в деревенских школах. 6. Дешёвые газеты, одобренные и субсидируемые правительством, должны распространяться в деревнях бесплатно. 7. Землевладельцы должны поощрять школы и содействовать в их основании в деревнях для образования масс. 8. Состоятельные люди всех классов должны уплачивать небольшой образовательный налог со своих доходов (4. С. 85–86).

Но актуальнейший призыв не нашёл отклика у властей – план Кешобчондро полностью проигнорировали. В этом и других вопросах, как справедливо отметил Д. Копф, реформатор находится в двойственном положении: с одной стороны, он обращается к агентам британского империализма за помощью и поддержкой, с другой – он отделён от массы индусов и мусульман из-за своего образования и сознания, и они также безразличны к нему и его идеям. (8. С. 264). И большинство начинаний Кешобчондро держались и продолжают держаться на энтузиазме его сторонников.

Отделение недорогой литературы, имевшее целью распространение полезной информации и научных знаний в народных массах, с ноября 1870 начало выпуск бенгальской еженедельной газеты «Шулобх Шомачар» («Недорогие известия»), стоимостью в 1 пайсу, тиражом 8 000 экземпляров. Газета быстро завоевала популярность в Бенгалии. А. Ч. Банерджи подчёркивает, что это было первое начинание такого рода в индийской журналистике, адресатом его стали низшие классы, и публикации были очень полезны в распространении образования в массах. Учёный даже относит Кешобчондро к истинным социалистам: «Он осознавал, что не может быть никакой реальной свободы, если массы не пробудятся от своего оцепенения и разрыв между разными классами, кастами и верами не будет преодолён» (4. С. 86). Но, разумеется, социализм Кешобчондро – это социализм теиста.

В самом деле, начинание Кешобчондро имело не только социально-просветительскую, но и политическую подоплёку. Информирование народных масс Бенгалии о новостях, событиях и, что важнее, об идеях (ибо ни одно брахмоистское издание не обходилось без этого, как и любое другое!) рано или поздно способствовало пробуждению сознания. На очевидные признаки этого пробуждения указывал в своём дневнике спустя 15 лет (1885) русский востоковед И. П. Минаев: «Развитие туземной прессы имеет влияние на общественное мнение туземцев. Туземные листки, проповедующие недовольство, не имеют много подписчиков, но они проникают в деревни. Крестьяне собираются по вечерам под дерева и слушают чтение газеты. Издревле индийцы были охотники слушать чтение. Но прежде они выслушивали Махабхарату, теперь они слушают политический листок» (1. С. 106–107). «Шулобх Шомачар» немало способствовала этому пробуждению. Кешобчондро, недавно прославлявший британцев в метрополии, в 1871 опубликовал в газете статью «Большой человек». «Большими людьми» в его глазах являются низшие классы, ежедневно приносящие себя в жертву для того, чтобы накормить страну, обеспечить благосостояние тех, кто стоит выше них. Между тем никто не думает благодарить их. «Придёт время, когда они больше не будут безмолвны и больше не будут пребывать униженными, печальными», – предсказывает Кешобчондро за 19 лет до выхода статьи Вивекананды «Современная Индия», где говорится о «царстве шудр» – народа. «Вы – настоящие «Большие Люди» нашей страны, разве вы не знаете, что, если бы вас не было, страна была бы ввергнута в разорение и гибель? … После того как вы осознаете свои права, вы будете действовать сами, и тогда правительство вынуждено будет обратить внимание на ваши требования, и любой тиран – «Большой человек» – испугается вашей силы, и в конце концов вынуждены будут с надлежащим уважением относиться к Вам» (4. С. 87).

Не есть ли это предвидение идей, которые в XX в. выдвинет М. К. Ганди? Кешобчондро, унаследовавший дух социальной критики и реформаторства Раммохана Роя, обратился к самим крестьянам, к простому народу, чего его предшественник никогда не делал. Раммохан Рой в британском парламенте защищал интересы индийского крестьянства в ответах на вопросы о системе налогообложения и отправления правосудия в Индии, но надежды на улучшение положения народа связывал с усовершенствованиями в политике Ост-Индской

компании, без народной инициативы. После Раммохана Роя с критикой положения народа выступали младобенгальцы, однако никто до Кешобчондро не обращался непосредственно к трудящемуся населению Бенгалии. Важен сам факт появления такой статьи; в известной мере это продолжение апелляции Кешобчондро ко всему населению Индии, однако прежде аудиторией реформатора были просвещённые слои, теперь же он обращается к народу непосредственно. И главный мотив в статье Кешобчондро – осознание народом своих прав, освобождающее и возвышающее тех, кто был социально принижен, и делающее их полноправными членами гражданского общества, которое в Индии предстоит создать.

В одном из выступлений Кешобчондро говорит о свободе в её социальном и политическом аспекте, что в контексте обращения к народу приобретает новый смысл: «Любовь к свободе – главная характеристика современной эпохи… Эта любовь к свободе проявляет себя во всех сферах мышления и практики. В политике люди стремятся к такой *форме правления*, в которой *каждая часть сообщества* может быть представлена надлежащим образом. В образовании весь цивилизованный мир взывает к просвещению масс. …В обществе идёт серьёзнейшая борьба за то, чтобы разбить оковы традиции, обычая и условностей. В религии также мы видим усилия, вызванные стойким желанием освободить дух» (13. С. 99). Во-первых, осознание народом своих прав (и всеобщее образование как условие этого) становится первым шагом на пути к свободе человека и реальной общественной свободе. И свобода должна явиться во всех сферах – социальной, политической, культурной и духовной. Во-вторых, перед нами – модель модернизированной Индии как цель и будущий результат борьбы за свободу – и политическую (демократия), и социальную (гражданское общество), и культурную (сообщество просвещённых людей), и духовную. Причём модернизация не тождественна вестернизации, но являет собой социокультурный синтез.

Разумеется, Кешобчондро не социалист, скорее – социальный демократ. Индийские марксисты упоминают о том, что его встреча с Марксом в Европе оставила его равнодушным, и социальная программа Кешобчондро складывается скорее под влиянием идей Армии Спасения и унитаристов, нежели социалистов (8. С. 18). В его статьях в «Шулобх Шомачар» нет и следа классовой борьбы. Просвещение народа, нравственное и социальное совершенствование, самоотречение – вот средства, которые приведут к осознанию своих прав, и к переоценке роли народа в экономике и политике. Либеральные западные идеи не перерастали у Кешобчондро в радикализм.

В Индийской ассоциации реформ также развернуло деятельность Отделение содействия трезвости. В Англии Кешобчондро неоднократно высказывался против торговли спиртными напитками в Индии, употребление которых со времен младобенгальцев стало превращаться в социальную проблему (иногда вину за это возлагают на Г. Дерозио и его учеников (8. С. 258), что, в общем, несправедливо). Со временем пьянство и алкоголизм затронули едва ли не каждую семью, принадлежавшую к калькуттской элите; биографические источники сообщают о случаях смерти от алкоголизма или самоубийств на этой

почве (8. С. 17). Видимо, отделение было проекцией обществ трезвости, которые Кешобчондро посетил в Англии. Судя по всему, он решил, что усилий англичан в этом направлении ещё придётся ждать, но прежде следует взять инициативу в свои руки. Отделение выступало за снижение импорта виски и создание невыгодных условий для индийских торговцев вином. Отделение проводило лекции о вреде алкогольных напитков и собрания, выпускало памфлеты против пьянства, публиковало статистику преступлений, болезней и смертных случаев из-за неумеренного употребления алкоголя, выпускало ежемесячный журнал на бенгали «Мод на Горол» («Вино – яд»). Для студенческой молодёжи была организована «группа надежды», проповедовавшая трезвость в колледжах, чтобы студенты не считали употребление виски главным признаком западной цивилизации.

Целью отделения благотворительности было «снабжение бедных студентов средствами на продолжение их занятий, помощь слепым, глухим и немощным, предоставление регулярного ежемесячного пособия вдовам и сиротам, нуждающимся семьям, предоставление медицинской помощи бедным» (14. С. 56). Кешобчондро создал, по сути, социальную службу, которая помогала пострадавшим от социальных и природных бедствий. Д. Копф считает эту организацию предтечей Миссии Рамакришны, основанной на два десятилетия позже (8. С. 17). Одной из впечатляющих акций отделения благотворительности стала работа волонтёров в 1871 г. в Бехале, где разразилась эпидемия малярии.

Основание индийской ассоциации реформ стало попыткой собственными стараниями реализовать социально-реформаторскую программу, обоснованную Кешобчондро в Англии. Женское образование и школы для разных слоёв населения, просветительские издания, попытка борьбы с социальными пороками были продолжением социального реформаторства Раммохана Роя, младобенгальцев и Ишшорчондро Биддешагора. Деятельность Ассоциации продолжалась около десяти лет, вплоть до 1879 г., когда Кешобчондро полностью отошёл от реформаторской деятельности и посвятил себя духовному совершенствованию. Желая разрушить кастовую систему, Кешобчондро уделял основное внимание институту брака, и главным достижением его реформаторства стал принятый 19 марта 1872 правительством Британской Индии Закон о гражданском браке (№ III).

Кампанию за принятие закона о гражданском браке сторонники Кешобчондро развернули ещё до отъезда своего лидера в Англию. По возвращении Кешобчондро обратился к ведущим врачам страны за рекомендациями о наиболее благоприятном для девушек возрасте вступления в брак. Его адресаты единодушно осудили существующий обычай детских браков и в большинстве согласились с тем, что 16 лет – это минимальный брачный возраст для девушки. Однако законодатели остановились на возрасте 14 лет (10. С. 136).

Сами брахмоисты строго соблюдали моногамию и исключили из свадебной церемонии все пышные ритуалы, противодействовали детским бракам. Кешобчондро в Таун-Холле выступил с особой речью, в которой изложил все свои взгляды на брак и заявил, что пришло время установить минимальный возраст в 14 лет, что, помимо прочего, будет способствовать делу просвещения

(5. С. 79). Брахмоистские браки перед лицом индусского права были незаконны, а значит, и дети, рождённые в них, не могли наследовать имущество. Поэтому брахмоисты развернули агитацию за придание законного статуса межкастовому браку и направили правительству петицию с требованием принять закон, освобождающий брахмоистов «от неправоспособности при заключении брака по их собственному ритуалу» (5. С. 80). Идея и проект закона встретили противостояние со стороны не только ортодоксальных индусов, но и Ади Брахмо Самаджа во главе с Дебендронатхом Тагором. Первые не признавали отвержение брахмоистами поклонения изображениям богов и жертвоприношения огню, вторые не могли принять полного отвержения каст. И то, и другое противоречило индусским шастрам. Ади Брахмо Самадж, считая себя частью индусской общины, а свой брачный ритуал индусским, не видел нужды в законодательном учреждении гражданского брака. Законопроект «О браках местного населения» сначала предусматривал распространение положений о браке на всех индийцев, не исповедующих христианство. Индусы-ортодоксы немедленно опротестовали эти положения. Изменение законопроекта на «Билль о брахмоистском браке» вызвало протест членов Ади Брахмо Самаджа. В итоге был принят третий вариант, известный как «Закон о гражданском браке», который объявлял законными браки всех, кто не исповедует индуизм, христианство, ислам, буддизм, джайнизм и сикхизм. Минимальный брачный возраст был установлен: 18 лет для жениха и 14 лет – для невесты. Были разрешены браки между представителями разных каст и расторжение брака при определённых исключительных обстоятельствах. При любых обстоятельствах полигамия преследовалась как уголовное преступление (10. 138). Бхаратваршия Брахмо Самадж праздновал победу, а Кешобчондро относился к Закону как к величайшему достижению своих реформаторских трудов.

Однако в своей жизни Кешобчондро не сумел быть до конца последовательным. В Бхаратваршия Брахмо Самадж сформировалась группа, выступавшая за полное освобождение женщин. Б. Бхаттачарья отметил, что Кешобчондро одинаково был нерасположен и к косности, и к радикализму, верил в умеренные изменения, много сделал для преодоления обычая *пардыы* (затворничества), считал, что женщина имеет право работать вне дома. Но его постигла участь многих знаменитых людей, которые устанавливают одни правила, но сами следуют другим (5. С. 80). В отличие от ряда своих сторонников Кешобчондро считал, что при всей необходимости свободы для женщин прежде необходимо их нравственное воспитание и образование. Свыше десяти лет назад он возглавил группу молодых брахмоистских радикалов и не принял позиции своего учителя Дебендронатха Тагора, поддерживавшего постепенные изменения. Но теперь Кешобчондро оказался в похожей ситуации в своём Самадже. В 1872 г. возник серьёзный спор о том, могут ли женщины присутствовать на собраниях Самаджа не в крытой галерее, как обычно, а сидеть в зале вместе с прихожанами-мужчинами. Кешобчондро поддержал прежний обычай, а противоречия продолжали нарастать. Оппоненты Кешобчондро начали издавать журнал «Шомадарши» («Беспристрастный наблюдатель»), в котором отстаивали полное освобождение женщин, пытались явочным порядком установить совмест-

ное присутствие в зале женщин с мужчинами. В итоге в 1878 г. в организации произошёл раскол. Поводом послужил так называемый «кучбихарский брак»: Кешобчондро выдал свою 14-летнюю дочь за 16-летнего раджу княжества Куч-Бихар. Бракосочетание состоялось по индусскому обычаю (хотя раджа заявил, что он брахмоист), с соблюдением всех ритуалов идолопоклонства (10. С. 139–141). Все правила, за которые Кешобчондро выступал, были нарушены: брак не был брахмоистским по обряду и был заключён между детьми. Всё это Кешобчондро объяснил «божественным повелением», которое он получил (5, С. 81). Брахмоисты, которые не приняли непоследовательности лидера, во главе с Шибонатхом Шастри вышли из организации и основали «Шадхарон (Всеобщий) Брахмо Самадж». Кешобчондро со своими сторонниками назвал свою организацию «Нобобидхан Брахмо Самадж» («Брахмо Самадж Нового Установления»). Её целью было создание Церкви Святого Духа. В учении Кешобчондро, как и в его проповеди, было множество противоречий, постоянно перекрывавших друг друга, поэтому его новая церковь ненадолго пережила своего создателя. Кешобчондро скончался 8 января 1884 года.

Социально-реформаторская философия и практика Кешобчондро оказалась значительным достижением Бенгальского Возрождения. Его борьбу за всеобщее образование для народа и в теории, и на практике продолжили Свами Вивекананда, Рабиндранат Тагор, затем М. К. Ганди. Без усилий брахмоистов в направлении освобождения женщин от традиционных установлений и предрассудков вряд ли было бы возможно их активное участие в освободительном движении несколько десятилетий спустя. Социально-демократическое обращение Кешобчондро к народу, к многомиллионным социально приниженным массам Индии, было одной из первых попыток обрести поддержку народа в деле модернизации индийского общества. В этом Кешобчондро – предтеча М. К. Ганди, который не мыслил современных преобразований без улучшения положения народа, в первую очередь крестьянства, без осознания им своего достоинства и свободы. Социальное реформаторство Кешобчондро стало своеобразным промежуточным звеном между реформаторством Раммохана Роя и будущей философией и практикой социальных реформ, появившимися в период Бенгальского Возрождения и переросшими его хронологические рамки. И суть содержания наследия Кешобчондро – в стремлении доказать, что именно социально-реформаторская деятельность является не только средством возрождения Индии, но и средством обретения свободы и достоинства каждым человеком, средством совершенствования общества. И основой для совершенствования становятся общечеловеческие гуманистические ценности – уважение к человеку, деятельное сострадание и стремление к счастью.

Библиографический список

1.Минаев И. П. Дневники путешествий в Индию и Бирму. М., 1955.
2.Рыбаков Р. Б. Буржуазная реформация индуизма. М., 1981.
3.Скороходова Т. Г. У истоков социальной работы в Индии: Ишшорчондро Биддешагор // Актуальные проблемы теории и практики социальной работы. Межвуз. сб. науч. статей. Пенза, 2004. С. 63–72.

4.Banerji A. Ch. Brahmananda Keshub Chunder Sen // Studies in the Bengal Renaissance / Ed. by A. Gupta. Calcutta, 1958.
5.Bhattacharya B. Socio-Political Currents in Bengal: a Nineteenth Century Perspective. Delhi, 1980.
6.Keshub Chunder Sen in England. Calcutta, 1938.
7.Kopf D. British Orientalism and Bengal Renaissance. Berkeley, 1969.
8.Kopf D. Brahmo Samaj and Making of Modern Indian Mind. Berkeley, 1970.
9.Kopf D. Rammohun Roy and the Bengal Renaissance: An Historiographical Essays // Rammohun Roy and the Process of Modernization in India / Ed. by V. C. Joshi. Delhi, etc., 1975.
10. Leaders of Brahmo Samaj. Record of Lives and Achievements of 7 Pioneers of the Brahmo Movement. Madras, 1926.
11. Műller F.M. Biographical Essays. L., 1884.
12. Sarkar S. Bengal Renaissance and Other Essays. New Delhi, etc., 1970.
13. Sen. K. Ch. Lectures in India. Calcutta, 1954.
14. Poddar A. Renaissance in Bengal: Search for Identity. Simla, 1977.
15. Tagore Devendranath The Autobiography. Translated from Original Bengali by Satyendranath Tagore and Indira Devi. Calcutta, 1909.

Н. П. Козлова
Пензенская государственная
сельскохозяйственная академия

КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ СТАТУС ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ТРАДИЦИОННОЙ И НОВОЙ ПАРАДИГМАХ ЭТИКИ

Развитие идеи моральной ответственности в истории этики чаще всего было связано с проблемой невозможности (абсолютной) человеческой свободы. Причем ответственность зачастую не была категориально оформлена, поскольку ее определение было детерминировано наличием проблемного поля категорий свободы и необходимости. Часто моральная ответственность и вовсе заменялась, например, юридической и правовой, т. е. на первое место в данном случае выступала такая характеристика как вменённость. Следовательно, можно сделать вывод об относительности и даже вторичности понятия ответственности, предполагая ее соотнесённость с категориями, имеющими более высокий философский статус. Здесь мы несколько отвлечемся от традиции, считая в качестве таковых не только свободу, но и долг, совесть, вину, любовь и т. д.

В соответствии с этим можно выделить несколько подходов к пониманию ответственности, в первую очередь моральной, отражающих в целом, характер развития этической мысли:

1) аретологический (Аристотель), когда ответственность есть следствие добродетельности человека;

2) теологический (христианская этика), при котором Бог является конечной ее инстанцией и личностью Иисуса Христа задается потенциальная безмерность ответственности;

3) деонтологический (И. Кант) – в качестве субъективного основания ответственности выступает совесть, объективного – долг;

4) социально-экономический (К. Маркс), когда ответственность определяется степенью включенности индивида в производство общественных материальных и духовных благ;

5) утилитаристский (Дж. С. Милль) – рассматриваемый феномен выводится из принципа вины и наказания и др.

Нужно отметить, что ответственность распространялась на последствия человеческой деятельности в обозримой перспективе и в структуре морального поступка имела место не мотива, а результата или следствия. Например, если она выводится из любви, то справедлива формула: «люблю, поэтому отвечаю за … (перед …)».

Такая «выводимость» трактуется и как зависимость от чего-то (кого-то) определяющего [1], что, в свою очередь, уже выступает в роли необходимости. Исходя из этого можно сделать вывод, что ответственность представляет собой одну из форм осуществления необходимости, не обладая при этом статусом необходимости вообще.

Приведем несколько примеров, иллюстрирующих данное утверждение.

Аристотель, не используя понятие «ответственность», «сделал человека ответственным за свою судьбу и благополучие» [2]. Человека делает добродетельным осознанное, взвешенное действие. За такие поступки (произвольные действия) он несет ответственность, которая, впрочем, распространяется и на действия, совершенные в неведении [3]. Личность по своей воле совершает добрые и порочные поступки. Аристотель выделяет «природу, необходимость, случай, а кроме того, ум и все, что исходит от человека (EN, III, 5, 1112a). Последняя сфера причинных отношений, где человеческий индивид является решающей величиной, как раз и является областью нравственно-ответственных действий …» [4].

Серьезный подход к анализу феномена ответственности наблюдается в Новое время (Декарт, Дж. Локк и др.). Человек рассматривается как субъект свободного и ответственного выбора. Дж. Эдвардс (1703–1759) в произведении «Свобода воли» (1754), отличая «склонность» от «рассудка», первую определяет как способность свободно и ответственно вырабатывать свое отношение (и действие) к предмету мысли и чувства. Ответственность выводится из разума и свободы [5]. Гегель также основой ответственности полагает разумность как понимание.

И. Кант полагает совесть в качестве субъективного принципа ответственности, отличая просто ответ от ответа по совести (gewisshafte Antwort). Логично предположить, что в качестве объективного принципа выступает категорический императив, долг. «Совесть должна мыслиться как субъективный принцип ответственности перед Богом за свои поступки, понятие же ответственности (хотя и туманно) всегда содержится в моральном самосознании» [6]. Нужно отметить, что Кант одним из первых выделил ответственность как необходимое свойство моральности.

Долгое время Дж. С. Миллю приписывалось авторство в категориальном определении ответственности, которая выводилась из необходимости (неизбежности) наказания (утилитаристский принцип). Личность ответственна за те

поступки, которые наносят вред (ущерб) интересам других и тогда общество вправе покарать таких лиц. Следовательно, за безусловно положительные поступки незачем нести ответственность, поскольку если человек говорит о ней, следовательно, он готов оказаться виновным и «в уме говорящего преобладает в это время идея быть наказанным …» [7]. Здесь нужно отличать моральную ответственность от юридической, например, которая изначально связана с наказанием. Это можно рассматривать как тип негативной ответственности.

В марксисткой этике вопрос об ответственности решался в зависимости от степени участия личности в сознательном коллективном совершенствовании общественных отношений. Ответственность выводилась из органического единства прав и обязанностей с учетом социального статуса индивида.

В задачу данного исследования не входит анализ становления и развития идеи моральной ответственности в истории этики. В аспекте заявленной темы важно показать, что отличие современной этики ответственности и основных традиционных этических теорий состоит в смещении акцентов в рассмотрении проблемы свободы и ответственности. Мы выдвигаем следующий тезис: от понимания ответственности как формы осуществления необходимости произошел переход к осознанию ответственности как необходимости, т. е. уже из самой ответственности выводятся максимы человеческого поведения. Поэтому оправдано рассмотрение ответственности как фундирующей категории, принципа, что находит отражение, например, в названии труда Г. Йонаса «Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации». Она становится определяющим мотивом поступков, после совершения которых наступает так называемая «вторичная ответственность». Подобная «вторичность» индивидуальной респондитивности [8] подтверждает идею первичности ответственности общечеловеческой [9].

В. В. Томашов в своей монографии «Ответственность как экзистенциальная проблема» (1998) рассматривает обозначенную категорию как процесс, что можно вывести из понимания ее как «реализации» необходимости. Исходя из этого он выделяет следующие этапы «процесса» ответственности: [10].

– познавательный – ответственность за целеполагание (правильное определение объективной необходимости);

– рефлексивный – ответственность за адекватную оценку субъектом своих способностей и возможностей реализовать необходимость;

– инструментальный – ответственность за правильный выбор средств и методов реализации необходимости;

– аксиологический – ответственность за ценностное обоснование выбора альтернативного поведения;

– практический – ответственность за ход и результаты практической деятельности.

Данная последовательность, на наш взгляд, отражает лишь начальную стадию процесса ответственности («подготовка» поступка, его «ход» и результат). Первые четыре этапа можно определить как проспективную (до совершения действия) ответственность [11]. Причем здесь предлагается идеальная модель (правильного, адекватного) поступка. В таком случае последний этап тео-

ретически окажется заключающим. Практически же, даже при идеальном «протекании» деятельности, последствия порой трудно предсказуемы. По сути, ответственность здесь часто «только начинается». Поэтому к обозначенным выше мы добавим следующие этапы, отражающие временной аспект рассматриваемого феномена:

– результирующий, дифференцировав его от последнего – практического – (ответственность за результат и ближайшие последствия деятельности);

– перспективный – ответственность за отдаленные (кумулятивные) последствия (на основе прогноза), ответственность за реализацию проективной необходимости [12].

Ответственность наиболее контрастно проявляется на результирующем этапе. Как правило, она представляется более ясной и четко осознанной, следовательно, и более доступной, даже в материальном плане. Между тем как на первых этапах ответственность только предчувствуется или, говоря словами Канта, «туманно содержится в моральном самосознании».

Затем происходит «энтропия» ответственности, которая, подобно идее Платона, отделяется от своего центра. Структура ответственности расщепляется вследствие воздействия на перспективном этапе различных встречных тенденций и непредсказуемых явлений. Она либо «нагружается» новыми условиями и «старый» центр дестабилизируется, либо затухает, что в какой-то мере и определяет, границы ответственности, хотя и зыбкие. Здесь возникает сложная задача – обосновать феномен «исчезновения ответственности». В качестве одного из возможных путей может рассматриваться метафизика. На практике же ответственность принимает сослагательное наклонение, что находит отражение в прогнозах.

Новая этика ответственности снимает такую условность, т. е. освобождает от условий, определенных и неопределенных, утверждая примат ответственности самой по себе, рассматриваемой в качестве императива и некоего морального абсолюта.

С точки зрения подобных концепций, включая и принцип ответственности Г. Йонаса, последний (перспективный) этап может (и должен) рассматриваться как составляющая предыдущих. Выделение нами результирующего и перспективного этапов обосновано с позиции утверждения возможности перехода от ответственности как осуществления необходимости (1 период (традиционный) в развитии идеи ответственности) к ответственности как необходимости (2 период – современный, нетрадиционный). Традиционный взгляд не объясняет почему, собственно, человек ответственен («Потому что свободен?», «Потому что человек?»).

В современных этических построениях утверждается экзистенциальный характер ответственности (ответственен, потому что должен быть), что определяет новый подход к ее рассмотрению – онтологически-аксиологический, примером которого как раз и служит этика Ганса Йонаса. Он утверждает, что человек ответственен за последствия своего поступка в той мере, в которой они обладают «онтологически-аксиологической направленностью». Таким образом,

путь к решению состоит в осознании ценности или антиценности действительности, являющейся следствием наших действий [13].

Библиографический список

1. Энциклопедический словарь по этике определяет ответственность как «зависимость человека от чего-то (от иного), воспринимаемого им в качестве определяющего основания для принятия решений и совершения действий, прямо или косвенно направленных на сохранение иного или содействие ему» (Апресян Р.Г. Ответственность// Этика: энциклопедический словарь. М.: Гардарики, 2001. С. 342.)

2. Кессиди Ф. Х. Этические сочинения Аристотеля // Аристотель. Соч. в 4-х т. М., 1984. Т. 4, С. 20.

3. Аристотель различает действие в неведении (осознанно выбранная несознательность) и действие по неведению (неосознанная несознательность).

4. История этических учений. М., 2003. С. 318.

5. Подробнее см. Томашов В. В. Ответственность как экзистенциальная проблема. – М., 1998, С. 20

6. Кант И. Метафизика нравов // Кант И. Соч. в 6 т. Т. 4. Ч. 2. М.: Мысль, 1965. с.285.

7. Милль Дж. Обзор философии сэра Вильяма Гамильтона и главных философских вопросов, обсуждаемых в его творениях. С.-Пб., 1869. С. 477. Цит. по: Томашов В.В. Ответственность как экзистенциальная проблема. С. 26.

8. Ответственности.

9. Впрочем, и личностной тоже, на наш взгляд, отличной от индивидуальной.

10. Томашов В.В. Ответственность как экзистенциальная проблема. С. 31–33.

11. М. М. Солодкая, говоря о «времени ответственности», справедливо выделяет ретроспективную и проспективную ответственность. Первая наступает только после совершения действия (юридическая), вторая – до совершения поступка. Моральная ответственность, в отличие от юридической, включает и тот, и другой аспекты. (Солодкая М. М Время ответственности// «Россия и будущее цивилизации». Материалы IV Российского философского конгресса. – М., 2005. Т. 2, С. 486).

12. Естественно, перспектива «ограничена» конечностью субъекта.

13. Hans Jonas zu Ehren Herausforderung Zukunftverantwortung. Hans Jonas zu Ehren/ Herausgegeben von D. Böhler und R. Neuberth. – Münster; Hamburg, 1992 .

Л. В. Киреева
Пензенский государственный
педагогический университет им. В. Г. Белинского

РАЗВИТИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА И ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Развитие современного общества очень стремительно и сочетает в себе одновременно процессы интеграции и дифференциации. С одной стороны, происходит сближение и взаимодействие различных областей жизнедеятельности человека, с другой – процессы дифференциации настолько отдаляют друг от друга различные области, что происходит формирование отдельных отраслей со своими специфическими особенностями, языком общения внутри достаточно узкопофессиональных сфер. Наше общество находиться в состоянии перехода от индустриального к информационному этапу своего развития

В отличие от развитого индустриального общества, в котором главной задачей является производство товаров, характерная особенность информационного общества состоит в производстве и использовании информации на базе компьютерных технологий. Это общество, в котором создание и распространение товаров и услуг в решающей степени зависит от производства, обработки и передачи информации. Это также общество, сосредоточенное на производстве и широком распространении нового знания. Знания и информация являются критически важными элементами во всех способах развития, так как процесс производства всегда основан на некотором уровне знаний и на обработке информации. Специфическим для информационного способа развития является воздействие знания на само знание как главный источник производительности. Итак, обнаружились две важные характеристики – информация и знания, которые задают некие требования системе в целом и системе образования в частности как средству и инструменту адаптации людей.

Следует более подробно поговорить о каждой из них. Начнем с первой характеристики – информации, ведь именно наличие того или иного количества информации в определенной степени предписывает сформированность у человека некоторого набора знаний необходимого для жизнедеятельности на данном этапе общественного развития.

До появления таких средств передачи информации как радио, телевидение, компьютерные системы, основным источником ее хранения и передачи служили печатные издания. Именно они являлись основным источником необходимой информации, обработка этой информации производилась достаточно медленно и только с помощью человеческих возможностей, но на тот момент такой скорости было вполне достаточно, т. к. количество поступающей информации было весьма ограничено. С появлением других, вышеперечисленных средств передачи и хранения информации ее объемы и скорость значительно возросли. На сегодняшний день благодаря современным техническим средствам возможность доступа, использования и обновления информации по самому широкому спектру вопросов не занимает много времени. Процесс обновления и увеличения объема информации с каждым годом, месяцем становится все интенсивнее и быстрее, т. е. происходит постоянное ускорение движения как самих информационных потоков, так и циркуляции информации внутри потоков. К примеру, за 100 лет скорость движения на транспорте увеличилась в 100 раз, скорость систем связи возросла в 10 миллионов раз, темпы обработки информации в миллион раз. Уже сейчас виртуальные миры (мультимедийные изображения) могут передаваться и обновляться 60 раз в секунду, что гораздо быстрее того, что может зафиксировать человеческое сознание.

Если рассматривать информационный поток как движущийся, взаимодействующий, пополняющийся субстрат информационных единиц, несущий разнородную информацию о каком-либо объекте или группе взаимосвязанных объектов, то такая интерпретация позволяет включить в зону нашего внимания самые разные способы производства и получения информации. В этом случае понятие «информационный поток» распространяется на всевозможные несущие информацию источники, не ограничиваясь базами данных современных

компьютерных систем, хотя они имеют немаловажное значение. В качестве информационных единиц могут выступать различные информационные коды, воспринимаемые человеком как знаковые и символические системы, графические изображения и т. д. Они сопровождают человечество на протяжении всего исторического существования, но размеры их скоплений и наслаивающаяся информационная нагрузка слишком велика для восприятия отдельного человека, даже если речь идет о конкретной специализированной области жизнедеятельности. По крайней мере, человек не может осуществлять их обработку с помощью имеющихся знаний, нужны концептуально новые способы восприятия и обработки информационного потока.

Приведем некоторые цифры, характеризующие информационную ситуацию в мировых масштабах. По данным информационного бюллетеня Microsoft на планете сегодня существует более 1,5 млрд. телевизоров и 2,5 млрд. радиоприемников. Кроме того, ежегодно появляется 100 тыс. журналов на 60 языках, 5 млрд. научных книг и статей, 250 тыс. диссертаций и отчетов. Всемирный книжный фонд удваивается каждые 10–15 лет, число телефонных каналов – каждые 10 лет, число автоматизированных баз данных увеличивается в 10 раз за 10 лет. Следует добавить, что всемирный фонд описания изобретений исчисляется примерно в 500 млн. страниц текста, и при этом он увеличивается каждый год на 1 млн. документов, воплощающих в себе информацию о 350 тыс. изобретений. Специалистами в области информатики установлена динамка роста информации. К 1800 году объем информации удваивался за каждые 50 лет, с 1950 – каждые 10, с 1970 – каждые 5 лет, с 1990 – ежегодно. Нужно отметить и изменившийся характер информационного пространства, оно стало более агрессивным, давящим на человека. Это в большей мере связано с усложнением структуры общества, развитием экономики и сферы услуг. Насыщенность информационного пространства сегодня очень велика, если учитывать потребительские возможности человека. Современное поколение людей вынуждено жить в этом океане информации. Ее поток невозможно воспринять в полном объеме. Речь может идти только о некоторых ее частях, воспринимаемых избирательно и в определенных целях. Необходимо иметь в виду следующее: пропускные физиологические способности человека довольно ограничены и оцениваются в единицу в секунду: при корректорской работе – 18, при чтении в слух – 30, чтении «про себя» – 45. Наибольшее количество данных, которое человек может воспринять, составляет около 8 единиц в секунду. Радиослушатель утрачивает способность воспринимать информацию, если она передается со скоростью более 80 слов в минуту. В телевизионном вещании оптимальным для передачи текстового материала, сопровождающегося изображением, можно считать средний темп, составляющий 104 слова в минуту.

Экономическое развитие и рост конкуренции, особенно в условиях постоянно совершенствующейся и изменяющейся технологии производства привело к максимизации использования информационных средств, максимального насыщения информационными единицами информационного носителя и использования его в наибольшем количестве возможных ситуаций. Другими словами, происходит непроизвольное включение человека в фоновую информаци-

онную систему, не говоря о сферах интересующих конкретного человека. Ежедневно на человека обрушивается огромная лавина информации, а человеческие возможности позволяют своевременно и адекватно воспринять и обработать около 15 % этого потока. Остальная информация либо пропускается, не воспринимается, либо обрабатывается в соответствии с задачей, но позднее срока, либо воспринимается в искаженном виде.

Пожалуй, следует пояснить, что имеется в виду под «фоновой информационной системой» – это вся та получаемая извне индивидом информация, которая сопровождает его каждодневное существование, не связанная с профессиональной деятельностью и часто служащая фоном для обыденной жизни. К примеру, часто встречающиеся рекламные щиты, различные шумы, сопровождающие нас практически постоянно, насыщенность телевизионной информации (одновременная трансляция фильма, бегущей рекламной строки, валютного курса) и т. д. Ее объем постоянно увеличивается, это связано с увеличением числа источников информации и разнообразием самих информационных средств.

У человеческого организма есть определенные возможности восприятия, обработки и хранения получаемой извне информации, но избыточное количество фоновой информации приводит к таким последствиям, как быстрая утомляемость, раздражительность, невозможность сосредоточиться на чем-то конкретном, причем с возрастом эти проявления обращают на себя все больше внимания из-за снижения адаптивных способностей человеческого организма. Все это сигнал к тому, что человеку необходимо новые механизмы адаптации к быстроменяющимся условиям существования.

Уже сегодня у индивидов начинают возникать определенные трудности. Они связаны с возможностью восприятия и обработки такого интенсивного и насыщенного потока информации. Для человека складывается противоречивая ситуация. С одной стороны, огромное количество постоянно поступающей и обновляющейся информации, не только фоновой, но и необходимой для профессиональной деятельности, с другой – нехватка информации, т. е. человек не находит необходимой для решения конкретных задач информации в уже сформулированной, отвечающей запросам форме.

Современная ситуация требует быстрой и четкой реализации поставленных задач. Человек все чаще попадает в новые для себя ситуации, и это всегда стресс. Новая ситуация требует больше информации, чтобы имелась возможность приспособиться к ней. В результате могут возникнуть и соответствующие перегрузки. По мере адаптации к другому состоянию перегрузки снижаются, что, однако, не компенсирует рост психологического напряжения на начальном этапе.

Серьезное беспокойство вызывает энтропия информационного пространства, приводящая к падению качества информации за счет быстрого увеличения ее количества (захламленность, загрязненность «информационным мусором», «информационными отходами»). Если охарактеризовать в целом ситуацию нарастания информационных потоков, то можно констатировать, что она имеет четкую тенденцию усложнения и отсутствием необходимой степени

простоты для активного восприятия. Чтобы выявить причинно-следственные связи в основе хитросплетений информации необходимо собрать и проанализировать множество фактов. Степень изученности проблемы зависит во многом от того, в какой мере нам известны данные, характеризующие ее с самых разных сторон. Чтобы найти оптимальный подход к ее решению необходимо следовать этому принципу, разумеется,с учетом качественной стороны (объективности, своевременности и т.д.). Прежде чем принять решение, люди стараются найти любую информацию. Однако нарушение меры приводит к тому, что увеличение количества полученной информации не дает ожидаемых результатов, а скорее напротив – вызывает обратный эффект. В парадоксальной ситуации одновременного информационного голода и переизбытка информации это становиться сложной задачей, особенно для человека, не обладающего специфическими навыками быстрой адаптации большого количества информации к конкретной задаче.

Уже можно подвести некоторые итоги в рассуждениях о состоянии современного информационного пространства, обозначив наиболее ярко проявляющиеся его черты:

- расширение самого информационного пространства за счет использования новых технических и технологических возможностей;
- увеличение насыщенности и скорости движения информационных потоков;
- чрезмерное переплетение информационных потоков;
- одновременный переизбыток и недостаток информации, снижение ее качества и искажение за счет быстрого увеличения количества информации;
- усиление давления на человека информационной системы не только фоновой, но и необходимой.

Все это создает серьезные проблемы в ходе жизнедеятельности человека, т. к. требует постоянного обновления индивидуальных знаний. Тенденция постоянного усложнения общества, а следовательно и его подсистем, предъявляет к человеку, как к конкретному исполнителю определенной функции ряд требований. Каждый должен владеть не только специфическими, достаточно узкоспециализированными знаниями, но и иметь высокий уровень общего развития и образования.

Человека живущего в информационном обществе должны характеризовать следующие черты:

- образованность;
- коммуникабельность;
- мобильность в информационном пространстве;
- развитость логического мышления, способность адаптировать информацию;
- постоянная обучаемость;
- развитость адаптивных способностей и механизмов защиты в информационной среде.

При приложении определенных усилий этих характеристик можно достичь и сегодня, но возможно это только в частных случаях. Дальнейшее развитие общества потребует массового проявления вышеперечисленных характеристик. Человек должен обладать большим багажом знаний, чтобы соответствовать всем этим чертам, а их он может приобрести в основном объеме с помощью системы образования. Несомненно, что образование – один из важнейших социальных институтов современного общества и его изменения должны исходить из реальных потребностей всей системы. Проблема модернизации актуальна особенно сегодня, когда общество находиться в состоянии перехода от индустриального к информационному.

Сегодня система образования в том виде, в котором она существует не способна в полной мере удовлетворить потребности общества. Это связано с рядом проблем касающихся не только самих образовательных структур, но и их восприятия со стороны людей. Попробуем обозначить некоторые из них:

1. *Снижение уровня образования.* Снижение в России общего уровня профессионального образования, о чем говорят все без исключения исследователи, имеет «надежный фундамент» в виде значительно ухудшающегося качества школьного образования. Исключая талантливых молодых людей, побеждающих на олимпиадах и конкурсах, уровень знаний абитуриентов, поступающих в «обычные» вузы, резко снизился, что, в свою очередь, сказывается на уровне их общей и профессиональной подготовки. В результате вуз превращается в первые 2 года обучения в продолжение школы, т. к. сталкивается с проблемой несформированности у студентов навыков позволяющих усваивать информацию в возрастающем количестве и разной направленности. Не сформированы механизмы аналитического мышления, которые позволяют осваивать материал не на уровне простого воспроизведения, а на уровне понимания, анализа, адаптации к имеющимся знаниям и освоения на уровне применения. Последствием этой ситуации становиться незрелость выпускников как специалистов.

2. *Методы и способы подачи знания* нуждаются в пересмотре и изменении. Предлагаемые знания должны иметь другой характер. Они должны существенно измениться в сторону приближения к современной науке и по содержанию, и по языку и форме подачи. Можно назвать это знание образовательным. Это особый вид знания, не являющийся ни научно специализированным, ни обыденно-житейским. Знание, которое транслирует педагог (учебник), интериоризирует учащийся, не является в полной мере научным, поскольку требует некоторого упрощения, определенной редукции и адаптации к познавательным возможностям различных категорий учащихся. В то же время оно содержит в себе черты доступного знания и, особенно важно, языка, с помощью которого образовательное знание транслируется. Процесс получения знаний должен быть привлекательным и по форме, и по содержанию для потребителя. Методы и способы подачи знания должны соответствовать не только способностям обучающихся, но и требованиям, предъявляемым обществом, т. е. быть современными с высокой степенью освоения информации, позволяющими формировать направленность на активную познавательную деятельность.

3. *Содержание транслируемой образовательной информации и формируемые с ее помощью знания и навыки.* Эта проблема актуальна особенно сегодня, когда такое разнообразие различных учебных заведений, учебных программ и т. д. В итоге содержание одних и тех же предметов на практике значительно варьируется. Но результатом всех прилагаемых усилий чаще всего становится приобретение фактических знаний, при этом имеют место значительные информационные перегрузки, особенно в последние годы обучения. Поддерживает сложившуюся ситуацию и система проверки знаний, доминирующее место в которой все чаще занимает тестирование. Оно способно выявить наличие именно фактических знаний, а не уровня развитости мышления вообще. Важным является развитость логического мышления. Именно оно позволяет человеку работать с большим количеством информации, дает возможность построения логических структур без перегрузки лишней информацией. Для формирования и развития логического мышления необходимо грамотное и продуманное сочетание содержательных и методологических моментов обучения. Фактическая информация должна предлагаться в виде логически оформленных структур. Такая система позволила бы одновременно осваивать как фактический материал, так и формировать и развивать навыки логического мышления.

4. Необходимо *изменение отношения к самому процессу образования* от принудительной обязательности до осознаваемой, самостоятельно выбираемой необходимости, то есть, у человека должно формироваться представление об образовательном процессе как естественном и постоянно необходимом для успешной самореализации. Формирование такого представления должно начинаться с вступления человека в образовательное пространство, т. е. с начальных этапов обучения. Обществу требуется сформированная система образовательных учреждений различного типа, которые были бы рассчитаны на работу с разными категориями населения дифференцированного по возрастному, профессиональному признаку и конечно же уровню образования. Главное в том, чтобы человек как потребитель образовательных услуг мог свободно ориентироваться в этой системе, т. е. был информирован об имеющихся возможностях. Для активного использования этой системы у людей должна быть развита способность постановки долгосрочной реально осознаваемой цели. Такая целевая направленность позволила бы логично, с учетом минимальных затрат сил и времени достигнуть поставленной цели.

Еще одним аспектом в рассмотрении этого пункта является проблема повышения квалификации. Если раньше можно было иметь чисто гуманитарное или чисто техническое образование и особо не пополняя свои знания долгие годы заниматься профессиональной деятельностью, то сейчас необходимо во-первых, умение общаться с современной техникой, а во вторых все чаще и чаще повышать свой профессиональный уровень, чтобы обладать способностью работать с новыми технологиями и оставаться конкурентоспособным. Необходимость повышения квалификации заставляет людей снова садиться «за парту», и во многих случаях человек чувствует себя не очень комфортно в этой ситуации, особенно люди старшего возраста. Это связано с восприятием образовательного процесса, которое сформировалось со школьной скамьи. В созна-

нии как бы проводится линия, разделяющая период обучения и практическую деятельность, тем самым большая часть знаний вычеркивается из оперативного использования. У человека должна сформироваться потребность самостоятельно вступать в образовательное пространство через определенные промежутки времени в течение всей жизни для пополнения своих «информационных запасов». Немаловажным является то, что не только человек обязан быть готов к вступлению в образовательное пространство, но и сама образовательная система должна быть способна и готова как методически, так и содержательно принимать обучающихся самых разных категорий. Для этого образовательная система должна быть гибкой и вариативной.

Сегодня все чаще проявляет себя феномен второго высшего образования. Эта интересная тенденция проявляет не всегда заметные аспекты. Второе высшее образование получают различные категории людей. Во-первых, это взрослые люди, переквалифицирующиеся либо столкнувшиеся с необходимостью формализованного подтверждения профессиональных достижений. Ко второй категории относятся молодые люди, для которых получение второго высшего образования является естественным. Профессиональные требования постоянно возрастают. Наличие специального образования, но уже не на базе среднеспециального, чего было раньше достаточно, а на основе высшего становится естественной необходимостью. Сегодня все более обыденным становиться явление, когда высшее образование служит лишь основой для дальнейшей специализации, получения дополнительного образования. Очень часто это параллельное и всегда платное образование. Можно предположить, что во втором образовании реализуется потребность студентов или выпускников вузов в расширении области знания, в наращивании профессиональной компетентности. К примеру, будущий инженер-металлург осознает необходимость в приобретении экономического образования и для более эффективной работы в условиях рынка, и для повышения собственной конкурентоспособности на рынке труда. Он готов вкладывать денежные средства в собственный образовательный капитал. Следовательно, длительность образовательного процесса увеличивается и человек вступает в активную трудовую деятельность на 1-2, а то и 3 года позже, чем в предыдущие годы. Причин этому может быть несколько. Во-первых, продолжение образования в рамках привычных технологий позволяет человеку воспринимать этот процесс, как выполняющий функцию социального убежища от проблемных рабочих ситуаций. Во вторых, содержание профессионального образования предлагаемого студентам не всегда соответствует применяемым на производстве технологиям, может базироваться на устаревших методических разработках. В третьих, социальная среда молодежи диктует особые технические эталоны оценки профессиональной пригодности. Фильмы, насыщенные спецэффектами, технические агрегаты западного производства формируют особый техноэталон совершенства и прогресса. Материальное обеспечение образовательного процесса не всегда соответствует современным стандартам молодежи. Предлагаемый вариант профессиональной специализации в глазах студента к третьему курсу прочно ассоциируется с социальным поражением.

Это далеко не весь перечень проблем требующих решения. Проблемы будут проявляться все ярче при дальнейшем развитии общества. Образование – один из ключевых социальных институтов нашего общества. Оно должно сочетать принципы общественной и индивидуальной направленности в образовательном процессе, т. е. формировать и развивать у людей способности позволяющие осуществлять активную жизнедеятельность в условиях информационного общества на основе и с учетом физических, умственных, психологических и возрастных индивидуальных особенностей.

Библиографический список

1. Андреева О. Ю., Кабацков А. Н. Институциональный кризис образования через призму профессиональной культуры // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. № 1.
2. Денисова Ю. С. Трудовые перегрузки как тенденция в рабочем процессе // Социологические исследования. 2004 № 5.
3. Еляков А. Д. Информационная перегрузка людей. // Социологические исследования. 2005 № 5.
4. Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Образование как ресурс информационного общества. // Социологические исследования. 2005. № 7.

Е. В. Ишимская
Пензенский государственный
педагогический университет им. В. Г. Белинского

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ ВОЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Разработка темы личностного развития «военной интеллигенции» прежде всего подразумевает рассмотрение ее теоретико-методологических основ. Именно этот аспект по ряду объективных причин занимает центральное положение в данном исследовании. Во-первых, как и при изучении любой проблемы, это необходимо, поскольку без достаточной разработки теоретико-методологической базы само исследование, его направления и результат могут быть неполным, необоснованным и в итоге не соответствовать действительности, или же искажать ее. Во-вторых, это вызвано спецификой объекта исследования, низкой степенью разработанности этого вопроса с социально-философской точки зрения. По существу, можно говорить о полной неизученности личностного развития военной интеллигенции именно в такой постановке проблемы, хотя косвенно некоторые аспекты данной темы рассматривались в рамках некоторых исследований. К тому же, что особенно важно, именно методологическая сторона вопроса содержит в себе множество противоречий, которые и не позволяют продвинуться в дальнейшем изучении личностного развития военной интеллигенции» без их правомерного разрешения. Построение прочной теоретико-методологической базы позволило бы решить ряд других задач, в том числе практического плана, которые вызваны наличием очевидных проблем в современной российской армии.

В этом отношении важным является обращение к понятию «военная интеллигенция». Единственно верный ракурс в определении понятия основывается на наиболее раннем значении интеллигенции, и предлагается не традиционным классовым, а социально-философским подходом, который интерпретирует военную интеллигенцию как часть военных профессионалов, наиболее развитых в культурно-нравственном аспекте. Доминирующим критерием причисления к «военной интеллигенции» здесь являются духовные характеристики личности. Именно ценностное содержание понятия имеет первостепенное значение, что идет в разрыве с распространенным классовым подходом.

Исходя из такого толкования военной интеллигенции можно продвигаться в изучении темы ее личностного развития. При этом нужно говорить не о какой-то замкнутой, статичной группе, не как о «готовом интеллигенте», а о процессе формирования личности военнослужащего как интеллигента, что, собственно, вытекает из общей интерпретации понятия.

Следует уточнить, что само употребление термина «военная интеллигенция» во многом условно; в теоретическом плане скорее рассматривается интеллигентный военный, поскольку это прилагательное более широкого значения и носит универсальный, надпрофессиональный характер.

Некоторые противоречия вытекают и из специфики военной организации, области поиска и изучения объекта исследования. Во-первых, это – несоответствие восхождения по профессиональной лестнице и духовно-нравственного совершенствования (что в целом можно отнести не только к армейской среде). Второе существенное противоречие заключается в вопросе: а не является ли искусственным соединение понятий «военный» и «интеллигент»? Можно ли говорить о существовании интеллигенции в военной организации (под которой понимаются вооруженные силы страны, войска, воинские формирования и органы, предназначенные для выполнения задач военной безопасности военными методами, а также органы управления ими), учитывая специфику последней? Армия – это такой социальный институт, который уже по своей природе и в сравнении с другими социальными институтами в наименьшей степени подвержен процессам демократизации. Такие качества интеллигента как инициативность, отношение к творчеству и свободе как к высшим ценностям не получают подкрепления в условиях военной службы, которая подразумевает жесткую регламентацию отношений между командиром и подчиненным, основанных на приказной форме организации труда. Наряду с витальными опасностями службы существует ограничение свободы передвижения, необходимость постоянного подчинения своей воли, часто отсутствие возможности пользования необходимой информацией, иными социальными благами. Статус военнослужащего ограничен по сравнению со статусом гражданина. Анализируя Устав внутренней службы ВС РФ, можно констатировать факт, что духовные качества личности военнослужащего имеют значение лишь как фактор боевой способности и рассматриваются в той мере, в какой они способствуют достижению основной цели – готовность к вооруженной борьбе. Духовность как состояние и достояние личности в Уставе не проявляется. С другой стороны, возникает вопрос о соответствии профессионального кодекса военнослужащего общегума-

нитарным принципам интеллигенции. Можно ли одновременно выполнять функцию обеспечения военной безопасности насильственными методами и при этом быть высоконравственной личностью?

Исследователи феномена интеллигенции говорят о ее социодинамической роли, выполнение которой во многом зависит от рационального осмысления интеллигенцией свойственных ей ориентиров и ценностей. Основные функции интеллигенции, в том числе и военной (непосредственно в армейской среде, а также в обществе в целом), можно свести к следующим: выражение общественного сознания и инициативы; создание общественного равновесия; стимулирование культурного творчества и прогресса; защита личной свободы; инициирование идей для руководства обществом; формирование национального самосознания и картины мира. В то же время необходимо рассматривать интеллигента как специалиста, обладающего высокой степенью профессионализма, что понимается им как долг и является высокой ступенью нравственной зрелости. Таким образом, в отношении военной интеллигенции наблюдается явная противоречивость этих функций. Выступая как профессионал, относясь добросовестно к службе, человек выполняет приказы, не подвергающиеся критике; в то же время само исполнение «общеинтеллигентных» функций в воинской среде очень сомнительно, что, впрочем, требует отдельного изучения.

В наибольшей степени такая противоречивая ситуация в содержании и выполнении своей роли как интеллигента, которая и раскрывает критерии причисления к этой части военных профессионалов, проявляется в условиях войны, в непосредственном участии и в личном отношении к ней. Убийство врага на войне – подвиг, долг или морально недопустимый поступок? Война – это необходимое «продолжение политики» или явление иной природы, которого не следует допускать в цивилизованном мире?

Еще П. А. Сорокин в своей работе «Социологическая интерпретация «борьбы за существование» и социология войны» указывал на то, что значительная часть литературы по вопросам социологического и философского анализа войны представляет собой скорее эмоционально обусловленные умозрительные идеологии и не имеет никакой научной ценности. Между тем философия войны, считает П. А. Сорокин, очень сложна и многоаспектна. В своей работе он подвергает жесткой критике взгляды представителей биологической социологии (Я. Новиков – «борьба является универсальным законом», Э. Ферри – «борьба за существование свойственна человечеству, как и всем живым существам», Бернарди – «Борьба является фундаментальным законом природы», а также Ваккаро, С. Р. Штейнметц, Николаи, О. Сик, Д. С. Йордан, В. Келлаг и др.), которые, впрочем, пролили свет на многие важные аспекты войны (причины и формы войн, проблема исчезновения войны как явления, социальная роль и последствия войны, влияние войны на социально-экономические и политические процессы в обществе и др.). Автор говорит о том, что бесполезно изучать это явление в рамках какого-либо одного течения социально-философской мысли; методологическая изоляция приведет лишь к пагубным результатам («увеличение числа некачественных ученых, бесполезная словесная полировка, бесплодная терминологическая дискуссия» [1]).

Сегодня у исследователей нет единого мнения в вопросе о природе и факторах войны, ее дальнейшем существовании. Действительно, данная тема требует тщательного и подробного изучения. Остановлюсь лишь на таком важном, вызывающем множество дискуссий, понятии как «справедливая война». В Военной доктрине Российской Федерации справедливой войной называется война, не противоречащая Уставу ООН и основополагающим нормам международного права, самооборона против агрессора. Но на практике вопрос об определении войны, является ли она в таком значении справедливой, решить довольно сложно. В ситуации самообороны такая война может казаться справедливой. Здесь воин выполняет свой профессиональный долг, а также долг моральный, сливающиеся в один, – защита отечества. Но вопрос об оправданности применения агрессивных методов борьбы остается открытым. Видимо, его решение прежде всего зависит от понимания субъектами международных отношений сущности войны, ее источников, последствий и в итоге дальнейшего существования этого явления. Еще И. Кант поставил ключевой вопрос о том, что мы должны делать после окончания войны. Тема нравственных ограничений войны требует подробной разработки особенно в современном мире. Формы борьбы меняются; война остается самым динамично меняющимся явлением. Отсюда возникает необходимость постановки новых требований к военнослужащим прежде всего как специалистам, в кодексе которых профессиональные нормы не противоречили бы нормам морали. Для сегодняшнего дня справедлива формула П. Аснера: «Мир в меньшей степени невозможен, а война в меньшей степени невероятна» [2].

Наряду с социально-философскими исследованиями темы войны сегодня теоретики большое внимание уделяют другим вопросам, связанным с внутренней организацией армейской жизнедеятельности (семейно-бытовые отношения в офицерских семьях, процессы демократизации в армии и на флоте, политико-моральное состояние военнослужащих, социальные проблемы кадровых военнослужащих и др.). В прошлом, вплоть до начала XX века, если и затрагивалась военная тематика с социально-философской точки зрения (Генри Ллойд, А. Г. Д. фон Бюлов, А. А. Жомини, И. Гибер и их отечественные последователи Г. А. Леер, Н. П. Михневич), то она ограничивалась изучением феномена войны. В 1897 году была опубликована работа Н. А. Корфа под названием «Общее введение в стратегию, понимаемую в широком смысле. (Этюды военных наук)», в которой впервые предметная область не ограничивалась только войной, а дополнялась военно-социальными явлениями. В то время широкую известность получили также теоретические исследования военных ученых Д. А. Милютина, Н. Д. Богуславского, Л. И. Золотарева, А. И. Макшеева, П. А. Языкова и др. Современные ученые расширяют поле исследования, рассматривая проблемы военной организации не только в военное, но и мирное время.

В этом отношении интересна работа Л. Бызова «Военная дисциплина с социально-психологической точки зрения», опубликованная в «Военно-педагогическом журнале» (1920). Статья представляет собой краткое перечисление проблем военной организации, являясь фундаментом для дальнейших исследований. Большинство ее тезисов и основные положения не потеряли акту-

альности до наших дней. Кроме того, содержание статьи ценно тем, что в ней отсутствуют довольно характерные для военно-педагогических работ того времени красочные литературные отступления, примеры и апелляции к читателю. Критикуя дисциплинарный Устав Красной Армии, автор определяет дисциплину как принцип, согласно которому частная воля подчиняется воле высшей социальной организации, ради достижения поставленной цели. Причем он констатирует недостаточность как одного требования организации подчиняться ее воле, так и детально разработанной системы норм, регулирующих поведение. Бызов говорит о необходимости совпадения или, по крайней мере, непротиворечивости воли члена организации и воли самой организации. Кроме основного организационного принципа он вкладывает в содержание дисциплины устремление собственной воли в определенном направлении подчинения высшим целям, а также совокупность средств, которыми достигается готовность к подчинению (дисциплинированность). Более эффективной, по его мнению, является дисциплинированность, основанная не на страхе наказания, а на чувстве долга. Думаю, здесь можно согласиться с Бызовым, но нерешенным остается вопрос о том, каким именно образом воспитать это чувство. Особенностью воинской дисциплины автор считает самопожертвование как основополагающее требование к личности. Также ученый затрагивает психологические аспекты боя, утверждая, что убийство в бою не является преступлением. Этим Бызов попытался объяснить отличие самого поведения человека и его оценки в мирное и военное время. Автор вскользь затрагивает важный для нас вопрос определения поведения человека поведением окружающей его массы. Это напрямую связано с проблемой формирования военного интеллигента, условий его личностного развития. Он считает, что военная организация должна обставить личность такими условиями, чтобы ее воля не могла уклониться от общих целей; она должна объединять каждую отдельную личность в строго оформленные воинские части. Подобная идея о необходимости объединения целей личности и организации, а также объединение в межличностном плане, конечно, верна, но ее недостатком является отсутствие уточнения, какими же именно должны быть эти условия.

Личностное развитие военной интеллигенции необходимо рассматривать в двух направлениях: нравственное и профессиональное развитие (саморазвитие личности в процессе профессиональной деятельности, профессиональное становление личности). Эти две условно выделенные части одного процесса взаимодействуют, взаимно дополняют и обуславливают друг друга. Целостное представление о личностном развитии военной интеллигенции дает интегративный подход, а не рассмотрение какой-то одной из сторон.

Исследователи профессионального становления личности (С. С. Соловьев, В. В. Кожевников, К. М. Гуревич и др.) определяют профессию как постоянную и ограниченную сферу трудовой деятельности, длительно существующий комплекс трудовых обязанностей, подкрепленных соответствующими правилами. Она понимается как вид квалифицированного труда, характеризующийся наличием собственного предмета и функции, внутривидовой дифференциацией, групповой идентификацией, нормативной регуляцией и институцио-

нальными положениями в обществе. Предполагается, что в процессе освоения профессиональной деятельности человек познает свои внутренние возможности, которые взаимодействуют таким образом, что в итоге достигают эффективного результата. Но при использовании лишь деятельностного подхода к развитию личности, упускается из виду нравственная сторона развития. Данные, полученные таким путем, могут выступать в качестве методологической основы изучения личностного развития военной интеллигенции, но не следует приписывать ему приоритетное значение. В рамках изучения военной организации деятельностный подход получил развитие в работах В. И. Чупрова, А. В. Кинсбурского, М. Н. Топалова, В. В. Серебрянникова, Н. Ф. Наумовой и др., посвященных социальным и социально-психологическим проблемам профессиональной деятельности военнослужащих.

Учитывая специфику нашего объекта исследования, в данном направлении представляет интерес тема социальной детерминации нравственного поведения личности, то есть влияния условий профессиональной деятельности на формирование военнослужащего как интеллигента. В этой связи представляется оригинальной концепция В. М. Петрова о необходимости и условиях возникновения интеллигенции в обществе. Петров выстраивает логическую схему конструирования феномена интеллигенции и возможности его функционирования. Он продолжает идею рассмотрения интеллигенции, с одной стороны, как мирового феномена, а с другой – как явления имеющего национальную специфику, и трактует необходимость социокультурной динамики как производной от необходимости в совершенствовании функционирующих элементов общества: его социально-психологического климата, отношений с другими обществами. В рамках концепции показана неизбежность достижения любым обществом такого состояния, когда в нем протекают процессы периодической смены доминирующей парадигмы. Ценность работы Петрова состоит в том, что в ней представлена небезосновательная попытка дедуктивного вывода не только необходимости феномена интеллигенции, его функции и черты, но и условий его появления. Применительно к военной интеллигенции, данная концепция как бы оправдывает такие специфические особенности военной организации как замкнутость, отдаленность гарнизонов (или воинских частей), авторитарный стиль управления, несинхронность развития армии и общества в целом (обычно отсталость первой). Получается, что существование таких явлений, казалось бы неблагоприятных для личностного развития, подталкивают человека к совершенствованию самого себя и всей системы организации жизни. Следуя логике Петрова, военный интеллигент выступает инструментальным обеспечением социальной динамики, именно его усилиями должны реализовываться перемены в сторону демократичности социальных отношений, повышения роли рефлексивных процессов, преобладания рационализма и открытости общества для внешних взаимодействий. Однако такая позиция автора имеет ряд недостатков. Неясна «посткризисная» ситуация, когда описанную несинхронность все же удастся преодолеть (и удастся ли это в принципе); каковой тогда будет функция интеллигенции. Некоторые особенности военной организации по своей природе просто не могут подвергнуться «положительным» изменениям, иначе сама во-

енная организация потеряет значение и смысл существования. К тому же, не факт, что такие неблагоприятные условия для развития личности приведут к осознанию ее преобразований в социальных отношениях и активной деятельности, а также к самосовершенствованию. Напротив, такие условия социальной действительности могут привести к деградации личности как в профессиональном, так и духовном плане.

Другая (нравственная) сторона личностного развития военной интеллигенции не имеет достаточной теоретико-методологической базы для исследования. Современный материал в этом направлении представлен в основном рекомендациями и методическими пособиями для руководителей по воспитательной части, поэтому необходимо обращение к социально-философскому наследию в целом об интеллигенции, ее нравственных качествах, которые, являясь по своей сути универсальными, относятся и к военной интеллигенции.

Изначально (у Боэция, Цицерона, Теренция) интеллигенция понимается как высший вид разума. В немецкой классической философии, например у Гегеля в работе «Наука логики», особенность интеллигенции заключается в способности постигать. У К. Маркса прослеживается гегелевская идея о самосознании народа. В России предшествовали детальной разработке темы интеллигенции философские и публицистические работы А. Н. Радищева, П. Я. Чаадаева, поэзия Пушкина, литературные критические произведения В. Г. Белинского и др. Основатели этико-социологического направления П. Л. Лавров и Н. К. Михайловский с целью выявления признаков интеллигенции ввели в научный обиход термин «критически мыслящая личность». Они вкладывают в «интеллигенцию» особое духовное содержание, что подразумевает высокий уровень развития, осознание себя частью коллективного целого, осмысление своего исторического долга и формулирование новых идей.

Серьезный вклад в разработку данной темы внесли философы неокантианского направления начала XX столетия (Б. А. Кистяковский, Л. И. Петражицкий, П. И. Новгородцев). В центре их исследований стоит личность, а своей задачей представители неокантианской школы считали поиск методов укрепления духовности, понимаемой ими как власть души, морали и свободы воли. В русле этого направления разрабатывались проблемы нравственного идеала, была предспринята попытка обоснования принципов морального сознания, которые составляют личность. Таким образом, философы данного направления сделали существенный шаг в научном обосновании авторитета духовности (показателя уровня развитости сознания и самосознания личности, выражение ее нравственности, мировоззрения) как главного отличительного признака интеллигенции.

Труды русских религиозных философов того времени близки по кругу поставленных проблем к неокантианскому направлению. Философские построения А. С. Хомякова, В. В. Зеньковского, С. Л. Франка, П. А. Флоренского, Г. В. Флоровского вобрали в себя идею поэтапного духовного развития и нравственного поведения личности Нила Сорского (XV в.). Составленный им «Устав о скитской жизни» дает полное представление о «лествице» духовного восхождения русских монахов. По мнению Нила Сорского, по пути духовного со-

вершенствования позволяет идти преодоление «страстных помыслов» [3]. С точки зрения христианства нравственное поведение – это внешнее проявление свободного движения духа, внутреннее волеизъявление; суть системы христианской морали заключается в свободном следовании человеком евангельским заветам по пути, указанному Христом.

В русской религиозной философии этическая тематика занимает одно из главных мест. У славянофилов, и особенно у Ю. Ф. Самарина, ясно выражена идея о центральном значении сферы морали в формировании личности. В религиозной антропологии Самарина развивается учение о целостности духа, ставится основная, на его взгляд, философская задача по созданию цельного образа нравственного человека. Интересны также идеи К. С. Аксакова в осмыслении пути нравственного развития личности. В работе «Рабство и свобода» он определяет некоторые моральные понятия христианской этики и утверждает, что источником нравственного добра является свобода, а зла – рабство, которое заключается внутри человека, а не только в социальных условиях жизни. В. С. Соловьев основой в выборе пути духовного восхождения считает любовь. Целостное формирование нравственной сферы человеческого духа начинается в семье, оно проявляется в любви к народу, отечеству и в любви к ближнему. Нравственное развитие осуществляется, по его мнению, соборно, то есть философ учитывает различные внешние факторы, влияющие на развитие личности. Его взгляды близки к воззрениям Канта, поскольку в центре морального поведения стоит активно выбирающий добро индивид. В работах «Смысл любви», «Идея сверхчеловека», а также в философском эссе «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории» Соловьев разрабатывает тему творческого самосозидания личности. В противоположность идее «сверхчеловека» Ф. Ницше он объясняет это понятие в контексте духовного самосозидания и саморазвития. Самосозидание, по Соловьеву, пролегает через осознание личностью своей несовершенности. Личность творческая, духовно зреющая, находится в постоянном нравственном беспокойстве за свои поступки («Я стыжусь, следовательно, существую» [4]). Проблеме самосозидания посвящена также книга Н. А. Бердяева – «Самопознание». По его мнению, творческое созидание предполагает такое качество личности как способность к непрерывному постижению своего внутреннего мира. Философ отождествляет творческое становление личности с ее духовным становлением. В этой идее выражается тесная взаимосвязь нравственного и профессионального развития. Труд развивает личность в ее высших проявлениях, перерастает в творчество коллективное, но при этом остается индивидуальной деятельностью. Важно отметить, что, по Бердяеву, не всякий человек способен к творчеству; это качество присуще относительно немногим («аристократы духа» [5]). Подобные идеи в вопросе о совершенствовании личности изложены в работе Н. О. Лосского «Условия абсолютного добра. Основы этики». «Действительными личностями» он называет людей, находящихся в состоянии непрерывного становления. Такие личности являются не изолированными подвижниками, а объединенными в «соборном творчестве» на основе абсолютных (общечеловеческих) ценностей [6].

Таким образом, несмотря на определенную национальную специфику, в идеях русской религиозной философии косвенно выявляются универсальные свойства личности как интеллигента, причем приоритет отдается моральным качествам. Обращает также на себя внимание рассмотрение нравственного поведения в процессе формирования, а не простое перечисление долженствующих качеств. Причем духовная и профессиональная части личностного развития оказываются взаимосвязанными. Однако можно отметить, что сегодня значение духовности в религиозном смысле не получает широкого распространения и стоит далеко от поведения личности в светской жизни.

Особое внимание при рассмотрении нравственного развития военной интеллигенции следует обратить на такие этические категории как патриотизм (любовь к отечеству, преданность ему, стремление своими действиями служить его интересам); воинский долг (в котором выражается нравственная и профессиональная задача личности в конкретных ситуациях) и тесно связанные с ним ответственность, самосознание, совесть, мотив. Именно отношение к ним, степень осознания их содержания личностью и причисляет ее к военной интеллигенции. Но каким конкретно должен быть этот уровень развития – на данный вопрос мы получаем неоднозначный ответ. Мнения ученых расходятся условно на два направления. Одни утверждают, что качества интеллигента, в основе которых лежит определенное отношение к этим категориям, носят надисторический характер, они абсолютны. Другие считают, что в зависимости от исторической эпохи, конкретных социальных условий содержание нравственных качеств может меняться. Каждая позиция имеет прочные основания для подтверждения своей правоты. И вопрос здесь видимо должен ставиться о соотношении качеств абсолютных, если предположить, что они действительно существуют, и качеств относительных, выдвигаемых временем и местом.

Так или иначе, взгляды современных философов по данной тематике отталкиваются от идей, развитых И. Кантом и Г. В. Ф. Гегелем, демонстрирующие разные подходы к проблеме морали и ее обоснования. Кант предложил автономный способ обоснования морали. Он выводит мораль из самого человека как центра нравственной жизни. По его мнению, все люди связаны общей моральной связью, которая имеет приоритет над всяким конкретным. Кант считает, что человек как субъект материального мира несвободен, но как субъект, принадлежащий к миру ноуменов (интеллигибельный мир), он представляет собой свободное существо. Нравственная свобода, обусловленная принадлежностью человека к миру ноуменов, говорит о необходимости действия из уважения к нравственному закону. Человеческая несовершенная воля нуждается в правиле – императиве, который формулируется так: «Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой, ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом» [7]. Категорический императив совершенно исключает любую относительную оценку конкретных ситуаций, он содержит только всеобщий масштаб оценки. Для Канта долг представляется не обременительной обязанностью, а свободным выбором в направлении добра, следующим из чистого разума, который является единственным надежным критерием поведения человека. Нравственный мотив считается высшим мотивом

жизнедеятельности, отделенным от прагматических мотивов бытия, что выражает позиции морального абсолютизма, которые были озвучены в стоической философии. Конечный вывод кантовских рассуждений заключается в том, что мораль утверждается в качестве особой, привилегированной сферы существования человека. Действительно, бескорыстное нравственное действие получает высшую моральную оценку по сравнению с тем, в котором просматривается какая-либо личная заинтересованность. Но в то же время действительно и то, что устранение представлений о личном счастье из мотивов нравственного поступка невозможно. Если нет уверенности, что жизнь есть благо и высшая ценность, зачем спасать кого-то от смерти? Допуская, что в основе нравственного мотива лежит подчинение долгу, его выполнение превращается в механическую процедуру, лишенную нравственных исканий. А. Шопенгауэр, подчеркивая слабую сторону кантовской философии, утверждает, что долг, освобожденный от личного интереса, оказывается бессодержательной абстракцией. Методология Канта, связанная с абсолютистским подходом к морали, в качестве жизненных целей выдвигает цели абстрактного нравственного совершенства, далекие от мотивов, связанных с практическими задачами по совершенствованию материальных условий жизни.

Позиция Гегеля в отношении морали характеризуется взаимопроникновением представлений о способах морального мышления с исторической точкой зрения. Он не признает абсолютистских ограничений относительно использования другой личности в качестве средства. Для Гегеля определяющим является высшее общечеловеческое благо, которое возникает как итог развития абсолютного духа. Если ради достижения такого блага совершается убийство, например на войне, это является нравственно оправданным. Он выступает с позиций исторически релятивной морали. И у Гегеля и у Канта представлена показательная логика системного движения мысли. Общим для философов является идея о том, что общество становится совершенной организацией, где созданы практические условия для обеспечения высшего морального и духовного развития каждой личности. Такой взгляд, основанный на абсолютизации системных представлений, неизбежно ведет к противопоставлению неподлинного настоящего и подлинного будущего, что в некоторой степени является оправданием зла, косвенным допущением неблаговидных поступков, ибо в неподлинном мире нет высшей справедливости.

Философия всегда стремилась к абсолюту, ради чего пыталась создавать метафизические конструкции, представляющие в сознании мир в виде до конца упорядоченного системного целого. Но любая метафизика является попыткой упростить реальность, что лишает философское знание его принципиальной неопределенности. Думаю, что представление о мире (особенно о нравственной стороне жизни) необязательно должно быть истинным с точки зрения критериев научного познания, но оно должно обладать общезначимым статусом. Осмысление нравственных проблем без оценочных суждений невозможно. Современная философия склоняется к выводу, что полностью преодолеть субъективность нельзя. Э. Гуссерль в «Логических исследованиях» говорит о наличии неудовлетворенности возможностями науки, что направляет мыслителя к иным,

вненаучным способам постижения мира, где не исключается его субъективное видение. Эта же тема развивается в двух экзистенциальных концепциях М. Хайдеггера, хотя в большинстве экзистенциальных концепций прослеживается мысль об устранении всякого общего масштаба моральных оценок. Однако такое утверждение абсолютной личной ответственности на самом деле может обернуться своей противоположностью. Из существующих сегодня релятивистских нравственных концепций (ситуативная этика, этика заботы, этика прагматизма, экзистенциальные теории морали, утилитаризм) нельзя все же сделать вывод о полном преодолении абсолютистских подходов к нравственному развитию личности. Соглашусь с мнением современного философа А. В. Разина, который в монографии «Нравственный мир человека» анализирует, как мораль может влиять на развитие индивидуальных качеств личности и в то же время способствовать развитию социально значимых способностей [8]. Автор считает, что необходимо не разделять нравственный мотив и иные прагматические мотивы поведения человека, а наоборот, показать, как они могут быть объединены. Такую методологию Разин находит в особым образом интерпретированном принципе дополнительности. В отличие от гегелевской диалектики этот принцип не предполагает превращения взаимодействующих сторон в борющиеся противоположности. Это означает, что ни одна из них не стремится занять доминирующую позицию и выступить в качестве системообразующего принципа. Отсюда следует возможность объединения разных сущностей под одной природой и допущение того, что данные сущности взаимообогащают друг друга. Применительно к исследованию нравственного поведения личности это означает, что одни мотивы не просто действуют наряду с другими, а именно взаимообогащают друг друга.

Без сомнений, изучение личностного развития «военной интеллигенции» необходимо, особенно в кризисной духовно-нравственной, социальной, социально-политической ситуации в российской армии. Оно должно носить комплексный, междисциплинарный характер. Социально-философский подход, составляющий основу для разработки темы военной интеллигенции, противостоит неперспективному классовому подходу. В связи с тем, что именно методологическая сторона рассматриваемого вопроса содержит в себе множество противоречий, а также при крайне низкой степени изученности непосредственно личностного развития военной интеллигенции, центральное положение в данной теме должны занимать именно теоретико-методологические аспекты. Приоритетной в процессе формирования личности военнослужащего как интеллигента становится нравственная проблематика, что вытекает из содержания сущностных признаков интеллигенции. Однако профессионализм также выступает как показатель высокой ступени моральной зрелости личности. Следовательно, необходимо включать в изучение личностного развития «военной интеллигенции» рассмотрение профессионального совершенствования. Особое внимание уделяется социальной детерминации нравственного поведения личности. Важным оказывается анализ влияния условий военной организации на совершенствование личности, а также обратных механизмов воздействия военной интеллигенции на военную организацию и общество в целом. Методоло-

гия, обусловленная спецификой изучаемого объекта, должна основываться как на научных, так и социально-философских принципах исследования. Интегрируясь и дополняя друг друга, данные принципы позволяют преодолеть определенные ограничения, выявляемые при одностороннем использовании абсолютистского или релятивистского подхода. Теоретической основой для изучения личностного развития военной интеллигенции являются труды отечественных и зарубежных представителей разных социально-философских течений. Интеграция социально-философского, социологического, психологического, исторического, культурологического, педагогического аспектов исследования позволяет приблизиться к целостному восприятию многогранного предмета исследования. Тема личностного развития военной интеллигенции своеобразно соединила в себе проблемы разных уровней и направлений: проблемы профессионального и нравственного развития личности; проблема определения интеллигенции, ее роли в обществе; проблема войны и мира; проблемы морали и ее обоснования и др. Считаю, что принцип личной включенности (т. е. укоренение субъекта высказываний в анализируемом пространстве) не будет казаться пристрастным. Его достоинство заключается в актуальной сегодня потребности оценочных суждений при осмыслении нравственных проблем, в частности личностного развития «военной интеллигенции». Он позволяет изнутри проанализировать специфику военной организации, в отношении которой общественное мнение столь неоднозначно и противоречиво.

Библиографический список

1. Contemporary Sociological Theories. N. Y., L., 1928.
2. Аснер П. Насилие и мир. От атомной бомбы до этнической чистки. М., 1998.
3. Кларин В. М., Петров В. М. Русская религиозная философия воспитания XIX–XX вв. М., 1994.
4. Соловьев В. С. Соч. В 2-х т. – М., 1988.
5. Бердяев Н. А. Самопознание. – М., 1990.
6. Лосский Н. О. Условия абсолютного добра: Основы этики; Характер русского народа. М., 1991.
7. Кант И. Основоположения метафизики нравов // Кант И. Собр. соч. в 8 тт. Т. 4. М., 1994.
8. Разин А. В. Нравственный мир человека. М., 2003.

А. Р. Баткаева
Пензенский государственный
педагогический университет им. В. Г. Белинского

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ТЕКСТЫ КАК СРЕДСТВО ПОНИМАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ (ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

В последнее время в среде «думающей» молодежи нередко можно услышать такие термины как «аутентичный» и «экзистенциальный». Этот факт вызывает двоякое ощущение: либо молодое поколение действительно озадачилось вопросами смысло-жизненного характера и формируется новый тип мировоз-

зрения, основанный на экзистенциальных константах, либо это всего лишь очередное бездумное включение в повседневную речь звучных и таинственных научных терминов. Нельзя отрицать, что интерес к экзистенциальной теории возрос. Примером того может служить увеличивающееся число публикаций по экзистенциальной тематике, развитие такого жанра киноиндустрии, как «экзистенциальное кино», новых направлений живописи. Возможно, интерес к данной проблематике формируется и поддерживается ситуацией, сложившейся на данный момент в обществе.

Новое столетие обозначило контуры совершенно иного человеческого мира, который формируется в постоянных противоречиях и сложностях; история превращается в глобальную, а происходящие изменения фундаментальны и взаимозависимы. Социальную практику данного времени можно охарактеризовать как переходную, неопределенную, конфликтную. Отсутствие стабильности, социальных гарантий ориентируют молодое поколение на жизнь в ситуации «здесь и теперь». В этой связи экзистенциальный взгляд на возникающие социальные проблемы не только возможен, но и необходим. Современная социальная практика дает возможность понять, что экзистенциальные идеи пронизывают духовную атмосферу всего общества. Их можно обнаружить в жизни, в политике, в искусстве. Конечно, еще рано говорить о формировании экзистенциального мировоззрения и, тем не менее, интерес, возникающий со стороны не только философов и психотерапевтов, но и представителей других научных дисциплин, позволяет предположить, что экзистенциальная теория найдет свое достойное применение в различных отраслях социальной практики.

Философию экзистенциализма называют "модной", "банальной", создающей много шума из ничего или вокруг знакомых житейских истин, "единственным живым направлением мысли, наряду с марксизмом и христианством" (Н.Бердяев), «прекрасной бессмыслицей» (М. Хайдеггер), "величайшей нелепостью"(Лев Шестов). Во многом эти отзывы свидетельствуют о духе экзистенциальной философии, которая "боится определений" (Н. Бердяев). Необходимо отметить, что понятие экзистенциальной философии несколько шире, чем понятие экзистенциализма, и включает в себя, во-первых, экзистенциально настроенных авторов, в творчестве которых опыт «экзистенциального философствования» фрагментарен, стихиен (С. Кьеркегор, Ф. Достоевский), во-вторых, авторов, которые формулируют принципы экзистенциальной философии как особого направления мысли (Н. Бердяев, М. Хайдеггер, К. Ясперс, Ж-П. Сартр), и, в-третьих, авторов, которые в рамках и на основе этого направления отслеживают опыт «философии абсурда», возводят его в принцип мировоззрения (Л. Шестов, А. Камю).

В России экзистенциальная философия лишь с недавнего времени стала вызывать интерес у представителей «помогающих» профессий, тогда как в других странах экзистенциальная модель по достоинству заняла свое место в практике оказания помощи, в том числе и социальной. Изучение экзистенциальной теории, понимание ее сущности, особенностей и возможности практического применения позволит сделать усилия специалистов эффективными.

В философской литературе исследования экзистенциального подхода представлены достаточно широко, но в большей степени в плане критического анализа. При этом интересно то обстоятельство, что, видимо, сама эмоциональная насыщенность творчества основных представителей экзистенциализма и имеющая место категоричность их суждений вольно или невольно влияет и на его интерпретаторов, порождая множество дискуссий вокруг философского наследия классиков экзистенциализма. На наш взгляд, необходимо изучать это направление не только на основании того, что пишут о нем другие, но и непосредственно по текстам самих авторов. Доступность публикуемых источников по экзистенциализму, произведений А. Камю, Ж-П Сартра, М. Хайдегера, Н. Бердяева и других авторов, позволяет составить собственное мнение о характере понимания проблемы человека и общества и прийти к определенным самостоятельным умозаключениям. Возникает вопрос: может ли прочтение и анализ экзистенциальных текстов, содержащих проблемную ситуацию полностью заменить будущим специалистам опыт практической работы с личностью?. Безусловно, нет, предлагаемая форма работы является необходимой для глубокого понимания специфики социальных проблем и наряду с игровым моделированием должна стать прекрасным дополнением и, более того, важным развивающим моментом в подготовке кадров для социальной сферы.

Для нас важным является анализ произведений, герои которых оказываются в пограничной ситуации. Когда речь заходит о текстах экзистенциальных авторов, то необходимо иметь в виду, что набор текстов, относящихся к философии экзистенциализма, не совпадает с набором собственно экзистенциальных текстов. Кроме того, экзистенциальный текст, в отличие от философского трактата, не является посредником между бытием человеческой мысли и теми, кто принимает данное сообщение, то есть читателями. «Философская мысль являет тут себя не как совершенно готовый результат, а непосредственно в ходе «нащупывания» одного из возможных решений: цель её посылок, аргументов, выкладок сращена с деятельностью ума, протекающей скачкообразно, извилисто» [1]. Рельефность и многомерность образного видения, воплощенная в художественном произведении, позволяет мысли избегать односторонности и однозначности, ведущих к упрощению постигаемого смысла. Поэтому объектом мы выбираем не публицистический или философский трактат, манифестирующий идеи экзистенциализма, а художественный текст, представляющий собой символизированный сгусток этих идей. Эти тексты противостоят единству научных трактатов, посвященных продумыванию общей идеи, скрепленных планом доказательства, которое дисциплинирует и направляет мысль.

Экзистенциальный текст в противовес монументальным конструкциям философского трактата представляет собой не что иное, как просто «мысли». «Надо писать первое, что просится на кончик пера, не выбирая слов», – считал Ж-П. Сартр.[4] Движение мысли у экзистенциальных авторов не подчинено раз и навсегда заданной траектории, она подвижна и может двигаться во всех направлениях, проникать в суть вещей, но всегда сопровождается моделированием, анализом, описанием и переживанием конкретных ситуаций. Автора интересуют не только причины, но и беспричинность, не только разумные основа-

ния, но и весьма абсурдные вещи. Мысль экзистенциального повествователя увлекается не только серьёзными вещами, но и пустячными, в её поле зрение попадают не только закономерности, но и крошечные события, «сумасбродства», которые, однако, «смешивают все карты в игре», сводят на нет все закономерности, дают начало новым. Явления предстают здесь в своей «однократной случайности», как во взгляде художника, у которого интеллектуальное и чувственное постижение слиты [1].

В текстах экзистенциальных авторов происходит сращение философского и литературного жанра. «Если хочешь быть философом, пиши романы», – говорил А. Камю [2]. «Кьеркегор, задумывая повесть, желал не научного и не философского описания повторения, но стремился "дать понятию вырасти изнутри самого индивидуума и из ситуации (причём из ситуации необычной и пикантной), или же из настроения» [3]. Во всем этом и заключается для нас выразительность этих произведений, которая в данном случае не означает выразительность «автора», «философа», «экзистенциалиста», но выразительность человека, который, как и каждый из нас непредсказуем, раздираем противоречиями, хочет быть многим – «блуждает среди собственных возможностей, открывая то одну, то другую» и в то же время страстно стремится остаться самим собой, как в жизни, так и в тексте (дистанция между которыми сокращается до минимума).

Для нас тексты А. Камю, Ж-П. Сартра ценны именно тем, что представленные в форме монолога зачастую носят «исповедальный характер». Таким образом, экзистенциальное слово - слово, бессознательно жаждущее исповедальности, но заблудившееся в поисках дорог к ней и изо всех сил стремящееся уверить себя и других, что оно на верном пути. Так, в повести А. Камю «Посторонний» символично даже само название: это действительно символ экзистенциального сознания, отчужденного не только от бытия Другого, но и от собственного бытия, ставшего Посторонним для самого себя, чем и обусловлена для него невозможность исповедания: «Будучи отчужденным от себя, я не знаю своего Я».

В новеллах Сартра «Стена», «Герострат», «Комната» и «Интим»; в повестях Альбера Камю «Падение», «Посторонний», рассказах «Неверная жена», в произведениях Достоевского перед нами люди оказавшиеся в пограничной ситуации, оставшиеся наедине со своими экзистенциальными страхами, мыслями об абсурдности бытия. Испанский республиканец Пабло (Ж-П. Сатрт «Стена») ожидающий расстрела, Поль Ильберг («Герострат»), готовящий жестокое убийство, женщины, сталкивающиеся в своей семейной жизни с крайними случаями: безумием и бессилием («Комната» и «Интим»), героиня Камю («Неверная жена»), осознавшая свое одиночество рядом с мужем – все это не просто авторский вымысел. Каждая из этих ситуаций имеет реальное воплощение в повседневности.

Экзистенциальный смысл присутствует не только в произведениях авторов, принадлежащих к данному философскому направлению. Если мы обратимся к классике, то обязательно увидим моменты экзистенциализма почти у любого выдающегося писателя. В этом отношении своеобразной иконой явля-

ется Ф. М. Достоевский. Герои его произведений находятся в постоянном поиске смысла, себя, Бога. Разве не наполнено экзистенциальным смыслом высказывание А. П. Чехова: « Кажется, еще немного, еще чуть-чуть, и мы поймем, для чего живем, для чего страдаем». Именно такие моменты «чуть-чуть», когда человек находится в пограничной ситуации, которая может оказаться самой главной в жизни проблемой, должен уметь увидеть специалист, работающий с людьми.

Экзистенциальная тематика звучит и в некоторых суфийских сказках. Приведем пример одной из них. «Давным-давно в Персии жил мулла Насреддин. Как-то раз, когда он шел по городу, сопровождаемый своими учениками, какая-то женщина приблизилась к нему, держа ладони сложенным наподобие чаши. Она сказала: «Если ты так мудр, как о тебе говорят, ответь: птица, которую я держу в руках, живая или мертвая?». Женщина хотела прослыть очень мудрой, посрамив самого Насреддина. Если бы тот сказал «живая», она, сжала бы птицу руками, показала, что та мертва. А если бы он сказал «мертвая», выпустила бы птицу на свободу живой. Насреддин помолчал с минуту и, глядя ей в глаза, произнес: «Сейчас все в твоих руках», – и пошел прочь». Даже используя только одну эту сказку, можно обсудить широкий спектр вопросов, возникших после ее прочтения.

Понимание всей глубины экзистенциальных конфликтов, воссозданных в произведениях разных авторов, умение «читать между строк», видеть в каждом действие героя особый смысл, необходимы специалистам всех «помогающих» профессий для эффективного приложения своих усилий в решении социальных проблем. Ведь, прежде всего, экзистенциализм направлен на прояснение сущности человека и ситуации его пребывания в мире в условиях современного социума.

На наш взгляд, работа над экзистенциальными текстами, будь то новелла Ж-П. Сартра, повесть А. Камю, просто высказывание или суфийская сказка, является необходимым условием формирования нового типа мировоззрения, основанного на экзистенциальном восприятии процессов и явлений, происходящих в обществе.

Библиографический список

1. Великовский С. Умозрение и словесность М.-СПб.: Университетская книга, 1998.
2. Камю А. Посторонний // Собр. соч. в 5тт. Т. 1. Харьков: Фолио, 1998.
3. Кьеркегор С. Повторение. М.: "Лабиринт", 1997
4. Мотрошилова Н. Экзистенциализм // История философии. Запад – Россия – Восток. (4). М.: Греко-латинский кабинет, 1999.

II. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРИКЛАДНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

А. С. Попов
Пензенский государственный
педагогический университет им. В. Г. Белинского

«ГЕНЕТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ» М. М. КОВАЛЕВСКОГО

90 лет тому назад 23 марта (5 апреля по новому стилю) 1916 года в Петрограде скончался выдающийся ученый, много сделавший для становления социологии как науки и учебной дисциплины в России, Максим Максимович Ковалевский. Высшим признанием его заслуг перед отечественной социологией было присвоение его имени первому Русскому социологическому обществу, основанному в год его кончины. Его памяти также был посвящен сборник «М. М. Ковалевский, Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин (1851-1916)» (Пг.,1917), содержащий статьи видных российских ученых Н. И. Кареева, П. Г. Виноградова, П. Н. Милюкова, П. А. Сорокина и других о его творчестве.

Среди научных достижений М.М. Ковалевского особое место занимает концепция генетической социологии, обоснованию которой он посвятил второй том своей «Социологии», получивший название «Генетическая социология, или учение об исходных моментах в развитии семьи, рода, собственности, политической власти и психической деятельности» (СПб., 1910). В рамках данной концепции выдержаны многие труды ученого, в частности «Очерк происхождения и развития семьи и собственности» (СПб., 1895), «Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом. Опыт в области сравнительной этнографии и истории права» (СПб., 1905), а также одна из последних работ «Происхождение семьи, рода, племени, собственности, государства и религии» (СПб., 1914).

По замыслу Ковалевского, генетическая социология являлась специфической частью социологии как науки о порядке и прогрессе, или, как он уточнял, следуя американскому социологу Карлу Элвуду, об организации и эволюции общества. Как особая отрасль социологического знания она исследовала происхождение общества и его институтов. В связи с этим ученый определял её как «часть науки об обществе, его организации и поступательном ходе, которая занимается вопросом о происхождении общественной жизни и общественных институтов, каковы: семья, собственность, религия, государство, нравственность и право» [5; 272].

Генетическая социология, как и сама социология, согласно Ковалевскому строилась на основе творческого союза с другими социальными науками – с демографией, этнографией, экономикой, правом, историей. По его мнению, конкретные науки поставляли ей обширный эмпирический материал, который она анализировала и обобщала. В свою очередь как абстрактная наука она предоставляла им «общую формулу прогресса», знакомя с «последовательными стадиями общественности», раскрывала «законы, управляющие ростом челове-

ческой солидарности», которыми они должны были руководствоваться [5. 87–88].

Специально рассматривая проблему соотношения истории и социологии, чтобы более прояснить природу последней, Ковалевский подверг критике взгляды французского историка Фюстель де Куланжа, который фактически отрицал право социологии на существование, вследствие того, что предмет исследования, на который она претендует, является предметом истории. Ковалевский замечал, что, так как задачей истории является изображение хода событий, из которых складывается жизнь отдельных наций и всего человечества, то она необходимо оперирует конкретными фактами. Социология же как наука отвлеченная, в отличие от истории, абстрагируется от массы конкретных фактов и указывает лишь общую их тенденцию, «никогда не теряя из виду основной своей задачи – раскрытия причин покоя и движения человеческих обществ, устойчивости и развития порядка в разные эпохи в их преемственной и причинной связи между собой» [5. 40].

Вместе с тем Ковалевский видел возможность синтеза истории и социологии. По его мнению, история как конкретная наука может дать важный материал социологии для построения общей теории прогресса, но сама по себе бессильна открыть какие-либо социологические законы. Самое большее, на что она способна – это сделать некоторые чисто эмпирические обобщения. В то же время он подчеркивал, что при определенных условиях они могут принять характер законов, например, при обращении истории к помощи социологии. Таким образом, генетическая социология во многом представляла собой синтез историко-социологического знания, осуществляя социологический анализ исторического процесса и генезиса социальных институтов на основе конкретных данных.

Оценивая начальное состояние генетической социологии, Ковалевский считал, что пока она оперирует лишь эмпирическими законами или приблизительными обобщениями, к тому же нуждающимися в прочном фундаменте достоверных фактов. Он отмечал, что материалом для ее построения служат прежде всего данные сравнительной этнографии о быте отсталых в своем развитии племен, позволяющие заглянуть в отдаленное прошлое народов, которое лежит за рубежом письменной истории.

Ковалевский подчеркивал, что особый интерес научные изыскания в области генетической социологии представляют для русских ученых, поскольку в их руках имеется чрезвычайно богатый, но мало разработанный этнографический материал, которого хватит на целые поколения исследователей. Кстати, сам он был неутомимым собирателем подобного материала, неоднократно предпринимая экспедиции на Кавказ, где изучал обычаи, традиции, общественный строй и быт горских народов. Материал, собранный в этих экспедициях, существенно расширял возможности теоретических выводов об организации и эволюции общества. Будучи убежденным последователем Огюста Конта, Ковалевский тем не менее считал, что основатель социологии сделал большую ошибку, ограничив её наблюдения лишь границами римско-католического мира. Он полагал, что только введение в поле социологического изучения жизни

народов Востока, в особенности славянского мира, будет способствовать развитию социологической теории [4; 18].

Основным методом генетической социологии Ковалевский считал историко-сравнительный метод, благодаря которому собственно и состоялось становление этой отрасли социологического знания. Именно этот метод являлся по утверждению Ковалевского «средством к построению совершенно новой науки – истории естественного роста человеческих обществ». Под этой новой ветвью описательной социологии он понимал генетическую социологию как «естественную историю человеческих обществ» [3; С.22, 69].

Коавлевский утверждал, что только с его помощью можно получить материал для изучения истории прогрессивного развития форм человеческого общежития. В его понимании историко-сравнительный метод был необходим для выделения в особые группы схожих у разных народов обычаев и учреждений на аналогичных ступенях их развития. Его значение состояло не столько в открытии новых фактов, сколько в научном объяснении уже найденных. Будучи убежденным сторонником плюралистического подхода к истории, Ковалевский подчеркивал, что сравнительный метод следует применять одновременно к изучению самых разнообразных сторон общежития.

Сравнительно-исторический метод позволял, по мнению Ковалевского, производить социологические обобщения на основе исторического синтеза. В своих трудах он блестяще продемонстрировал применение этого метода к изучению социальной реальности. Так, он использует сравнительно-исторический метод, исследуя, по собственному признанию, одну из труднейших проблем социальной науки – проблему эволюции семьи и собственности.

Суть сравнительно-исторического метода, по его убеждению «составляет параллельное изучение общественной эволюции различных народов, древних и современных, которое должно, в конечном счете, дать общую формулу поступательного движения общественной жизни» [4. 19]. При этом Ковалевский исходит из того, что человеческая природа независимо от рас и народов одинакова, равно как человеческие потребности и способности, которые различаются лишь в некоторых особенностях. Он склонен рассматривать человеческое общежитие как единое целое. В таком случае объектом наблюдения становятся не отдельные феномены, вызванные действием какого-нибудь закона общественного развития у какого-либо отдельного народа той или другой расы, а эволюция форм общественной жизни всего человечества. Факты, взятые из истории одного народа, считал ученый, имеют значение лишь постольку, поскольку они могут пролить свет на ход всего этого развития в целом, т. е. поскольку они повторяются в жизни других народов. Таким образом, сравнительно-исторический метод был основан больше на аналогиях, чем на различиях. Чем распространеннее какое-нибудь явление, тем большее значение оно имеет для исследователя. Чем значительнее число обществ, подвергнутых наблюдению, тем достовернее вывод, сделанный на таком основании. Отсюда вытекает вывод, к которому приходит Ковалевский: «сравнение не должно ограничиваться народами одной какой-нибудь расы или народами, говорящими на одном и том же языке или имеющими одну и ту же религию» [4; 8]. Конечно, он не отрицал

того влияния, которое эти факторы оказывают на жизнь человеческого общества, признавая их воздействие на формирование идей, учреждений и нравов. В то же время он считал, что прежде всего совокупность природных свойств человеческого общества, особенно ярко выраженных на заре жизни человечества, является причиной полного сходства в первые периоды общественной эволюции у самых различных народов.

Поэтому, по мнению Ковалевского, если включить в исследование дикие и варварские племена, живущие еще на земном шаре, то круг наблюдений расширится еще более. В этом случае этнография явится помощницей истории, и сравнительное изучение еще живущих народов дополнит изучение тех народов, которые сохранили смутные воспоминания о своем первобытном состоянии, а также тех, которые уже исчезли.

Анализируя с помощью историко-сравнительного метода такой феномен, как собственность, он отмечал, что та без всякого как германского, так и римского влияния по выходе из патриархальной фазы своего развития по необходимости должна была принять характер обширных территориальных агломератов, известных на Западе под именем феодов, встречающихся под другими названиями как в восточной части Европы, так и в мусульманском мире. При этом в оценке эволюции семьи и собственности Ковалевский, демонстрируя широту своих поистине энциклопедических знаний, использовал для сравнения примеры, взятые из истории народов древности – Греции, Рима, германских племен, европейских народов – Англии, Франции, Германии, Италии, Португалии, Швейцарии, Ирландии, Норвегии, Пруссии, Саксонии, Баварии, Австрии, Богемии, Литвы, Корсики, Кипра, Польши, Сербии, Чехии, Швеции, восточных народов – Индии, Китая, Иудеи, Аравии, Ирана, Египта, Йемена, а также индейцев, австралийцев, африканцев, кавказских племен, народов Мексики, Перу, Новой Зеландии, наконец, древней Руси и России.

Такое понимание Ковалевским целей и задач генетической социологии как науки, стремящейся раскрыть законы эволюции общества, воссоздать развитие его социальной структуры, роднит её с «исторической социологией», что позволяет характеризовать ученого как одного из её основоположников.

Точную характеристику М. М. Ковалевскому дал Н. И. Кареев, назвавший его «историком-социологом, исследователем высших форм общественного бытия», изучающим социальный строй, общественные отношения, а также такие институты, как семья, государство, право, народное хозяйство и относящиеся к ним идеи. «В лице Ковалевского историк сочетался с социологом», – утверждал он [1; 172.]. Саму историю, по мнению Кареева, Ковалевский «изучал с социологической точки зрения, если и не прямо в специальных интересах социологии» [2; 116–117.]. Заслугой Ковалевского в глазах Кареева было то, что он строил свою социологию не сверху, исходя из некой философии, а снизу, опираясь на фактический материал истории, этнографии и палеонтологии. Он был убежденным «компаративистом», не только пользуясь историко-сравнительным методом на практике, но и теоретически его обосновывая. Самим названием «историко-сравнительный метод», он подчеркивал, что сравнение явлений или форм рассматривалось им не в статике, а в исторической ди-

намике. Если в своих социологических изысканиях, заключает Кареев, Ковалевский был преимущественно историком, и поэтому «идиография» у него преобладала над «номологией», то в исторических работах он был прежде всего социологом, исследовавшим высшие формы общественного бытия, т. е. учреждения в широком смысле этого слова, в том числе и первобытную семью, и парламентское государство.

С такой характеристикой своего учителя был совершенно солидарен П. А. Сорокин. Он обращал особое внимание на методологический плюрализм Ковалевского, который наглядно проявился в его подходе к одной из центральных социологических проблем того времени, вызвавшей наиболее оживленные споры социологов – проблеме факторов социальной жизни. В качестве таковых, по мнению Сорокина, у Ковалевского фигурируют биологический, космический, политический, экономический, нравственный, идейный, религиозный и другие факторы, а также такие явления, как войны, голод, эпидемии, реформации и т. д. Как считал Сорокин, его учитель был убежденным плюралистом, решительно выступавшим против методологического монизма, т.е. господства одного фактора. В доказательство он приводит слова Ковалевского из первого тома его «Социологии» о том, что любое общественное явление есть результат действия множества факторов, всегда переплетенных друг с другом и взаимно влияющих друг на друга. Как отмечал Ковалевский, общественные явления взаимно обусловлены и вызываются «не только влиянием внешней среды, т.е. суммой явлений числа, притяжения, физических и химических свойств отдельных тел, наконец, законов, управляющих жизнью организмов, но еще массой взаимоотношений между отдельными проявлениями общественности, хозяйственными, правовыми, государственными, религиозными, художественными и т. п.» [6; 195]. Сорокин отмечает, что факторы, которые интересовали Ковалевского в наибольшей степени, а именно, плотность населения, экономика, общественные отношения и идеи, по сути своей, представляли результат последовательного влияния роста населения на общественную жизнь. Выделение подобного ряда факторов, как показывает Сорокин, есть мера чисто методологическая, а не субстанциональная. Это признание того факта, что изменение плотности населения влечет, прежде всего, изменение форм народного хозяйства, а уже затем общественных отношений и экономических идей, что совершенно не означает умаление последнего фактора.

В целом есть все основания утверждать, что М.М. Ковалевский блестяще сочетал в своем лице историка и социолога. В своих исследованиях по генетической социологии, которую фактически можно идентифицировать как историческую социологию, он подверг историко-социологическому анализу генезис общества и его институтов, осуществляя поиск общих законов социального развития.

Библиографический список

1. Кареев Н. И. М. М. Ковалевский как историк и социолог // М. М. Ковалевский, Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин (1851–1916). Сб. статей. Пг., 1917.
2. Кареев Н. И. Основы русской социологии. СПб.: Изд. Ивана Лимбаха, 1996.

3. Ковалевский М. М. Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приёмы изучения истории права. М., 1880.
4 Ковалевский М. М. Очерк происхождения семьи и собственности. М., 1939.
5. Ковалевский М. М. Социология //Сочинения в двух томах. Т. I. СПб.: Алетейя, 1997.
6. Сорокин П. А. Теория факторов М.М. Ковалевского //М.М. Ковалевский, Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин (1851– 1916). Сб. статей. Пг., 1917.

А. В. Очкина
Пензенский государственный
педагогический университет им. В. Г. Белинского

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ В РОССИИ: ПРОБЛЕМА СРЕДНЕГО КЛАССА

С начала 90-х годов прошлого века в России идут многоплановые и глубокие социальные изменения, связанные прежде всего с распадом Советского Союза и с рыночными преобразованиями в экономике. Однако остатки советского строя не сметаются бесследно и не заменяются механически новыми рыночными структурами и институтами. Общественное сознание и социальное поведение также эволюционируют не в полном соответствии с прогнозами многих экономистов и социологов в «нормальную» рыночную сторону, а часто развиваются вопреки им. В российской социологической науке сейчас немало работ, посвященных как раз парадоксам социального поведения и социальной самоидентификации российских граждан. В этих работах основное внимание уделяется анализу причин заметной «неправильности» социальных процессов в России, корень которых, как правило, ищут в «остаточности» советского строя, недостаточной последовательности и эффективности рыночных преобразований.

В этой связи исследователи часто обращаются к проблеме социальной структуры, и в первую очередь к проблеме среднего класса, чтобы, выявляя в ней новые элементы и мотивацию, констатировать успех (или поражение) рыночных преобразований. Именно наличие среднего класса в социальной структуре кажется многим исследователям ключевым моментом для определения «включенности» российского населения в рыночные отношения. Но как раз этот слой, вокруг самого существования которого идут в современной российской социологии ожесточенные споры, красноречиво демонстрирует, что многие «остаточные следы советского строя» не являются уже остаточными, а становятся характеристиками нового российского общества.

Обратиться к проблеме среднего класса, помимо ее важности и особой актуальности для современной России, меня побудило еще и разительное несоответствие между выкладками социологов и социальным самочувствием весьма значительной части населения России, которую я исследовала в течение многих переходных лет. Это – образованные, занятые квалифицированным трудом люди, которых многочисленные социологические исследования описывают терминами «новые бедные», «наемные работники», «бюджетники», в лучшем случае как «нижний средний класс» и изначально рассматривают эти группы

как ущербные, чего-то не достигшие и недобравшие, как конгломерат неудачников. Между тем, оценивая свое социально-классовое положение, эти люди обращаются, как правило, к термину «средний класс», не осознавая, что посягают на священную корову либерально ориентированных социологов. В понятии «средний» они фиксируют как распространенность их образа жизни («жить как все» – такое понимание термина «средний класс» при саморанжировании отмечается и в других исследованиях (См., например, 10. С. 229), так и его «нормальность» с точки зрения соответствия принципам человечности, морали и нравственности.

В опросах, интервью, беседах, например, студенты относят себя и свои семьи к среднему классу. Результат на редкость единодушен – из всех опрошенных (опросы поводились регулярно в течение десяти лет на нескольких факультетах Пензенского педагогического университета) только один отнес себя и свою семью к высшему, а двое к – низшему слою. И это независимо от уровня дохода семьи, места жительства, сферы занятости, даже в том случае, если родители безработные, пенсионеры или инвалиды. В интервью респонденты настаивали на своей оценке, причем многие горячились, не соглашались ни на какие альтернативные предложения и приставки «бедный», «низший» к понятию «средний класс». Аргументы были на удивление схожи: мои родители имеют хорошее образование, у них интересная, уважаемая работа, или – они много знают, к ним прислушиваются и – обязательный, повторяющийся почти у всех аргумент: «мои родители имеют возможность дать мне высшее образование», о наличии высшего образования у сестры или брата сообщают с гордостью. Почти все респонденты настаивали на принадлежности к среднему классу людей, занятых высококвалифицированным, содержательным и творческим, социально значимым и уважаемым трудом. Без колебания они относили к среднему классу врачей, учителей, преподавателей вузов, работников культуры, инженеров. Мелких же и средних предпринимателей причисляли к среднему классу далеко не все. Однако нужно заметить, что в последнее время тенденция эта ломается, все чаще именно доход называется респондентами, особенно молодыми, в качестве главного, а порой и единственного, показателя социального статуса. Образованность и социальная значимость труда называются как параллельные критерии или как свойства личности, не вознаграждающиеся ни доходом, ни, соответственно, статусом.

В связи с этим я не могла не поставить перед собой вопрос: кто же они такие по своему социально-классовому положению наши «новые бедные», но гордые сограждане? Имеют ли какие-либо объективные основания их самоидентификация как представителей среднего класса и соответствующие притязания? Вопрос этот отнюдь не праздный. Нельзя со всех точек зрения (моральной, идеологической, социально-экономической, политической) игнорировать социальное самочувствование большого и наиболее образованного слоя общества. Кроме того, на мой взгляд, анализ социального положения именно этого слоя нашего общества сможет приблизить нас к истине в тех поисках среднего класса, которые сейчас совершенно оправданно ведут российские социологи и политики.

Некапиталистический «зигзаг» российской истории оказался решающим для формирования ее современной социальной структуры и объективно «расколол» ее исследователей на два крупных (отнюдь не монолитных внутри) направления. К одному, условно назовем его аналитическим, можно отнести тех, кто так или иначе принимает во внимание советский след (См., например, 6; 11 и др.) и пытается выяснить перспективы трансформации советских остатков в социальной структуре и социальном поведении. Второе, описательное направление, объединяет социологов, которые, изучая трансформационные процессы в социальной структуре российского общества, выделяют по тем или иным критериям возникающие средние слои и регистрируют их наличные характеристики – уровень дохода и потребления, социальные ориентации, социально-профессиональный состав и т.д. (2 и 3, например).

Но в любом случае дискуссионным является вопрос о самом существовании в России среднего класса, и большинство исследователей склонны либо отрицательно отвечать на этот вопрос, либо более или менее осторожно подчеркивать отличие российского варианта среднего класса от западного. Применительно к бывшим советским слоям, обладающим чертами среднего класса, приняты приставки «псевдо» и «прото». Многие исследователи говорят о том, что реальные процессы в российской экономике препятствуют появлению среднего класса, что нарастающая имущественная поляризация делает невозможным его появление. (7). После экономического кризиса в августе 1998 г. исследования среднего класса какое-то время ведутся в координатах «есть – нет», (См., например, 2); и в то же время распространяются исследования маргинальных и полярных слоев российского общества. (См., например, 1; 12 и др.).

Разброс мнений относительно среднего класса в современной России в значительной степени связан с теоретической неопределенностью относительно критериев выделения среднего класса в любом обществе и значения этого понятия для исследований социальной структуры вообще. Наиболее распространенный подход к исследованию среднего класса сводится к выделению социальной группы, объединенной неким средним для данного общества уровнем дохода и соответствующим ему стандартом потребления. Конечно, это допустимо и даже необходимо для специальных целей, например, при разработке маркетинговой или рекламной стратегии. Но если пойти по этому пути, то вся социальная картина будет зависеть от того, по какой шкале эти доходы распределяются, иначе говоря, она будет весьма произвольной. Но увидим ли мы, таким образом, особый *класс*, мыслящийся всегда как объективно складывающаяся совокупная социальная и политическая сила. Весьма сомнительно.

Нередко средний класс рассматривается как большая буферная социальная группа, разделяющая нижние и верхние слои общества по уровню, качеству и образу жизни, что якобы объективно заставляет ее играть в обществе стабилизирующую роль. При таком подходе стабилизационная роль среднего класса неизбежно объясняется как-то уж очень механистически: «Средний класс разделяет два противоположных полюса, бедных и богатых, не дает им столкнуться. Чем тоньше средний класс, тем ближе друг к другу полярные точки стратификации, тем вероятнее их столкновение. И наоборот». (5. С. 337) Образно, но

пока не очень убедительно. Вообще анализ стабилизационной роли среднего класса занимает особо важное место в российской социологии. Это понятно: российское общество тоскует по стабильности, для него это сверхценность из-за многих лет постоянных и часто драматических перемен. Известный российский социолог В. В. Радаев, к примеру, считает, что даже если в действительности среднего класса и нет, он должен существовать как идеальная конструкция для измерения стабильности общества. (10. С. 229).

В большинстве исследований стабилизационная роль среднего класса объясняется тем, что своим происхождением и процветанием он обязан определенным социально-экономическим условиям и, соответственно, кровно заинтересован в сохранении этих условиях. Он состоит из тех, кто сделал судьбу собственными руками и заинтересован в сохранении строя, предоставившего ему подобные возможности. Чем больше средний класс, тем меньше вероятность того, что общество будут сотрясать революции, межнациональные конфликты, социальные катаклизмы… (5. С. 335). Это крайне интересный и, как мне представляется, ключевой для понимания именно *классовой* природы среднего класса момент. Правда, иногда связь среднего класса со строго определенными социально-экономическими отношениями понимается как абсолютная лояльность *существующему* строю. И даже больше, сама эта лояльность рассматривается как один из необходимых признаков среднего класса. (5. С. 347). Средний класс действительно является сторонником тех социально-экономических и социально-политических *условий*, которые способны обеспечить его социальную мобильность, его социальную и творческую активность и благополучие. А если на этот строй покушаются определенные внутренние или внешние социальные силы, например, разросшаяся коррумпированная бюрократия или олигархия? Как тогда поступит средний класс, если он уже сложившийся класс? И заметим, он является сторонником *определенных* экономических и социально-политических условий, но не любого *существующего* строя и тем более *не конкретного* политического *режима*. В противном случае можно посчитать (а это было бы неправильно), что демократические, антивоенные, правозащитные выступления, протесты экологов и т. п. ни в коем случае не могут иметь отношения к среднему классу, какие бы интеллектуальные и управленческие функции ни выполняли в обществе участники этих движений и акций.

В этом смысле конструктивной является позиция Р. В. Рывкиной. Говоря о социальной роли тех слоев, которые принято в различных социологических традициях относить к среднему классу, она очень удачно, на наш взгляд, уподобляет средний класс позвоночнику в человеческом организме, «благодаря которому организм сохраняет равновесие, устойчивость, несмотря на огромную подвижность тела, взлеты и падения духа. Аналогично при всей динамичности элиты, сменах политических программ и режимов власти средние слои продолжают свои традиционные занятия, обеспечивая обществу все, что ему нужно для его нормального существования: от рабочих мест и потребительских товаров до медицинской помощи и научных открытий». (13. С. 329) Иначе говоря, стабилизационную роль среднего класса Рывкина совершенно справедливо, на мой взгляд, объясняет самой его природой: а именно тем, что он выполняет

необходимые для существования современного общества социально производственные функции, сохраняя тем самым развитую социальность, развитые человеческие потребности и способности. Он сохраняет общество в его развитом содержании, а не существующую социально-экономическую или социально-политическую форму, т. е. вопрос о стабилизационной роли среднего класса и есть вопрос о его социальной природе, о его социально-производственных функциях, о его месте в общественном разделении труда.

С тезисом о безусловной лояльности среднего класса по отношению к существующему строю, его обязательной вписанности в рыночные отношения связан тезис о безусловной преданности рынку среднего класса, поэтому часто наемные работники в принципе к нему не причисляются. Так, к примеру, поступает Р. В. Рывкина. Определяющим признаком среднего класса у нее становится «наличие собственного предприятия или индивидуальное выполнение обособленных функций, возможность поддерживать высокий экономический уровень», используя все возможности рыночных отношений. (13. С. 329). Конечно, средний класс использует рыночные механизмы, приспосабливается к ним, но является объективно, по самой логике своей позиции в структуре общественного разделения труда, волнорезом, о который разбиваются волны рыночного океана. Средний класс участвует в производстве услуг, само существование которых предполагает сдерживания рынка, или которые по определению производятся в так называемых зонах «изъянов рынка». Другое дело, что демон личного успеха не дает покоя представителям среднего класса, их поведение отмечено противоречием между возможностью и желанием продавать свой интеллект как можно выгоднее и необходимостью выполнять социальнозначимую функцию, в которой только и реализуется и развивается его интеллект, или между желанием реализовывать себя в труде, который привлекателен, так как требует игры интеллектуальных и физических сил, и необходимостью *продавать* свои творческие способности, подчинять их требованиям рынка, безразличного в целом к творческому смыслу и содержанию труда.

Вместе с тем в современной российской социологической литературе накоплен целый ряд идей и концепций, позволяющих адекватно осмыслить и выразить проблему среднего класса в целом и российского среднего класса в частности. В них отмечается, что по своему происхождению и связанными с ним образом жизни и социальной ролью современный средний класс является новым явлением, завоеванием XX века, воплощением, персонификацией кардинальных социальных, политических и культурных изменений, в этом веке произошедших. Аристотель, М. Вебер, К. Маркс говорили в основном о тех средних слоях, которые сейчас называют иногда «старым средним классом» – это мелкие собственники и предприниматели, ремесленники. Они не были связаны со специфической социально-производственной функцией, их социальные и политические интересы были все же интересами собственников, с пролетариатом их роднило лишь то, что небольшая стоимость собственности делала реальной для них угрозу нищеты. Новый же средний класс аккумулирует в своих рядах специалистов – людей, которые, во-первых, востребованы благодаря новым социально-экономическим отношениям (превращением науки в произво-

дительную силу и связанным с этим распространением просвещения и социального обеспечения), во-вторых, обязаны своим социально-экономическим положением собственным усилием (предпринятым, однако, на фоне определенных социальных изменений, таких как резкое увеличение доступности образования, повышение доли интеллектуального труда, демократизация социальной и политической жизни и т. д.), и связывающих все свои перспективы с этими усилиями. Отметим, что появление и широкое использование концепции «человеческого капитала» Г. Беккера крайне показательно. Действительно, знание и квалификация – единственные или, по крайней мере, самые значимые «накопления» «нового среднего класса». Эта замечательная аналогия Беккера позволяет нам подчеркнуть, что как для реализации капитала (в традиционном смысле) и получения прибыли от инвестиций необходим определенный инвестиционный и экономический климат, а также стратегическое и тактическое чутье, так и для реализации квалификации и профессионализма, связанных с высоким уровнем образования, необходимы определенные объективные условия и субъективные усилия. Как наличие капитализма не гарантирует процветания *всем* капиталистам и реализации *всех* предпринимательских проектов, так и наличие образования, квалификации, связь со значимой производственной и социальной функциями не гарантирует процветания всем. Вот здесь-то и встает вопрос о том, что же первично в определении среднего класса – его социально-производственная функция или его доход, уровень потребления.

Показательно, что американский исследователь российского среднего класса Г. Балзер, фиксируя изначальную «неправильность» происхождения российского среднего класса, отмечает, что понятия «старого» и «нового» среднего класса в постсоветском обществе поставлены с ног на голову. Так, старый средний класс в терминологии Райта Миллса – мелкие и средние предприниматели – стал в постсоветской России по факту «новым», а «новый средний класс» – служащие и специалисты – старым средним классом (16). Это так. Однако эта путаница возникает только в том случае, если принять некритически тезис о непременно рыночном возникновении среднего класса и об обязательном наличии у него рыночного социального и экономического опыта. Если же исходным толчком к появлению среднего класса считать процессы модернизации (и связанное с ними усложнение и «распыление» управления, появление массового образования, системы доступного здравоохранения и социальной защиты), то все снова встает на свои места. Слой специалистов и служащих, квалифицированных рабочих – это «новый средний класс», переживающий упадок одновременно с процессами демодернизации, но, тем не менее, сохраняющий во многом свои социальные позиции и ориентации. Мелкие и средние предприниматели – это, конечно, «старый средний класс», возрождающийся в современной России. Выигрывая часто экономически, этот слой идеологически подчинен во многом «старому новому среднему классу» современной России, наследнику советской модернизации. Нужно отметить здесь и действующий демографический, семейный фактор. Ценности (по крайней мере, на уровне общих представлений о хорошем и плохом) большинства новоявленных российских предпринимателей сложились под влиянием ценностей советского

среднего класса (или тех слоев, которые с разной степенью условности можно так назвать). Особенно высокую ценностную зависимость обнаруживают наиболее успешные в экономическом отношении специалисты (работающие в коммерческих структурах, расположенных в динамично развивающихся регионах). Показательно, что они отождествляют себя со слоем специалистов, проигравшим в целом в результате реформ, считают часто свой личный успех случайностью. Это проявляется и в том, что при положительной в целом оценке своего социально-экономического положения относительно успешные сегодня врачи, преподаватели, научные работники характеризуют ситуацию в стране крайне негативно. Представители «нового старого среднего класса», рожденные перестройкой мелкие и средние предприниматели, часто отмечают в интервью с социологами чувство моральной опустошенности, неясную тоску, которую, правда, многие идентифицируют как тоску по настоящему делу (6. С. 115–145; 146–187). Нужно также добавить, что предпринимательский слой (все его уровни – высший, средний и низший) тесно сплетен в России с криминальными структурами или, как минимум, активно участвует в теневых экономических отношениях, что не может не смущать и не тяготить многих его представителей.

Итак, можно согласиться, что собственно новый средний класс – тот, который возник во второй половине XX века, класс профессионалов в широком смысле этого слова, появляется вместе с принципиально *новыми* социально-производственными функциями, и в этом смысле он – уникальное явление в истории, существующее с исторической точки зрения очень недолго. Именно поэтому разумно предположить, что относительно высокий уровень жизни среднего класса или его части – тоже явление уникальное, а не неотъемлемый его признак, а вот набор социальных ролей и функций – классообразующий момент, так как представляет собой базу для его консолидации на основе *объективно* общих интересов, создает условия для превращения его из класса в себе в класс для себя, т. е. в реально действующую политическую силу.

В. В. Радаев отмечает, что возможны разные определения среднего класса (в специальной литературе он насчитывает их семь), «от выбора которых зависит само наличие и конфигурация среднего класса» (10. С. 229), и заключает, что «ответы на вопросы о том, сформировались уже средние слои в России или нет и каковы их возможные масштабы, – чуть ли не целиком зависят от выбора критерия оценки» (10. С. 232). Разумеется, ответ на вопрос о существовании и границах среднего класса в каком либо обществе зависит от выбора критерия оценки. Но разве выбор этого критерия может быть произвольным? Разве сам критерий оценки не должен быть истинным? А более объективного и, следовательно, более истинного критерия социальной стратификации, кроме как место людей в системе общественного разделения труда, еще не найдено. Интересно с этой точки зрения, что почти все социальные группы, выделенные Радаевым по разным основаниям как вероятные средние слои (средний класс), при всей их социальной пестроте обладают одним общим признаком: они образованны и вынуждены постоянно поддерживать свой образовательный и квалификационный уровень, семья и труд являются для них жизнеобразующими факторами,

определяющими тактику и стратегию их поведения. Они объединены собственно классовым, т. е. создающим почву для общих социально-экономических и политических интересов, отношением: они создают массовый спрос на услуги и знания и нуждаются в массовом производстве этих услуг как в основе своего существования. Они производят эти знания и услуги и нуждаются в них для собственного развития, т. е. выступают и их основными потребителями. И именно это определяет и их место в системе общественного разделения труда, и их социально-экономическое и социально-политическое поведение.

Отметим еще раз, что исследований среднего класса в России в последнее время немало и многие из них заполнены сожалениями по поводу его малочисленности, и того, что он в России не такой *средний* или не такой *класс*, как на Западе. В основном социологи сходятся на том, что российские средние слои составляют относительно небольшую часть нашего общества: 10–15 или 15–23 %. (См. 5; 8; 10). При этом их вывод основывается на сопоставлении *потребительских* стандартов российских кандидатов на роль среднего класса и их западных «коллег». Я все-таки предлагаю искать средний класс или его аналог в современной российской действительности, не следуя слепо за сложившейся на сегодня социологической традицией, так как наша экономическая и социально-политическая ситуация слишком специфична, чтобы мы в поисках истины могли себе это позволить. Я думаю, что вообще не следует абсолютизировать средний класс западного образца, придавать *всем* его определениям всеобщий смысл. Аналогия с Западом необходима для того, чтобы четче выявить общие и особенные тенденции развития социальной структуры в современной России. Позволю себе утверждать, что объективным основанием для выделения и исследования классов вообще и среднего *класса* в частности является общественное разделение труда, обусловливающее специфическое место больших групп людей в общественном производительном процессе, различие их социально-экономических ролей и, соответственно, образа жизни, коренных общественных интересов, образа мыслей по основным социальным вопросам и образа социальных действий, социального поведения. Не случайно, что по каким бы признакам ни выделяли современный средний класс российские социологи, почти всегда при этом подчеркивается, как базисное определение, его особое место в общественном производстве: связь с производством знаний (заметим: трансляция знаний – это также и их производство, именно в системе образования знаниям придается всеобщая и социально значимая форма), с обслуживанием новых технологий и всех социальных условий становления и развития постиндустриального, информационного общества.

Совершенно справедливо, что средний класс неоднороден по доходу и стандарту потребления и с этой точки зрения делится на слои: нижний, средний и верхний. Такое разделение имеет первостепенное значение для маркетинговых решений и немаловажно для разработки политических технологий. С точки же зрения исследования социального поведения важна неоднородность среднего класса по содержанию труда и характеру социальных ролей. Особенно это актуально для России, где при сложившейся декомпозиции статусов попадание в тот или иной слой представителей различных профессий зависит пол-

ностью от применяемых критериев. Мне представляется, что в российском среднем классе, точнее, в социальном агрегате, который скрывается за этим понятием, можно выделить три относительно независимых социальных образования. Условно их можно назвать управленческим, гуманитарным и массовым. Управленческий слой среднего класса сложился в новых, возникших в постсоветскую эпоху секторах экономики и управления, связан с обслуживанием частной собственности и рынка. Гуманитарный – так называемая художественная и интеллектуальная элита (элита в основном по доходу), – удачно вписавшаяся в рыночные отношения и успешно торгующая «своими творческими и интеллектуальными способностями». Первые два «средних класса», по крайней мере значительная часть их представителей, более или менее соответствуют западным стандартам доходов и потребления среднего класса. Им не откажешь в образованности и профессионализме, но они объективно концентрируются в сферах, которые обслуживают развитие и существование ***капитализирующейся экономики,*** однако не обеспечивают полностью ***общественные*** потребности, потребности общественного развития. Третий, массовый средний класс России – это и есть наши «новые бедные», мои респонденты, люди массовых интеллектуальных профессий, составляющих более 20 % занятых в народном хозяйстве России (в российской экономике занято всего 59 652 437 человек, в сфере образования – 5 335 918 человек, в здравоохранении 4 378 918 человек, в сфере коммунальных, социальных и персональных услуг – 2 724 751; см. 17). Они в основном и выполняют те самые функции среднего класса, о которых шла речь выше. Именно их-то и не относят в массе своей к среднему классу по доходу и, по стандарту потребления. Но именно этот слой занят решением стержневой, срединной социальной задачи: производством и сохранением собственно современного ***человека***, собственно современного ***человеческого*** общества.

Если стабилизационная роль двух первых слоев, управленческого и гуманитарного, заключается в поддержке, более или менее уверенной, рыночных реформ, то третий, массовый, слой объективно все переходное время занимался консервацией и спасением социального государства, созданного в советское время. И если «рыночная» часть среднего класса концентрируется в экономически успешных регионах, то «советская» сосредоточена в провинциальных, депрессивных областях, хотя, разумеется, этот слой есть везде, раз есть его профессиональная ниша. Врачи лечат, учителя учат за копейки. (14). Даже осталась какая-то наука, слабеющая, но до сих пор каким-то чудом живая. Особенность труда представителей этого слоя – его непосредственная связь с теми, кто нуждается в его услугах, которая предстает в этом случае как прямая *помощь конкретному человеку*. Ответственность за результаты своего труда превращается в ответственность *за человека*. Труд в этих сферах неотделим от нравственного выбора, это труд, который, кроме того, сам может стать наградой. От ухода из профессии и от профессиональной деградации их оберегает постоянное осознание большой социальной ответственности и удовлетворение своим трудом. Представители этого слоя, несмотря на небольшие доходы, пытаются поддерживать характерную для среднего класса структуру потребления.

Учителя и преподаватели, например, покупают книги и компьютеры, выкраивают деньги на Интернет, на обучение детей иностранным языкам, музыке, танцам и т. д., стараются дать детям высшее образование и т. п.

Эти слои во многом противостоят друг другу – имущественно, идеологически, политически, но они нуждаются друг в друге, в определенном смысле друг друга порождают и дополняют. Управленческий и гуманитарный средние слои обеспечивают освоение и распространение управленческих и информационных технологий, новых и более высоких стандартов потребления и вместе с этим сохранение устойчивого спроса на знания, образование. Третий, массовый слой сохраняет социальное государство и *основы* для производства знаний, новых технологий, иначе говоря, сохраняют необходимую инфраструктуру и поддерживает мотивацию к знаниям, образованию и творчеству. Именно поэтому социальная сфера в России, лишаясь поддержки государства, приобретает массовую поддержку населения. Эта поддержка имеет явный, легальный характер и выражается, например, в устойчивом спросе населения на услуги высшей школы, что приводит к устойчивому росту системы высшего образования вопреки состоянию экономики и политике государства (9). Многообразные теневые отношения, о которых речь шла выше – тоже результат такой поддержки, уже в нелегальной форме, это проявление своеобразного симбиоза различных слоев среднего класса современной России.

Таким образом, вопрос о самом существовании среднего класса в России – это, в сущности, вопрос о том, что является причиной его появления – развитие рыночных отношений или, напротив, их ограничение и, следовательно, какова роль среднего класса – быть «идеальным потребителем» и гасить попытки любых преобразований или, напротив, быть своего рода «гостем из будущего», производителем прогресса и, соответственно, поддерживать и инициировать позитивные преобразования. Российская социология накапливает эмпирический материал, ищет методологически перспективные подходы, постепенно уходя в сторону от бессмысленных сожалений о нерыночности и несформированности, незападности среднего класса в России к поиску сущностных оснований самого феномена среднего класса и специфики его российского воплощения.

Библиографический список

1. Балабанова Е. С. Андеркласс: понятие и место в обществе. Социологические чтения. 1999. № 12.
2. Беляева Л. А. В поисках среднего класса// Социологические исследования. 1999. № 7.
3. Бызов Л. Г. Уровень потребления и имущественные характеристики среднего класса// Социологические исследования. 2000. № 3.
4. Горшков М. К. Некоторые методологические аспекты анализа среднего класса в России // Социологические исследования. 2000. № 3.
5. Добреньков В. И., Кравченко А. И. Социология: Учебник М.: ИНФРА-М. 2001.
6. Дилигенский Г. Г. Люди среднего класса. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2002.
7. Заславская Т. И., Громова Р. Г. К вопросу о среднем классе в современном российском обществе // Мир России 1998, №4.

8. Кравченко А. И. Социология: Учебник для вузов. М.: Аспект Пресс, 2003 6-е изд.
9. Очкина А.В. Мотивация к высшему образованию в современной России. По результатам социологического исследования // Альтернативы, 2004, № 4.
10. Радаев В. В. Экономическая социология. Курс лекций. М.: Аспект Пресс, 1998.
11. Радаев В. В., Шкаратан О. И. Социальная стратификация. М., 1996.
12. Руткевич М. Н. Трансформация социальной структуры российского общества. Социологические исследования.2004. № 12;
13. Рывкина Р. В. Драма перемен. 2-е изд., перераб. и доп., М.: Дело, 2001.
14. Социальное положение и уровень жизни населения России. Статистический сборник. М.: Государственный комитет по статистике РФ, 2003.
15. Средний класс в современном российском обществе. М.: ROSPEN, 1999 г.
16. Balzer H. Russia's Middle Classes Post-Soviet Affairs. 1998 V. 14, N 2.
17. http://www.perepis2002.ru/ct/html/TOM_08_01.htm.

Новосельцева Г. Б., Новосельцев А. В.
Пензенский государственный
педагогический университет им. В. Г. Белинского

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

С 2003 г. активизировалась научная работа по выработке стратегии социально-экономического развития России [1]. Однако правительство до сих пор не имеет утвержденной научно обоснованной долгосрочной стратегии преодоления последствий кризиса и возрождения национальной экономики. Это означает, что на государственном уровне не сформулирован ответ на исторический вызов, вставший еще в конце XX века перед СССР. Страна не сумела осуществить трансформационный скачок и «была разрушена как социально-экономическая система, геополитическая реальность и вторая сверхдержава»[2]. Устранение подобной угрозы для современной России основывается на пересмотре исчерпавших себя взглядов на модернизацию страны, на разработке теоретических предпосылок для преодоления стагнации реформационного процесса. Такие предпосылки создаются в ходе формирования новой системы научных представлений (парадигмы), концепций и стратегий развития, опирающихся на результаты первого реформационного десятилетия (1990–2000 гг.). «К концу 2004 г. процесс социально-экономических преобразований в России подошел к критической черте, которая может быть охарактеризована как «концептуальный кризис». Его преодоление и резкое повышение эффективности реформирования предполагают разработку государственной стратегии социально-экономического прорыва независимо от «нефтяного фактора» [3].

Для России круг проблем, связанный с государственным регулированием экономики, – вопрос особой важности и сложности в силу специфики исторического развития этого института. Взаимосвязи общества и государства отличались как от Запада, так и от Востока. Государство в России традиционно имело превалирующее значение в решении всех общественных проблем. Трансформационные преобразования социально-экономической системы в послед-

нем десятилетии XX в. резко прервали эту традицию. Согласно неолиберальной концепции, положенной в основу реформ 90-х годов, государство практически полностью устранялось от воздействия на экономику.

В России (как, впрочем, и в других постсоциалистических странах) сложилась уникальная ситуация. Она заключается в хронологически сжатой трансформации одной социально-экономической системы в другую: командной в рыночную. Если рынок действительно представляет собой естественно сложившуюся, саморегулирующуюся систему, то роль государства сводится к первоначальному «толчку» по запуску его механизма, который и решит автоматически все экономические проблемы. Такой сценарий развития был заложен в основу российских реформ. Реально главной задачей стало не построение нового механизма государственного регулирования экономики, а искоренение всякого вмешательства государства в хозяйственную деятельность. Фактически, такой подход означал принятие концепции догоняющего развития, с самого начала подвергавшейся критике со стороны многих российских экономистов [4].

Лозунг периода первоначального накопления капитала в Европе «laissez-faire» фактически был реализован в ходе российских реформ на основе программы «шоковой терапии». Эта программа, одобренная ООН, МВФ, Всемирным банком? была принята и реализована российским правительством и входившими в него экономистами – Е. Гайдаром, А. Чубайсом, Б. Федоровым. Выбор программы не мог быть случайным. Ее положения обеспечивали молниеносное осуществление экспроприации народной и государственной собственности, за счет которой и образовались все колоссальные состояния. Стратегия «шоковой терапии» (приватизация, либерализация, стабилизация) активно финансировалась Западом: МВФ предложил пакет помощи в размере 24 млрд долл., Конгресс США принял закон о создании специального правительственного фонда по поддержке приватизации в России [5].

Первый этап реформ (с 1991 по 1996 гг.) показал, что таким путем не только «цивилизованный», а вообще никакой рынок сложиться не может. Уже к 1994 г. отчетливо проявились закономерные результаты проводимой кабинетом Е. Гайдара экономической политики. Основные задачи, определявшиеся исходя из монетаристской концепции – обеспечение стабильности, предсказуемости цен, процентной и налоговой ставок, реального функционирования института частной собственности – не были решены по признанию самого правительства [6].

Более того, ведущие экономисты-аналитики вскрыли ошибочность применявшейся концепции. Академик Г. Арбатов указал на опасность резкого освобождения цен в переходной экономике. Цена – фундаментальный рыночный механизм. Через цены осуществляется закон стоимости, оказывающий определяющее влияние на экономику. При недостаточной подготовленности рыночных институтов реализации закона, освобождение цен может привести к разрушительным последствиям действия столь мощного механизма экономики [7]. Шоковое освобождение цен как толчок к запуску рыночного механизма, российские экономисты признали ошибкой. Именно эта мера повлекла появление

массовой бедности, дестабилизировала производство, привела к полной деградации общественной жизни и фактическому развалу экономики [8].

В то же время в ходе преобразований объективно, на приоритетное место в стратегии реформирования выдвинулись вопросы создания и развития рыночной инфраструктуры, кардинальное решение проблем ЖКХ, здравоохранения, образования, армии и других жизненно важных сегментов социально-экономической системы. М. Богомолов указал на возрастание значения социальной компоненты для успеха реформ. По его мнению, изначально осью стратегии преобразования должнf была быть четкая национальная идея развития, в центре которой находится человеческая личность, что соответствовало бы общемировой тенденции социальной ориентированности развития экономических систем.

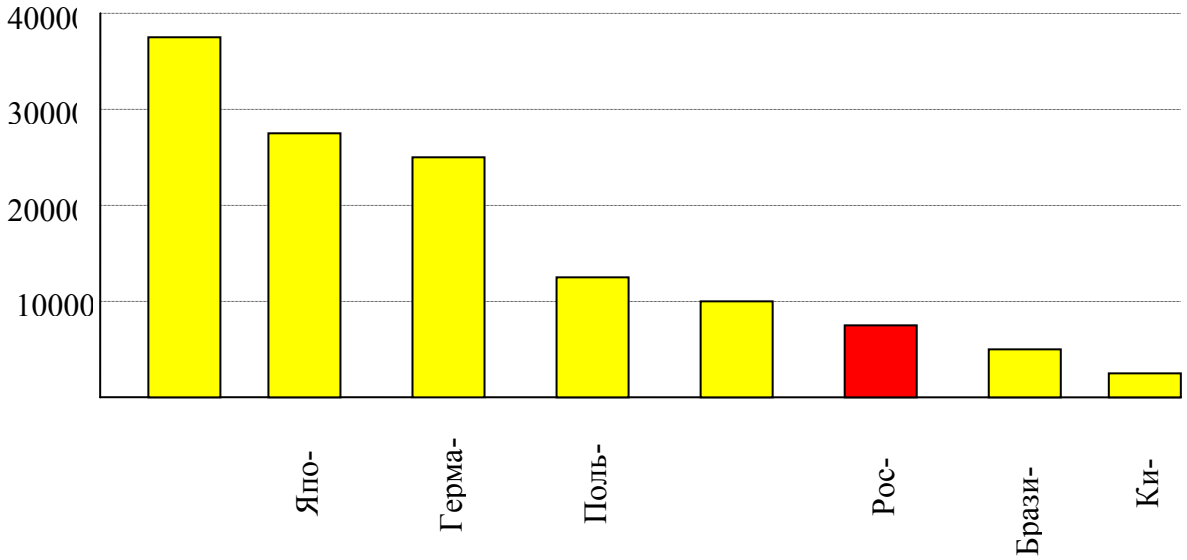
В конце 1996 – начале 1997 года для экономики России были характерны неплатежи, бартерный обмен, низкая собираемость налогов, нарушение принципа взаимосвязи получения доходов от вложения ресурсов в производство. Все это стало проявлением фундаментальных нарушений равновесия в экономической системе [9].В экономике преобладал монополизм, теневая координация и даже прямой контроль мафиозных структур [10]. Практически единогласно основным результатом этого этапа реформ экономисты называли незащищенность населения перед последствиями товарного производства: неуверенность в завтрашнем дне, рост цен, отсутствие социальных гарантий [11]. Многократно объявлявшиеся руководством страны в тот период стабилизация и начало экономического роста не осуществлялись [12].

Реальными достижениями реформационного десятилетия можно считать установление экономических и политических свобод. Что касается насыщения потребительского рынка и устранения дефицита, то с нашей точки зрения произошло лишь перемещение дефицита из сферы обмена в сферу потребления. Реформы в России привели к обнищанию основной массы -83 % [13] – населения, что абсолютно обесценило рыночные преобразования. На схеме 1 видно, что в настоящее время позиция России по уровню жизни населения соответствует уровню периферийных стран в мировом хозяйстве. Резко усилилась дифференциация населения по доходам. Если в 1991 г. децильный коэффициент в РФ составлял 4,5, то в 2004 г. 2 % населения страны получали свыше трети всех денежных доходов россиян, а 10 % самых бедных только 2 % [14].

Особенно наглядно неудача российского варианта реформ выглядит на фоне экономического роста в странах ЦВЕ, начавшегося после 2-3 летнего трансформационного спада. При этом, даже тот скромный уровень жизни российских граждан, который иллюстрирует схема 1, достигнутый после рецессии 90-х годов, является результатом роста мировых цен на нефть.

Схема 1.[15]

Международная позиция России по уровню жизни населения (душевой ВВП, долл., по ППС 2003г.)



Запасы интенсивно экспортируемых энергетических ресурсов по подсчетам экспертов British Petroleum [16] будут исчерпаны в течение ближайших 30-50 лет. Страна столкнется с угрозой снижения жизненного уровня населения, если государство не реализует стратегию постиндустриального развития, где определяющими факторами выступают информация, знания, человеческий капитал. Поэтому, одна из важнейших стратегических целей экономической и социальной политики определяется отечественными экономистами как повышение роли высококвалифицированного труда и его производительности в обеспечении устойчивого роста высокоэффективного производства[17].

Второй этап реформирования (1996–1998 гг.) – представлял собой попытку при помощи монетаристских инструментов добиться положительных результатов реформ, как-то смягчить социальную напряженность. Финансовый кризис 1998 г. Продемонстрировал несоответствие примитивно-монетаристских методов макрорегулирования ситуации в российской экономике. Как неоднократно отмечали российские экономисты, все драматические события августа 1998 г произошли не из-за отхода от либерально-монетаристской стратегии, а именно из-за упорного стремления правительства любыми средствами продолжить этот курс [18].

По мере выхода экономики России из кризиса 1998 г. наметились определенные тенденции к экономическому росту. Можно согласиться с позицией отечественных экономистов весьма осторожно оценивающих послекризисный экономический рост [19]. Причины, проявления и следствия кризиса остались реальностью всего постдефолтного периода.

Анализ причин фактического провала стратегии шока приводит к выводу, что для России реальной альтернативой являлась стратегия постепенного эволюционного развития, такая как программа «500 дней», в разработке которой принимали участие Г. Явлинский, М. Задорнов, С. Зверев, Дж. Сакс, С. Фишер, Э. Шервуд. Эта стратегия была нацелена на сохранение функционирования на основе рыночной системы единого экономического пространства СССР. Именно развал экономического пространства огромной страны на отдельные части означал кардинальное изменение задачи – нужна была уже не трансформация

системы, а создание абсолютно новой экономической реальности, начиная с формирования нового экономического пространства.

Программой «500 дней» предусматривалось в период 1991-1993гг. начать преобразования с построения юридических и экономических институтов системы через осуществление государством соответствующих функций. В 1992 предполагалось проведение малой приватизации, осуществление программы привлечения иностранных инвестиций, развитие рыночной инфраструктуры при сохранении государственного макроконтроля за экономикой. Приватизацию крупной госсобственности предполагалось проводить в 1994–1997 гг. [20].

Стратегии, альтернативные «шоковой терапии» предлагали и западные экономисты: Д. Котц, Т. Клейн, К. Эрроу, Л. Тейлор и др. Все они основывались на концепции постепенности преобразований при центральной роли правительства в процессе трансформации, что предполагало и его соответствующую ответственность за результаты реформ. «Создание в России сильной диверсифицированной экономики требует государственного руководства этим процессом» [21], – утверждал Д. Котц на основе анализа китайского опыта преобразований.

Отставание России от ведущих стран Запада, от новых индустриальных стран в 90-е годы стало принимать характер устойчивой тенденции. «Реформы не только не привели к модернизационному рывку, но и отбросили страну далеко назад в технологическом, структурном и экономическом отношении»[22]. В конце 90-х годов, оценивая результаты реформ, академик О. Богомолов указал на одну из важнейших причин их неудач и затяжного характера: «С одной стороны, государство выпустило из своих рук то, что должно было бы контролировать и направлять, но с другой – оно стало использовать власть для дележа общенародной собственности, кредитных и бюджетных денег «между своими», выколачивания налогов и в этой области его вмешательство перешло все … границы» [23].

Стремление к тотальному разгосударствлению экономики в России «для придания ей устойчивости и способности к саморазвитию» привело к обратному эффекту – крайней слабости и отсутствию источников экономического роста национальной экономики. Главная причина, на наш взгляд, заключается в том, что формально легитимная приватизация дала формальных собственников, по природе своей не способных выражать общенациональные экономические интересы, особенно в области воспроизводства материальных условий экономического роста. Соответственно, процессы формирования частного сектора экономики России представляли собой не приватизацию, а экспроприацию народной собственности небольшим числом субъектов, которые имели на текущий момент необходимые властные возможности. «Видимое отсутствие государственного регулирования казалось бы почти стихийного процесса было всего лишь прикрытием направляемого в интересах определенных кругов государственного вмешательства (и невмешательства, где это было выгодно «рулевым») в процессы массовой бесплатной приватизации» [24]. За годы реформ в результате бегства капитала из России его отток составил 200-300 млрд долла-

ров [25], по другим источникам только за первую половину 90-х годов общий объем вывезенных капитальных ресурсов составил 500-600 млрд долл.[26].

Опыт проведения реформ доказывает: в условиях социально-экономических трансформаций особенно остро проявляется коэволюционное противоречие между функциональным предназначением государства как института реализации общественных, общесистемных интересов и его функционированием как структуры, используемой чиновниками госаппарата в личных интересах.

Россия дважды на протяжении XX века пережила слом непрерывности развития государственных экономических функций. Но если в первом случае (1917 год) бюрократическая машина была сломана полностью и чиновничий аппарат лишен всех властных полномочий, что привело к формированию нового вида взаимодействия государства и экономики, то в начале 90-х гг. произошло лишь перемещение административных кадров при сохранении власти структурных звеньев системы, т. е. был сохранен механизм распоряжения общенародной собственностью социалистического типа государства при внедрении системы частной собственности**,** основанной на приоритете не общественных интересов, и даже не интересов системы, а личных интересов чиновников во властных структурах и кругах к ним примыкающих. Такой приоритет характерен для периода первоначального накопления капитала.

Закономерным результатом стало формирование российского олигархизма, т. е. такой ситуации в экономике страны, когда узкая группа лиц сконцентрировала в своих руках миллиардные состояния посредством манипуляций государственной экономической властью, прямым хищением и казнокрадством, и, при общем глубоком спаде экономики и росте нищеты населения, использует их паразитически, выводя из инвестиционного процесса реальный сектор национальной экономики. «Возникновение российских «олигархов» не было результатом закономерного процесса роста экономики и накопления национального богатства. Они унаследовали уже существовавшее имущество, … ударно демонтировавшейся плановой системы, тогда как Америка и Европа обрели своих финансово-промышленных магнатов в ходе общего подъема экономики. Там гигантские состояния накапливались при реальных личных вкладах их обладателей в развитие и организацию производства и бизнеса»[27]. Источники сверхдоходов российских олигархов: частное присвоение природной ренты, льготная налоговая и таможенная системы, «проедание» амортизационных отчислений, банковская спекуляция – все это негативно влияет на темпы и, главное, качество экономического роста.

Проявившийся феномен содержит специфическое для России противоречие. Ядром современного высокоэффективного рыночного хозяйства являются крупные корпорации, только взаимодействуя с ними, государство может обеспечить быстрый и высококачественный экономический рост. Но, во-первых, российские корпорации не способны к такой деятельности. Они стремятся сохранить источники своих сверхдоходов. Во-вторых, российские олигархические структуры нелегитимны, т. к. «законность приватизации чуть ли не любого крупного объекта может быть оспорена» [28]. «Невозможность до опреде-

ленного времени показать источники приобретенной собственности, в том числе уклонение от налогов, также имеет принципиальное значение. Подавляющее большинство российских групп и кампаний к этому пока не готовы»[29]. В частности западный капитал не идет в Россию не в последнюю очередь потому, что предприятия, находящиеся в руках «олигархов», приватизированы незаконно, что чревато для иностранных инвесторов непредсказуемыми убытками. Легитимизация этих состояний в обществе (причем, не только российском), возможна единственно посредством интенсивного их включения в воспроизводственный процесс российской экономики. Государству так или иначе предстоит решить эту задачу.

Давление политических факторов вынудило правительство к совмещению практически противоположных по своим целям и методам программ, ознаменовавшему второй этап реформирования, который протекал в период конца 90-х–2002 гг. Суть его заключалась в создании и укреплении институтов новой системы применительно к российской специфике, что нашло свое выражение в принятии Гражданского, Налогового, Бюджетного, Трудового и Земельного кодексов, пенсионного законодательства, снижение административных барьеров в предпринимательстве и т. д.

Начало третьего этапа реформ обозначено расстановкой новых приоритетов в государственных программных документах. Его содержанием должно стать осуществление социально-экономического прорыва к уровню высокоразвитых стран. Успех или неудача этого этапа зависят от государственной экономической политики. Поэтому отечественные экономисты ставят вопрос о скорейшей выработке соответствующей стратегии [30]. Отсутствие четко сформулированной цели и концепции развития в течение 90-х годов затрудняет ее разработку на современном этапе. На законодательном уровне в Конституции РФ произошла фиксация выработки стратегии как функции президента, а не правительства. Это значительно усложняло определение юридического статуса документов, разрабатываемых образованным только в конце 1999 – начале 2000 гг. Центром стратегического развития. Удалось создать Программу социально-экономического развития РФ лишь на среднесрочную перспективу (2001–2004 гг.) [31]. Она была утверждена 10 июля 2001 г.

Важнейшими долгосрочными целями программа определяла достижение устойчивого повышения уровня жизни населения, сокращения разрыва по уровню благосостояния с ПРС. Соответственно долгосрочными задачами, решение которых обеспечивает продвижение к достижению целей, были названы построение динамичной рыночной системы на основе модернизации экономики, создание стабильного и четкого законодательства, обеспечение снижения степени зависимости от мировой конъюнктуры, оптимизация хозяйственной и социальной роли государства.

В 2002 г. Правительством РФ была принята «Программа социально-экономического развития РФ на среднесрочную перспективу (2003–2005гг.)» [32]. В ней впервые за реформационный период в качестве стратегического направления было заявлено решение задачи повышения конкурентоспособности

научного сектора России как основы для диверсификации экономики, расширения технологичного экспорта.

Обозначенные приоритеты стали основой для разработки последующей Программы социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2006–2008 гг.) [33], которая была принята правительством РФ 19 января 2006 г. В качестве стратегических целей социально-экономического развития России «Программа…» называет «повышение благосостояния населения, уменьшение бедности на основе динамичного и устойчивого экономического роста; неуклонный рост конкурентоспособности человека, бизнеса и государственных институтов».

Вместе с тем российские экономисты высказывают серьезные опасения по поводу неизбежности провала намеченных задач при наличной тенденции к консервации имеющейся структуры экономики [34]. Кроме того, среднесрочное планирование вне четко разработанной стратегической концепции, без определения инструментов ее реализации не обеспечит устойчивого поступательного движения к общественно необходимым рубежам роста экономики [35].

Проводимые в рамках среднесрочных программ реформы не решают задач структурной перестройки экономики. Как следствие, диспропорции, связанные с ее однобоким развитием за счет энергосырьевого сектора сохраняются и усиливаются. В результате благоприятной конъюнктурной ситуации на мировом рынке в этот сектор направляются огромные финансово-денежные потоки притом что в бюджет России не поступает и сотой доли того, что могла бы приносить природная рента. В структуре доходной части бюджета страны, налоговая составляющая на 70 % формируется за счет прямых и косвенных вычетов из зарплаты россиян, тогда как сама зарплата составляет менее одной трети доходов общества. А две трети их связано как раз с реализацией природных ресурсов [36].

Выживание и прогресс социально-экономических систем развивающихся стран в условиях глобализации взаимосвязаны и возможны только на основе стратегии опережающего (прорывного) развития. Эта идея все в большей степени овладевает научным сообществом [37]. Наряду с тем, что конкретная технология прорыва специфична для каждой страны, можно выделить наличие общей схемы ее обязательных элементов: максимальный учет реалий прошлого национального социально-экономического развития, знание перспективных тенденций продвинутых систем, тщательный подбор «вживляемых» элементов будущих структур на основе совместимости с отставшей экономикой. Институт экономики Российской академии наук в 2004 г. разработал стратегию макроэкономического развития России до 2025 года – «Россия – 2025». Научный проект представляет собой продолжение предыдущего – «Россия–2015», опубликованного в 1999 г. Стратегия направлена на недопущение грозящего России тотального кризиса воспроизводства, который неизбежно отбросит ее в разряд третьесортных государств, сырьевого придатка «золотого миллиарда». Основная задача государства в проекте обозначена как создание условий для устойчивого позитивного развития экономики, социальной сферы, науки, культуры и т. д.

Стратегия «Россия–2025» включает в себя три этапа: I – 2004–2010 гг. заключается в преодолении кризиса воспроизводства на основе поддержки государством путем инвестиционной политики развития наукоемких отраслей экономики: авиастроения, судостроения, радиопромышленности, атомной энергетики и т.п. Развитие социальной сферы предполагается осуществлять на основе резкого повышения уровня заработной платы. Основное содержание этапа – последовательная координация структурных изменений, при которой невозможны высокие темпы роста. Предполагается выдерживать 4–6 % роста ВВП.

II этап – 2011–2015 гг. – нацелен на решение задач по широкомасштабному импортозамещению в сфере капитального имущества и инвестиционную экспансию России на мировом рынке. По завершению второго этапа рост ВВП достигнет 5–7 %.

III этап – 2016–2025 гг. – переход к действительной либерализации экономики и ослабление государственной поддержки, предполагающее сокращение государственных расходов в реальном секторе, поскольку человеческие и производственные ресурсы будут способны функционировать в соответствии с мировыми требованиями.

Российские экономисты практически едины в своем мнении о необходимости учитывать в стратегии и тактике трансформационного периода прошлый опыт экономического развития России. Разница в экономическом состоянии Запада и России, огромные территориальные, природно-климатические и ресурсные отличия не позволяют механически использовать современные рыночные инструменты и механизмы высокоразвитых стран [38].

Библиографический список

1 См.: Ясин Е. Г. Нерыночный сектор // Структурные реформы и экономический рост. М. 2003; Стратегический ответ России на вызовы нового века. М. ИЭ РАН.2004; Винслав Ю. Итоги и уроки российской экономики на рубеже столетий // Российский экономический журнал (РЭЖ). 2003. № 2.

2 Городецкий А. Об основах институциональной трансформации // Вопросы экономики. 2000. № 10. С. 122.

3 Итоги реформирования России и перспективы ее развития // РЭЖ. 2005. № 4. С. 6.

4 См.: Блинов Н., Городецкий А. Политика реформ и национальные интересы России// Теория и методология таможенного дела. М. РТА, 1996; Городецкий А. Исторические условия и векторы трансформационных процессов в России на рубеже XX-XX1 веков// Проблемы общественного развития. 1998. № 1. А. Городецкий. Об основах институциональной трансформации.

5 Котц Д. Альтернатива «шоковой терапии»: постепенный регулируемый переход к рыночной экономике // Вопросы экономики. 1992. №4–6. С. 136.

6 Гайдар Е. Новые задачи: выбор за нами // Вопросы экономики. 1994. № 9. С. 5, 8.

7 Реформы глазами американских и российских ученых / Под ред. О. Т. Богомолова. М., 1996. С. 38, 84.

8 Адамов В. Попытка освобождения цен: первые итоги и предвидимые последствия// РЭЖ. 1992. № 7. С. 3.

9 См.: Л. Абалкин. Роль государства в становлении и регулировании рыночной экономики // Вопросы экономики. 19997. № 6. С. 10.

10 И. Кац. Роль и задачи государственного регулирования экономики // Экономист. 1996. № 9. С. 75.
11 См.: Мессенгиссер М.. Проблемы организационных структур управления российским рынком // Вопросы экономики. № 6. С. 48.
12 Илларионов А. Бремя государства // Вопросы экономики. 1996. № 9. С. 4.
13 Грязнова А. Г. Роль экономической науки и образования в создании институциональных предпосылок долговременного подъема в России// Вестник Финансовой Академии. 2001. № 1. С. 7.
14 Российский статистический ежегодник. Госкомстат России. 2004.
15 Источник: CIA. The World Factbook 2004 (www.cia.gov / cia / publications / factbook).
16 См.: British Petroleum. Statistical Review of World Energy 2004 (www.bp.com)
17 Бачурин А. Экономическая и социальная политика государства по улучшению условий жизни // Экономист. 2003. С. 24.
18 См.: Илларионов А. Как был организован российский финансовый кризис// Вопросы экономики. 1998. №12; Строев Е. О. О новых ориентирах экономической политики // Вопросы экономики. 1998. № 5; Вековой поиск модели хозяйственного развития России: Материалы II научно-практической конференции, г. Волжский / Сост. О. В. Иншаков, Н. Н. Гузев. Волгоград. 2000.
19 Винслав Ю. Итоги и уроки народнохозяйственной динамики на рубеже двух столетий; Резников Л., Мелентьев А. Нынешняя реформа и НЭП: итоги и уроки аналитического сопоставления// РЭЖ. 2003. №3; Лисин В. Серегина С. Еще раз о характере и уроках постдефолтной макроэкономической динамики // РЭЖ. 2004. № 1.
20 Явлинский Г. Согласие на шанс. М. Центр экономико-политических исследований. 1991. С.5–21. 21 Котц. Д. Альтернатива «шоковой терапии». С. 136.
22 А. Городецкий. Об основах институциональной трансформации. С. 125.
23 Государство и рыночная экономика // Вопросы экономики. 1997. № 6. С.156.
24 См.: В.Бирюков, Е, Кузнецова. Госсобственность и госсектор в рыночной экономике // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 12. С.57;
25 Богомолов О. Т. «Олигархизм» специфический феномен постсоветской трансформации российской экономики // Российский экономический журнал. 2004. № 2.С. 6
26 Авдокушкин Е.Ф. Международные экономические отношения. М.: Юристъ. 1999. С. 120.
[1]Богомолов О. Т. «Олигархизм» специфический феномен постсоветской трансформации российской экономики. С. 4.
27 Там же.
28 В. Куликов. Российская приватизация в шестилетней ретроспективе// Российский экономический журнал. 1998. №1. С. 11.
29 А. Радыгин. Россия в 2000-2004 годах: на пути к государственному капитализму?// Вопросы экономики. 2004. №4. С..51.
30 См.: В. Мау. Экономическая политика в 2004 году: поиск модели консолидации роста // Вопросы экономики. 2005. №1. С.7.
31 См.: www.government.ru Официальный сайт правительства РФ.
32 Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 34. С. 8334–8371.
33 Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. №5. С. 2047-2157.
34 Ясин Е. Г. Нерыночный сектор. С.11.
35 С. Ю. Глазьев. Очередной «Клон» правительственных рыночных фундаменталистов// РЭЖ. 2005. № С. 5.
36 Львов Д. А. Мы – рабы государства // Аргументы и факты. 2004. № 47. С. 6.
37 См.: Закономерности и перспективы трансформации общества. Материалы к V Международной Кондратьевской конференции. Т. 2. СПб. ГУЭиФ.2004; Кузык Б. Н., Яковец Ю. В. Россия 2050. Стратегия инновационного прорыва. М. «Экономика».2004; Итоги реформирования России и перспективы ее развития. X Российский экономический форум. 20-21 мая 2005 г. // РЭЖ.. 2005. № 4. С. 3.

38 Андрюшин С. Проблемы эволюционной экономики (по материалам международного симпозиума) // Вопросы экономики. 1997. № 3. С. 153; Кушлин И. Движущие силы эволюции национальной экономики // Экономист 2003. № 8.С. 5; Абалкин Л. По западным рецептам нашу экономику не вылечить// Парламентская газета. 2001. 10 января.

Л. И. Найденова, А. В. Рева
Пензенский государственный университет

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СВЯЗЕЙ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ В ПРЕДВЫБОРНОЙ СИТУАЦИИ

Реализация связей с общественностью (т. е. диалог и взаимодействие институтов власти с обществом) происходит в двух основных практических направлениях:

1. «Неформальное» (чаще бывает временным, но имеет большую вероятность появления, с ростом интенсивности появления новых политических структур). Проявляется, например, в предвыборных ситуациях и в ситуациях, связанных с ростом социальной напряженности, т. е. с усилением интенсивности социального взаимодействия. В этих взаимодействиях в основном участвуют индивиды, социальные группы, общности, их представители с нижними статусами в социально- политическом подпространстве социума. Это – основная масса избирателей; лица, не имеющие партийной принадлежности, обычно не участвующие в руководстве и даже в активной деятельности политических партий, движений.

2. «Формальное», которое проявляется в деятельности отделов связей с общественностью, где от имени общественности выступают различные общественные организации, политические объединения, движения. Их представители по своим статусам относятся ближе к верхнему концу шкалы с высокими рангами в обществе. Их взаимодействие регулируется законодательными нормами, правилами, выполняющими роль кодексов, а для выполнения своих обязанностей нужны материальные и культурные черты.

Региональные условия и факторы создают такие черты, признаки, возможности, которые придают связям с общественностью характер конкретных направлений взаимодействий власти (органов власти в регионе) со своим региональным социумом как со средой.

Для анализа таких особенностей следует исходить из использованных ранее методологических предпосылок, не забывая о том, что социальное взаимодействие происходит еще и социально-информационном пространстве, которое «окружает» и экономическое, и политическое, и профессиональное подпространства в обществе.

С этой позиции надо проанализировать «неформальное» взаимодействие в форме предвыборной ситуации, выделив следующие элементы для анализа:

1. Субъекты (носители) передатчики и объекты (получатели) информации, приводящей к взаимодействию (результатом которого должно быть решение избирателей об участии в выборах, а для кандидатов – факт выбора).

2. Содержание передаваемой информации.
3. Каналы передачи информации.
4. Воздействие прямой передачи информации (от субъекта – к объекту).
5. Наличие и проявление обратной связи.

Можно выделить общие условия, необходимые для функционирования служб связей с общественностью в системе массовых коммуникаций. К ним относятся следующие:

– широкое использование технических средств, обеспечивающих регулярность и тиражированность необходимой информации;

– социальная значимость информации, способствующая повышению мотивированности целевой аудитории;

– массовая аудитория, которая, учитывая ее рассредоточенность и анонимность, требует тщательно продуманной ценностной ориентации;

– многоканальностъ и возможность выбора коммуникативных средств, обеспечивающие вариативность и вместе с тем нормативность массовой коммуникации.

В массовых коммуникациях и связях с общественностью одни владельцы: субъекты, имеющие власть и деньги. ПР-структуры – это особые подразделения в «армии» коммуникаторов массовых коммуникаций.

Социальная коммуникация побуждает к определенному социальному действию. Понятием «социальное действие», введенным в социологию, М. Вебер обозначал действия индивида, направленного на разрешение жизненных проблем и противоречий и сознательно ориентированного на ожидания и ответную реакцию других людей. М. Вебер считал, что все социальные, явления складываются из различных сочетаний индивидуальных действии [1. С. 136]. Поэтому понимание смысла и значение человеческих действий (в нашем случае – избирателя) есть исходная предпосылка социологического исследования.

Понятие «действие социальное» играет основную роль и в социологической концепции немецкого социолога Н. Лумана – ведущего представителя системного и функционального подхода в социологии. Он обращает внимание на то, что в современном обществе проходят процессы по дальнейшему «самопроизводству автономизировавшихся социальных систем» – «политики», «хозяйства», «науки», «религии, «права». Их элементы соотнесены исключительно друг с другом («самореференция»), что делает их непрозрачными друг для друга и осложняет взаимосогласование и совместное оперирование («взаимопроникновение») [2. С. 165]. Теоретические выводы Н. Лумана помогают понять причины обособленности «политики» (в нашем исследовании избирательной кампании) от других социальных систем – науки, религии, права, хозяйства).

Французский социолог П. Бурдье, разделяя точку зрения Н. Лумана, теоретически объясняет причину специально организуемых избирательных компаний и роль в них пиаровской деятельности. Речь идет о так называемом «символическом насилии» как необходимой функции власти. С помощью «символического насилия» производится трансформация восприятия, «кристаллизация» отношений «господство – подчинение». Легитимность власти предполагает «незнание», бессознательное принятие людьми господствующих ценностей и

установок. П. Бурдье считал, что «незнание» есть искаженное, неполное, мистифицированное знание. Символическая власть возникает и функционирует при соучастии угнетенных ею людей, т. к. они признают ее легитимный характер [3. с.169]. «Помочь» людям признать легитимность власти и призваны избирательные компании, и деятельность в них ПР-служб.

В процессе мощно и научно продуманного воздействия на электорат со стороны средств массовой информации и ПР-служб происходит переход с личностного восприятия к осознанию и затем – к действию, к поведению. Восприятие индивидуумами ведется на своем уровне (но с участием их социальных характеристик – статуса, опыта, квалификации), а поведение, действие осуществляется на общественном уровне, в виде социальных отношений, важных для общества.

Теоретические положения Н. Лумана, П. Бурдье могут быть методологическими предпосылками понимания роли и предназначения социального института связей с общественностью в системе социального взаимодействия двух сторон: власти и населения. Эта роль – грамотного и зачастую невидимого для общественности посредника между властью и людьми, стремящихся к власти и избирателями, выполняют так называемые политтехнологи, – службы ПР.

С целью исследования настроений жителей г. Пензы в предвыборной ситуации 1999г. Пензенский областной центр изучения общественного мнения провел изучение общественного мнения методом анкетного опроса. По случайной бесповторной выборке опрошено 519 человек.

Несмотря на то, что социальное настроение респондентов противоречиво и недоверчиво, тем не менее обнаруживается тенденция относительной его устойчивости и отсутствия резкой пульсации среди различных групп респондентов.

Полученные данные свидетельствуют о том, что социальное настроение характеризуется наличием четырех тенденций: положительная тенденция – 53,1%, тенденция противоречивая и изменчивая – 32,5 % и пессимистичная тенденция, приводящая к срывам и депрессии – 9,2 %. Затруднились дать ответ 5,2 % респондентов (неопределенная тенденция).

Становясь все более равнодушными к появлению различных политических движений, люди все больше соглашаются между собой по поводу того, что преодолеть кризис можно только в том случае, если на всех уровнях власти за управление возьмутся ответственные компетентные и честные люди.

Респондентам предлагалось высказывать свое суждение по поводу следующего высказывания: «Преодолеть кризис в нашем обществе можно только в том случае, если за дело государственного управления на всех уровнях возьмутся ответственные, компетентные и честные люди. Согласны ли вы с этим мнением?». Результаты ответов приведены в таблице 1.

Таблица 1.

Согласен полностью	64 %
Скорее согласен, чем не согласен	20 %

Скорее не согласен, чем согласен	5,4 %
Совсем не согласен	1,9 %
Затрудняюсь ответить	8,7 %

Представление об ответственной и компетентной власти у большинства наших респондентов выражено через их политические симпатии по отношению как к конкретным политическим лидерам так и к политическим объединениям. Руководствуясь желаниями видеть (иметь) во главе области компетентного, сильного, волевого руководителя, жители г. Пензы в лице наших респондентов в большинстве своем проголосовали на губернаторских выборах в апреле 1998г.: за В.К. Бочкарева – 51 %, за А.С. Калашникова – 9,6 %, за А.Ф. Ковлягина – 9,4 %, за Ю.В. Лыжина – 12 %. Ни за одного из кандидатов не проголосовали 17,3 % респондентов.

Данные социологического опроса не выявили сильных политических симпатий респондентов по отношению к представителям «левой» или «правой» политической силы. «Маятник» электоральных симпатий занимал центристскую позицию, ориентированную на политическую позицию губернатора области В. К. Бочкарева. Действительно, жители г. Пензы в 2002 г. на выборах Губернатора области поддержали В. К. Бочкарева. Политическое настроение людей поддерживает тех, кто не только обещает, но и наводит порядок, обеспечивает социальную защиту, достойный уровень жизни. Концепция «малых дел», реализуемая в губернаторских программах «Дороги», «Газ», «Молоко», «Мясо», «Сахар» и др. послужила для жителей г. Пензы и области ориентиром их гражданского поведения и заменила отсутствующую государственную идеологию. Определенность политических устремлений губернатора делает их понятными и привлекательными для людей.

К настоящему периоду все более явственно проявляются различия выборов разного уровня. Выборы в разных регионах сильно отличаются между собой и от федеральных выборов по способам формирования предпочтений избирателей, а значит, и по ресурсам и методам ведения избирательных кампаний. А поскольку любая федеральная избирательная кампания ведется через кампании в регионах, региональные электоральные особенности, безусловно, оказывают влияние и на результаты федеральных выборов.

Выборы последних лет отличаются наличием таких «болевых точек» кампаний, как административный ресурс. Депутаты Государственной Думы активно работали над внесением изменений и дополнений в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», на котором базируется законодательство по выборным процессам в нашей стране. Сам Закон и дополнения и изменения к нему должны устранить преимущества действующих губернаторов, баллотирующихся на второй срок.

Российские особенности современных избирательных кампаний в полной мере нашли свое отражение в соответствующем применении ПР-технологий

при проведении избирательной кампании, например, по выборам Губернатора в Пензенской области в 2002 году.

Большая часть из них, так или иначе, связана с прессой. Автором были проанализированы за январь-март 2002 г. областные газеты «Пензенская правда», «Пензенские вести», «Мир людей», ряд федеральных изданий, имеющих региональные вкладные страницы («Комсомольская правда», «Московский комсомолец», «Аргументы и факты») и др. Американский социолог Р. Мертон выделил 6 типов контент-анализа в зависимости от целей исследования и его объекта [3. с.366]. Чаще других используется первый тип, основанный на подсчет символов ключевых слов текста. В рамках такого анализа можно получить информацию, касающуюся не только каналов массовой информации, но и социальных явлений и процессов. Дополнением к этому послужили элементы анализа отношений, позиций коммуникатора по какому-либо явлению. Фиксируется положительное, отрицательное, нейтральное отношение. Подлинное отношение коммуникатора оценивается чаще всего с помощью оценки позиции всего материала. Определяется тональность сообщения, т.е. целевая установка текста [3. С. 367, 368].

В качестве смысловых единиц (категорий анализа) обычно выбираются направления анализа текста, теоретические конструкты (или эмпирические обобщения), задаваемые исследовательскими задачами. Единицами счета служат элементы текста, выступающие индикаторами смысловой единицы (это – отдельные слова и более сложные элементы текста, в том числе суждения и тема) [3. С. 361].

На этом основании был создан классификатор, в котором смысловым единицам анализа соответствует их эмпирические «аналоги», (таблица 2).

Таблица 2

Обобщенные группы характеристик: смысловые единицы анализа	**Индикаторы характеристик в тексте (единицы счета)**
1. Социально-экономическая ситуация в регионе	Уровень доходов, задолженность по зарплате, выплата пенсий и пособий
2. Выражение интересов основной части населения региона и многих социальных групп в региональном социуме	Защита, забота, зарплата
3.Отношение к кандидату, рекомендуемая оценка его деятельности	Доверие (недоверие), благодарность, одобрение, осуждение

Такой анализ текстов сообщений в печатных СМИ (в пределах Пензенской области) в 2002 г. позволил выделить модальности сообщения:

1) стремление разоблачить политического конкурента в предвыборной ситуации;

2) стремление привлечь на свою сторону больше избирателей в предвыборной кампании.

Более обобщенно эти две модальности можно обозначить условно как «запрет» («осуждение») и «разрешение» («одобрение») по отношению к тому или иному политическому конкуренту. Средства, используемые для привлечения избирателей на свою сторону и для разоблачения политического конкурента можно разделить на три условных группы:

1) социально-политические (встречи и диалоги с представителями общественных, религиозных организаций, отчеты о деятельности с целью улучшения материального обеспечения жителей региона, социально-экономического развития;

2) социально-психологические, формирующие отношение к человеку как к личности и к политику-профессионалу (описание личностных и профессиональных качеств; воспоминание и оценка со стороны лиц, вступавших в социальные отношения с кандидатами);

3) индивидуально-психологические, действие которых происходит через бессознательную сферу человеческой психики (использование различной символики, сокращений, прозвищ, которые имеют значение только в языке и традициях данного социума).

Довольно эффективным методом исследования является информативно-целевой анализ, который позволяет оценить успешность коммуникации. Информативность текста может рассматриваться с двух позиций:

1) как способность текста довести замысел, основные коммуникативные направления автора до получателя информации;

2) как способность быть источником каких либо сведений [4, С. 274].

Информированность текстов (фрагментов сообщений в печатных СМИ, рекламных буклетов, листовок с лозунгами), по мнению автора, можно понимать как смысловое содержание процесса социальной коммуникации (в данном случае это вид социального взаимодействия кандидатов в депутаты Городской Думы и избирателей – представителей регионального социума). Это содержание выражается в словесной форме и несет информационную нагрузку. Можно сказать, что информативность текста выражает интенсивность и объем взаимодействий в социально-информационном пространстве. Следует заметить, что в этом пространстве существует своя иерархия статусов: от получателей до передатчиков производителей информации. Причем если производители и передатчики информации могут быть только представителями довольно высоких статусов в других социальных подпространствах (надо иметь определенный капитал, власть, необходимое образование, чтобы с разрешения властных структур осуществлять связи с общественностью), то получатели информации могут иметь другие статусы, не требующие наличия капитала или отношения к власти.

Методика анализа текста требует выделять смысловые блоки, задействованные в передаче коммуникативного намерения автора, состоящие из следующих основных элементов текста:

1. Основные тезисы – аргументы (опорные для подкрепления цели сообщения);

2. Развертывание тезиса (комментарий к тезису);

3. Описание или анализ проблемной ситуации, из которой вытекает основной тезис [4. С.275].

Таким образом, был проведен информативно-целевой анализ текстов, использованных в ходе предвыборной кампании, перед выборами депутатов в городскую думу г. Пензы (ноябрь–декабрь 2004 г.). Информативно-целевой анализ выявляет содержательно-смысловую структуру текста и соотносит ее с замыслом обещания, что позволяет в итоге оценить успешность коммуникации. В процессе информативно-целевого анализа надо было выделить: основные тезисы-аргументы; разъяснение тезиса; описание или анализ проблемной ситуации, из которой вытекает основной тезис [4. С. 275]. В качестве тезисов для исследования были выбраны: материалы газета «Наша Пенза» (ноябрь–декабрь 2004 года), буклеты, листовки, малотиражные листки, многотиражные информационные периодические бюллетени, где содержались сведения о кандидатах в депутаты, интервью с ними, их выступления в печати, отражающие их позиции, взгляды на деятельность депутата и на решение городских проблем, принципы и установки, собственные программы и программы политических партий, к которым они относились («Единая Россия», ЛДПР).

Текстом для анализа также послужили опубликованные представления кандидатов в депутаты на страницах газеты «Наша Пенза», где каждому кандидату отводилась 1/12 часть газетной страницы. При анализе последнего текста были отобраны материалы только тех кандидатов, которые на прошедших в декабре 2004 года выборах набрали наибольшее число голосов избирателей в своих округах.

В качестве критерия успешности коммуникации был выбран факт набора наибольшего числа голосов, т. е. победа на выборах в своем округе. Это позволяет исследовать влияние средств коммуникации на ее успешность, и позволяет выделить группы избирателей по их социальным предпочтениям, влияющим на успешность социальной коммуникации. Схемы информативно-целевого анализа даны в таблице 3.

Таблица 3

Название текста, определение цели сообщения, его замысла	**Выделение основных элементов общего содержания**	**Разъяснение к элементам 1-го уровня**	**Описание, анализ или оценка проблемы, вызвавший тезис-аргумент**
фрагмент			
«Голосуй за того, кто живет рядом» (листовка)	Содержание направлений деятельности в слу-	Типы основных утверждений (тезисов):	Даны положительные характеристики

Представление кандидата в депутаты городской Думы	чае избрания депутатом	1. Семейные ценности выше политики; 2. Молодежи тоже надо идти на выборы.	кандидата. Содержание программы представляет интересы почти всех жителей своего округа.

Из 154 кандидатов в депутаты городской Думы победили 34 кандидата. В результате изучения их предвыборной деятельности с привлечением СМИ можно сделать следующие выводы о факторах, способствующих их победе на выборах. К этим факторам можно отнести следующее:

1. Накопленный опыт работы в определенной сфере деятельности, связанной с решением городских проблем (строительство, благоустройство) и проблем жителей города как представителей разных социальных групп общества (социальная защита). Многие из представленных кандидатов имели давний стаж депутатской деятельности и в прессе отчитывались о том, какие проблемы удалось решить при их активном участии, кто к ним обращались, кому из жителей района, округа они помогли.

2. В предвыборных программах, лозунгах, обращениях к избирателям были широко представлены интересы самых разных социальных групп общества: предпринимателей, учащихся, пенсионеров и т. д.

3. Важное значение имело провозглашение принципов, совпадающих с известными моральными и институциональными нормами, правилами, стандартами поведения (справедливость, забота, достойное внимание), а также провозглашение целей, совпадающих с социальными потребностями (социальная поддержка, помощь в трудоустройстве, благоустройство территории проживания). Именно это было характерно для депутатов – представителей от партии «Единая Россия»).

4. Избиратели предпочитали голосовать за тех кандидатов, кто были известны как правозащитники и в течение долгого периода времени (последние 5-6 лет) имели такой созданный имидж правозащитника, регулярно встречались с избирателями, призывали их к защите своих интересов (В. А. Бычков).

5. Важным фактором победы на выборах послужило и умение выразить интересы тех слоев общества, что входят в наиболее многочисленную его часть. Это, прежде всего, лозунг «Льготы – да!», который выдвинули противники «Единой России» (второй частью их лозунга было: «Единой России» – нет!»).

Анализ текстов и сопоставление с результатами выборов позволяет сделать вывод о том, что избиратели тоже имеют определенную структуру, и что можно выделить типы избирателей по таким признакам, как важность целей, установки в поведении, жизненные принципы и взгляды, с одной стороны, а также социальный статус избирателей и его характеристики (род деятельности, доход, отношение к собственности и к власти), с другой. Для них существует

большое различие в том, какие элементы коммуникации, какие средства оказывают влияние на их выбор.

1. Избиратели, для которых важнее всего имидж кандидата, созданный в ходе предвыборной кампании. Таким имиджем может быть: «хороший человек», «умеет разоблачать», «говорит, что будет защищать». По аналогии с классификацией М. Вебера, можно назвать победивших таким образом кандидатов «харизматическими личностями» – все качества им добавит воображение избирателей.

2. Избиратели, которые на опыте, в жизни познакомились с кандидатами, участвовавшими в решении их проблем. Эти избиратели руководствуются своим опытом успешной коммуникации.

3. Избиратели, чье мнение по ряду вопросов совпадает с целями и установками предвыборных программ кандидатов. Поддерживая своих кандидатов, они таким способом реализуют и свое несбывшееся участие в предвыборной борьбе. Сами они в ней никогда не участвовали, и участвовать не будут, но имеют сформированные политические принципы и убеждения.

Как видно, информативно-целевой анализ позволяет более пристально проанализировать политическое избирательное поле, определить позиции «агентов», действующих в нем.

Анализ содержания избирательных программ кандидатов в депутаты, с помощью которых ведется «борьба» за голоса избирателей, показал, что они имеют довольно узкую социально-политическую направленность, ограничиваясь, как правило, небольшим перечнем бытовых проблем. Программы, лозунги, выступления не выходят на уровень решения региональных и, тем более, федерального уровня задач, связанных, например, с социально-экономическим развитием страны, города, становлением гражданского общества.

Прошедшие выборы 2003-2004 годов показали, что проблем в избирательном процессе осталось немало.

На наш взгляд, базовый комплект федеральных избирательных законов обошел стороной целый ряд проблем, постоянно возникающих в ходе проведения выборов в России. Среди них назовем две.

1. Проблема абсентеизма (неявки избирателей, особенно молодежи). Задача повышения электоральной активности молодежи не может быть решена одними «белыми» ПР-акциями в период избирательных кампаний. Требуется серьезная государственная программа по политизации юных граждан.

2. Едва ли в ближайшее время активность избирателей повысится, а механизм избрания начнет работать лучше. Потребуются большие усилия и многоплановая работа по утверждению подлинно демократических выборов.

Определяющую роль в этом процессе должен сыграть профессионально работающий институт связей с общественностью, деятельность которого должна быть ограничена определенными нормами и правилами соответствующего Закона.

Библиографический список

1. Вебер М. Избранные произведения. М.: Юрист, 1994.
2. Современная западная социология: Словарь. М.: Политиздат, 1990.
3. Готлиб А. С. Введение в социологическое исследование. Самара: Изд-во СамГУ, 2002.
4. Божук С. Г., Ковалик Л. Н. Маркетинговые исследования. СПб: Питер принт, 2004.

В. В. Волков
Военно-морской инженерный институт
(Санкт-Петербург)

РАЗВИТИЕ ГОРОДСКОГО СОСЛОВИЯ В ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИИ

Многие проблемы становления современного среднего класса России целесообразно рассматривать сквозь призму исторического анализа тенденций превращения городского сословия императорской России в средние слои буржуазного общества.

На протяжении XVIII – XIX веков развитие городского сословия, носившего название посадских, граждан, купцов, городских обывателей, приобрело длительный и противоречивый характер.

Важная роль в этом процессе поначалу принадлежала Уложению 1649 г. Оно установило городские границы, более четко обособило посадских от других категорий городского и сельского населения, наследственно прикрепило их к городской общине, очертило круг их государственных служб, обязало платить налоги и нести разные натуральные повинности, монополизировало за ними торгово-промышленную деятельность в черте города, санкционировало их объединение в самоуправляющиеся городские общины, связав всех членов круговой порукой. Таким образом, уже в середине XVII в. посадские приобрели важнейшие признаки сословия: наследственность социального статуса, самоуправляющуюся корпоративную организацию, сословный менталитет и право участвовать в представительном учреждении [1]. Эти признаки в XVIII в. получили свое окончательное, завершающее развитие. Законодательство Петра I усилило корпоративные организации посадских и учредило для них специальный суд. После смерти Петра I сословный суд был отменен, а самоуправление городских обывателей было стеснено коронной администрацией. Но оно возродилось с еще большей силой после реализации Грамоты на права и выгоды городам Российской империи. Грамота закрепила за городскими обывателями исключительное право на занятие торговлей и промышленностью в черте города, усилила их корпоративные права, присвоило право сословного самоуправления через городскую думу и городского голову, передала в собственность общин городские земли, а в собственность отдельных лиц – торгово-промышленные заведения, вела сословные суды и освободила от выполнения тягостных казенных служб. Каждый город получил свой герб. Купечество было освобождено от прямого налога (подушной подати), вместо которого оно стало платить особый процент с объявленного капитала, и получило привилегию откупаться деньгами от рекрутской повинности. Грамота защитила имущество, честь и достоинство городских обывателей: только суд мог лишить их дарованных им прав. Город-

ское сословие не имело только одного признака настоящего сословия — не участвовало в представительном учреждении.

Таким образом, к концу XVIII – началу XIX в. городское сословие окончательно сформировалось. При этом социальный статус и права городских обывателей сделали их основным элементом зарождающейся буржуазии. Однако на тот момент городские слои вместе с духовенством ни численно (обитатели городов составляли менее 3–5% населения, духовенство – 1%), ни по своему влиянию не были особенно важными. Констатируя этот факт, М. Д. Карпович писал: «Относительная слабость средних классов оставалась одной из важнейших черт русской социальной организации до самого конца имперского режима; она была, конечно же, еще более четко выражена в начале XIX века. Городская жизнь была слабо развита, и не существовало сильной и влиятельной буржуазии западноевропейского типа. По закону высшая категория купцов имела те же привилегии, что и дворянство; подобно дворянам, они не подвергались личному налогообложению, принудительной военной службе и телесным наказаниям. Тем не менее их социальный статус был ниже. В качестве класса они не обладали голосом в правительственных вопросах. Они не играли важной роли в культурной жизни страны и не принадлежали к “обществу”» [2]. Как указывают Н. А. Иванова и В. П. Желтова, идея Екатерины II выделить торгово-промышленное городское население в единую категорию «среднего рода людей» оказалась реализованной лишь формально. В действительности в городе сложились и продолжали существовать до 1917 г. сословия двух типов: привилегированные (почетные граждане и купцы) и податные (мещане и ремесленники) [3].

Общая тенденция в изменении структуры городских обывателей состояла в уменьшении доли привилегированной части (с 27 % в 1724 г. до 2 % в 1897 г.) и росте доли непривилегированной части (с 72 % до 95%, соответственно) при существенном увеличении имущественного расслоения (с 0,763 в 1811 г. до 0,778 в 1858–1861 гг. и до 0,911 в 1883–1894 гг. по коэффициенту Джини) [4], что, с одной стороны, говорило о повышении материального благополучия верхней страты городского сословия, составляющей основу класса буржуазии, а, с другой, — о торможении формирования средней прослойки городских обывателей, которая составляла в 1907 г. приблизительно 5,5 % от всего населения [5].

В немалой степени данная тенденция объяснялась тем, что мещанство, составлявшее основу городского сословия, на протяжении всего XIX века представляло собой слой с довольно низким жизненным уровнем, не позволявшим его основной массе накопить необходимый капитал для открытия торгового или иного заведения. Например, в 1838 г. в Казани было купцов 617 ревизских душ, мещан – 4958, торгующих по свидетельствам крестьян – 40. Соответственно число принадлежавших им лавок было 617, 131 и 6. Такое соотношение было характерно и для других городов России отмеченного периода [6]. Всего в 1905 г., по данным о недвижимых владения в городах, получателей дохода более 1 тыс. руб. в год и от капиталов, и от недвижимых имуществ насчитывалось

113099 человек, что составляло менее 1/3 самодеятельных лиц, живущих такими доходами [7].

В течение первой половины XIX в. сословные права городских обывателей укреплялись и были вторично юридически подтверждены в Своде законов Российской империи 1832 г. Однако при этом по состоянию городских обывателей был нанесен политический и экономический удар.

Городская реформа 1870 г. означала серьезное наступление на общинные отношения в середе городского сословия. Во-первых, она создала всесословное общество горожан ценой лишения 95% городского населения избирательных прав вследствие имущественного ценза. Во-вторых, реформа разделила государственные (податные, полицейские, судебные) и общественные функции органов местного управления, передав последние городским думам, ввиду чего те больше не считали себя слугами государевыми и нередко конфликтовали с коронной администрацией. В-третьих, Городовое положение 1870 г., внеся имущественно-цензовый принцип в деятельность городских общественных корпораций, отняла у горожан политический смысл поддерживать свои сословно-профессиональные общества. В-четвертых, после Великих реформ с потерей сословного самоуправления и монополии на профессию, с отменой подушной подати и круговой поруки у мещанства, составляющего около 90 % городских обывателей, с заменой сословного суда всесословным, а рекрутской повинности – всесословной обязанностью, наблюдался упадок городских общин и со временем принадлежность к городскому сословию все более превращалась в формальность. Не случайно, с 1870 г. городские обывательские книги, документировавшие принадлежность к городскому сословию перестали вестись [8]. Мещанские и ремесленные общества в значительной мере утратили административную, дисциплинарную и финансовые функции. Это привело к тому, что корпоративное крепостное право этих обществ на своих членов было утрачено [9].

Городовое положение 1870 г. в экономическом и социальном отношениях сильно ударило по мещанам – земледельцам, чьи общества, распоряжавшиеся землей до реформы, потеряли на нее права и не получили никакой компенсации.

Во второй четверти XIX в. городское сословие окончательно потеряло монополию на торгово-промышленную деятельность в черте города: теперь любой человек мог заниматься торговлей и промышленностью всюду при условии приобретения промыслового свидетельства. В результате доля торговцев из крестьян и дворян возросла с 7 % и 0,4 % в 1830–1834 гг. до 14 % и 0,6 % в 1850–1854 гг. соответственно [10]. На основании этого Б. Н. Миронов делает вывод о том, что утрата монополии на торгово-промышленные занятия вела к превращению городских обывателей в классы предпринимателей, ремесленников и рабочих. На наш взгляд, эта дифференциация началась гораздо раньше и не особенно зависела от юридической стороны вопроса, ведь 92% держателей промысловых свидетельств в 1830 г. были купцами и, следовательно, торгово-промышленную деятельность монополизировали именно они, а не все городские обыватели. О сформированности классового самосознания купечества

свидетельствовала длительная и успешная борьба против крестьянства и дворян за адекватное обложение крестьянской торговли и промышленности налогами [11]. На это указывала и дружная борьба с коронной администрацией во второй четверти XIX в. за сохранение своего сословного самоуправления и суда, когда из 671 городских поселений Европейской России лишь городские обыватели 86 городов и посадов согласились объединить свой сословный суд (магистраты и ратуши) с уездными дворянскими судами, остальные решительно отвергли эту меру [12].

В XVIII веке зарождение русской буржуазии происходило в тесной связи с сословной политикой государственной власти. Самодержавие, испытывая усиливающийся натиск капиталистической Европы, – как указывала М.П. Павлова-Сильванская, — «вынуждено было форсировать промышленное развитие страны и тем самым способствовать усилению элементов, которые позднее консолидируются в класс буржуа» [13]. Однако, становление капитализма в России происходило не прямо, а через регрессию капитала и образование «тупиковых форм» [14]. Одной из таких форм стала крепостная мануфактура.

На первом этапе промышленность создавалась на казенные средства. Затем была предпринята попытка вовлечь частный купеческий капитал в производство принудительными методами. Потерпев неудачу, правительство встало на путь предоставления мануфактуристам разнообразных привилегий, экономическая сущность которых состояла в стремлении повысить промышленную прибыль до уровня торговой [15].

Самой существенной привилегией фабрикантов и заводчиков стало их право распоряжения подневольными работными людьми, которое они получили по указам 1721 и 1736 гг. [16] Эти решения были тесно увязаны со сложившейся экономической конъюнктурой, интересами предпринимателей и государства.

Во-первых, владельцы мануфактур предпочитали подневольный труд наемному, потому что он был более производительным и легко закреплял за ними квалифицированных мастеров. Это подтверждают результаты хозяйственной деятельности. Например, крупные шелкоткацкие мануфактуры, хорошо обеспеченные принудительной рабочей силой, быстрее организовывали широкое производство, легче получали льготные финансовые субсидии и, в результате, завоевывали монопольное положение на рынке. Остальные же фабрики, принадлежавшие в основном небогатым купцам 2 и 3 гильдий, которые использовали исключительно вольнонаемный труд, стабильностью не отличались. Как правило, они существовали не более 3–5 лет, не выдерживая конкуренции с более сильными соперниками, поскольку испытывали постоянный недостаток в средствах, необходимых на расширение и совершенствование производства, наем квалифицированный мастеров [17]. В связи с этим требование покупки и приписки государственных крестьян к мануфактурам стало лейтмотивом обращений промышленников к органам власти на всем протяжении XVIII в. [18].

Во-вторых, определенное влияние на утверждение крепостной мануфактуры оказали внешнеэкономические обстоятельства. Н.И. Павленко пришел к

выводу, что растущий экспорт русского железа на рынки Англии и Голландии вызвал разрыв между рынком труда и темпами развития промышленности. На уральских заводах это противоречие разрешалось путем приписки крестьян и использования других форм принудительного труда. В результате, в Уральском металлургическом районе почти полностью исчезло черное крестьянство [19].

Подводя итог хозяйственной деятельности правительства, Н.И. Павленко отмечал, что «если в XVII в. показателем богатства государства считалась степень развития торговли, то в первой половине XVIII в. таким же критерием стал уровень развития промышленности» [20]. Об этом недвусмысленно говорят многие правительственные документы той поры: например, жалованная грамота Шафирову и Толстому от 1717 г. или указ 1734 г. Однако надо прямо сказать, что на самом деле «пробуржуазная» политика абсолютизма являлась его побочным продуктом, подчиненным интересам государства и дворянства. Все меры, способствовавшие развитию промышленности (финансовое покровительство крупным мануфактуровладельцам, протекционистские тарифы, отмена внутренних таможен, свобода промыслов, секуляризация церковных земель и т.д.), осуществлялись только тогда, когда в них было заинтересовано государство. Но и в этом случае принимались такие решения, которые не ущемляли коренных интересов дворянского сословия [21].

Данный подход был ярко продемонстрирован в 1760-е годы, когда в угоду дворянству, ранее не проявлявшему интереса к промышленной деятельности, а теперь энергично занимавшемуся предпринимательством, купцы были лишены важных промышленных привилегий: по Сенатскому указу 1762 г. отменено право покупки крестьян к мануфактурам и приписки к заводам; по именному указу 1762 г. ликвидированы купеческие промышленные и торговые монополии и при этом винокурение было объявлено дворянской монополией, что лишило купцов важнейшего источника накопления [22].

Вопреки субъективным намерениям правительства его политика, направленная на поощрение дворянского предпринимательства, вызвала диаметрально противоположный результат — способствовала более интенсивному развитию капиталистического уклада. И когда Павел I в 1798 г. решил своим именным указом восстановить одну из самых существенных привилегий промышленников-купцов — возможность снова обратиться к использованию принудительного труда, среди мануфактуристов, приученных к применению вольного найма, желающих вернуться к старой системе почти не нашлось[23].

В конечном итоге оказалась такой же противоречивой и гильдейская реформа, задуманная в основном по сословным и фискальным соображениям. По указу 25 мая 1775 г. подушная подать купечеству была заменена однопроцентным сбором с капитала и установлен имущественный ценз для вступления в гильдии: 500 руб. для 3-й, 1 тыс. руб. для 2-й и 10 тыс. руб. для 1-й гильдии [24]. Отныне капитал стал единственным и всеобщим мерилом состоятельности купечества. Теперь исключительно от его величины зависело занятие той или иной ступени купеческой иерархической лестницы и получение соответствующих преимуществ, которые, на взгляд А.В. Ковальчука, лишь узаконили сло-

жившуюся практику. При ней, например, только обладая действительно большим капиталом, можно было вести внешнюю морскую торговлю, содержать фабрики и заводы, на что теперь реформа официально закрепила право лишь за купцами 1-й гильдии. Членам 2-й гильдии разрешалось иметь фабрики и заводы, осуществлять только внутреннюю оптовую и розничную торговлю, а 3-й гильдии — мелочную торговлю в пределах города и уезда. Купцы, не подтвердившие наличие необходимого капитала, переходили в нижестоящие социальные категории.

В целом гильдейские реформы 1775 г. и 1785 г. (когда был повышен имущественный ценз для вступления во 2-ю (до 5 тыс. руб.) и в 3-ю (до 1000 руб.) гильдии) выполнили ряд социальных задач: во-первых, увеличили доходную часть бюджета за счет сословия купцов, не давая ему никаких существенных преимуществ (даже лишили в 1785 г. права первогильдейцев на шпагу и получение чина); во-вторых, содействовали окончательному уничтожению феодальных привилегий купечества в угоду продворянскому курсу правительства; в-третьих, ограничивали вступление крестьянства, в первую очередь крепостного, в ряды купечества и затрудняли внутрисословную и межсословную вертикальную мобильность. Тем самым гильдейские реформы способствовали усилению корпоративности, замкнутости купеческого сословия в целом и особенно его верхнего эшелона. Однако и в этих условиях сила капитала оказалась решающей в проходившей внутрисословной трансформации. На примере московских текстильных фабрикантов видно, что во второй половине XVIII века купеческий элемент многократно преобладал (79 %) над представителями других сословных групп. Но, если в 1760–1770-е гг. первые позиции незыблемо удерживало привилегированное первогильдейское купечество, то в середине 1780-х гг. его положение заметно пошатнулось, и в конце века оно было почти полностью вытеснено выходцами из низового купечества и крестьянства, достигшими верхов купеческой иерархии [25].

В первой половине XIX в. купечество стало более открытым как на входе, так и на выходе и в основном через высокую социальную мобильность третьей гильдии. В нее поступали выходцы из казенных крестьян, вольноотпущенников, цеховых, однодворцев. Особенно этот процесс усилился после того, как в 1824 г. министром финансов была проведена податная реформа, снизившая налоги с городского гражданства и повысившая их с крестьян.

Итак, проводя в XVIII – первой половине XIX в. в целом продворянскую социально-экономическую политику, правительство, с одной стороны, решительно наступало на сословные права и привилегии купечества, а, с другой стороны, способствовало превращению крепостной мануфактуры в буржуазную, а класса-сословия купцов в буржуазный класс, отягощенный, правда, сословными пережитками и ограничениями. Другими словами, сформированный еще в рамках добуржуазной общественной формации класс торгово-промышленных предпринимателей-купцов, юридически оформленный в состав сословия городских обывателей в период начала революционной модернизации превращался в класс буржуазии, продолжая формально оставаться в рамках городского сословия и «впитывая» в себя представителей других сословных групп. На эти про-

цессы указывает не только рост масштабов его хозяйственной деятельности, изменение характера экономических отношений и материально-технической базы производства, но также преобразование социальных параметров городских обывателей. В их среде происходило уменьшение доли привилегированной части и рост доли непривилегированной части при существенном увеличении имущественного расслоения и разрушении общинных отношений.

Библиографический список

1См.: Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). Т. 1. М., 1995. С. 111.
2 См.: Карпович М. Имперская Россия (1801–1917) // Вернадский Г. В. Московское царство. Тверь; М., 1997. Ч. 2. С. 300.
3 См.: Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословно-классовая структура России в конце XIX– начале XX С. 106–107.
4 См.: Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи. С. 120–121.
5 См.: Там же. С. 143.
6 См.: Бессонова Т. В. Мещане в городском хозяйстве г. Казани первой половины XIX в. // Классы и социальные группы в судьбах России. СПб., 2003. С. 83–84.
7 См.: Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословно-классовая структура России… С. 430.
8 См.: Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи. С. 113.
9 См.: Там же. С. 502.
10 См.: Рындзюнский П. Г. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958. С. 387.
11 См.: Там же. С. 85–90.
12 См.: Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи. С. 112.
13 Павлова-Сильванская М. П. К вопросу об особенностях абсолютизма в России // История СССР. 1968. № 4. С. 85.
14 Там же. С. 84.
15 См.: Павленко Н. И. К вопросу о генезисе абсолютизма в России // История СССР. 1970. № 4. С. 66.
16 См.: Ковальчук А. В. О государственной власти и частном промышленном предпринимательстве в России во второй половине XVIII в. (Текстильная промышленность Москвы) // Система государственного феодализма в России. Сборник статей. М., 1993. С. 180.
17 См.: Там же. С. 201.
18 См.: Аврех А. Я. Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России // История СССР. 1968. № 2. С. 97.
19 См.: Павленко Н. И. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII века. М., 1953. С. 293.
20 Павленко Н.И. К вопросу о генезисе абсолютизма в России // История СССР. 1970. № 4. С. 65.
21 См.: Шапиро А.Л. Об абсолютизме в России // История СССР. 1968. № 5. С. 78.
22 См.: Павленко Н.И. К вопросу о генезисе абсолютизма в России // История СССР. 1970. № 4. С. 66.
23 См.: Ковальчук А.В. Указ. соч. – С. 190.
24 См.: ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. XX. № 14327.
25 См.: Ковальчук А.В. Указ. соч. – С. 190.

В. Н. Муравлев
Пензенская государственная
сельскохозяйственная академия

ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ СПЕКТР: СПЕЦИФИКА И ОСОБЕННОСТИ ЕГО КОНФИГУРАЦИИ

Если провести аналогию между рыночной системой и институтом многопартийности, то можно проследить механизм выполнения последней своих функций, который приблизительно выглядит так. Потребитель в лице социальных групп выходит на политический рынок, на котором ему предлагается соответствующий товар. В роли этого товара выступает тот или иной проект развития общества и решения общественных проблем. И как на рынке экономическом маркетинговые службы занимаются определением структуры спроса и в соответствии с ним предлагают те или иные товары, точно так же на рынке политическом партии обеспечивают предложение тех или иных проектов общественного развития, тех или иных рецептов решения проблем общества. Другими словами, на обоих рынках потребитель вовсе не обязан четко осознавать свой интерес – за него это делают специальные институты: на экономическом рынке - маркетинговые службы, на политическом – партии. «Покупая» тот или иной товар на политическом рынке (путем голосования на выборах за представителей каких-либо политических сил), общество определяет курс, которого должна придерживаться государственная власть, – так же как и потребитель экономического рынка, приобретая те или иные товары, опосредованно формирует структуру и стратегию развития производительных сил.

Таким образом, из вышесказанного следует, что одной из главных областей приложения сил политических партий является идеология, т. е. создание проектов общественного развития. Прибегая к услугам партий, потребитель политического товара нуждается именно в них. От того, насколько удачный (в том числе и учитывающий все нюансы конъюнктуры) товар сможет предложить та или иная партия, зависит и все остальное: удастся ли ей реализовать свои претензии на роль выразителя политических интересов определенной социальной группы, удастся ли ей рекрутировать достаточное число представителей активной части населения, чтобы образовать сколько-нибудь дееспособную организационную структуру и т.д. Если удастся, она станет полноценной политической организацией, если нет - останется политическим маргиналом, обреченным на существование в лучшем случае в статусе клуба или секты.

Все разнообразие возможных проектов общественного развития укладывается в поле, которое принято называть идейно-политическим спектром. У этого спектра есть система координат, для обозначения которых традиционно используются такие понятия как «правый фланг» и «левый фланг»[1].

Если разместить все существующие идеологии в этой системе координат, то крайне правый фланг займут политические организации, чьи программы можно охарактеризовать как реакционно-романтические, в то время как крайне левый фланг достанется революционным романтикам. Революционные романтики выступают с позиций категорического неприятия действительности и стремятся воплотить в жизнь некий идеальный, до сих пор не имевший место в действительности проект общественного устройства. Реакционные романтики, напротив, исходят из безусловного отрицания любых новаций и борются за

возврат к «золотому веку», якобы бывшему некогда в истории, но впоследствии утраченному из-за страсти к бездумному модернизаторству. И крайне правым, и крайне левым характерна готовность для достижения своей цели пойти на насилие, в том числе и нелегитимизированное. Между центром и правым флангом размещаются организации, придерживающиеся консервативных взглядов и ценностей и основной задачей считающие поддержание status quo. Консерваторам, так же как и реакционным романтикам, свойственно негативное отношение к новациям, но они не разделяют веры в «золотой век» и стремятся не к реставрации идеализированного прошлого, а к максимально возможному сохранению существующих реалий. В борьбе за это основную ставку консерваторы делают на силу, но, в отличие от крайне правых, предпочитают опираться на легитимизированное насилие, т. е. исходящее от наделенных соответствующими полномочиями государственных органов. Позицию между левым флангом и центром занимают социальные реформаторы, выступающие за изменение существующего положения, но, в отличие от крайне левых, старающиеся не прибегать к нелегитимизированному насилию. Наконец, место в центре принадлежит тем политическим силам, которые пытаются обеспечить подвижное равновесие между необходимостью внесения известных корректив в общественное устройство и желанием сохранить его жизнеспособные элементы. В реальной жизни основные цвета политико-идеологического спектра имеют множество оттенков, однако описанной схемы это не отменяет [1].

Сила того или иного фланга зависит от степени политической и экономической развитости конкретного общества. Так, для стран с недостаточно зрелым гражданским обществом, не имеющим традиций контроля над органами государственной власти, характерна политическая поляризация, при которой наиболее сильные политические организации расположены на левом и правом флангах. При этом, как правило, сила правых организаций обеспечивается в основном поддержкой со стороны во многом независимой от общества государственной власти, предоставляющей, в том числе и посредством дискриминационного избирательного законодательства, привилегии имущим классам. Сила же левых партий обусловливается поддержкой «низших» классов, чьи возможности для участия в политической жизни значительно ограничены по сравнению с классами «высшими». В странах со зрелым гражданским обществом и достаточно развитой системой обратной связи между гражданами и государством, напротив, наиболее влиятельные политические организации тяготеют к центру, в то время как партии, исповедующие крайне правые и крайне левые взгляды, находятся на положении маргиналов. Для западноевропейской многопартийности характерно отнесение к крайне правому флангу разного рода религиозных фундаменталистов, легитимистов (монархистов), националистов-этнократов; к крайне левому – анархистов, коммунистов; к центру – либералов. Между центром и крайне левым флангом классическая схема помещает, как правило, социал-демократов, между центром и крайне правым флангом – этатистов («государственников»). Однако в переходные периоды истории эта схема заметно видоизменяется, что, в частности, случилось в России, где в определенный момент противоположные крылья политического спектра – реакцион-

но-романтический (национал-патриотический) и революционно-романтический (коммунистический) – сомкнулись, породив феномен т.н. «право-левой» (или «красно-коричневой») оппозиции. В результате та часть политического спектра, которая, согласно классической схеме, должна располагаться в центре, – а именно либеральная, – оказалась вытесненной на один из флангов (левый), а на роль центристов стали претендовать силы, традиционно располагающиеся справа и слева от центра, т.е. консерваторы-этатисты и социал-демократы.

Следует отметить, что сближение и даже слияние политических крайностей отнюдь не новый феномен. В 20–30-е гг. XX в. он уже имел воплощение в форме германского национал-социализма и итальянского фашизма, соединивших социально-революционную демагогию с неприкрытой ксенофобией. Однако ни в Германии, ни в Италии такое соединение крайностей не привело к коренной трансформации политического пространства. Национал-социализм (фашизм) как политическая сила, в конце концов, занял место на крайне правом фланге, вытеснив оттуда традиционных реакционных романтиков. Противостоя левым (социал-демократам), крайне левым (коммунистам) и центру (либералам), он ни в коей мере не способствовал смещению центра к одному из флангов, а уж тем более - сближению консерваторов-этатистов и социал-демократов.

В современной России подобные изменения имели более глубокий характер. С точки зрения специфики той ситуации, в которой оказалась Россия, такая смена ориентиров вполне объяснима. После семидесяти лет политического господства коммунисты не могли не превратиться в силу исключительно консервативную и даже реакционную, а либералы, с их неприятием «развитого социализма», стали своего рода революционерами [4]. Таким образом, коммунистов (как и национал-патриотов), ратующих за реставрацию псевдореалий некоего «золотого века» (псевдореалий - потому что они существуют больше в ностальгирующем воображении их апологетов, нежели в реальной действительности), можно квалифицировать как типичных реакционных романтиков, т. е. «крайне правых». Либералы же, наиболее последовательно отстаивающие необходимость коренных реформ, выглядят вполне «лево». Наконец, консерваторы, борющиеся за сохранение status quo, т.е., в наших условиях, за сохранение масштабного вмешательства государства в дела общества, вполне естественно прибегают при этом к социал-демократической риторике, говоря прежде всего о необходимости государственной поддержки наименее защищенных слоев общества. В результате грань между социал-демократической и патерналистско-этатистской (консервативной) идеологиями оказывается размытой.

Исходя из вышесказанного, для того чтобы охарактеризовать идейно-политический спектр России наиболее точно, необходимо, на мой взгляд, отказаться от употребления определений типа «правый» и «левый» и использовать более конкретные понятия: реформисты, антиреформисты, демократы, либералы, коммунисты, «державники», национал-патриоты и т. п.

Библиографический список

1. Российская многопартийность: становление, функционирование, развитие. М., Центр прикладных политических исследований ИНДЕМ, 1999.
2. Политология. Энциклопедический словарь. М., 1993.
3. Основы политологии: Краткий словарь терминов и понятий. М., 1993.
4. Перегудов С., Холодковский К. Политическая партия: Мировой опыт и тенденция развития // Коммунист 1991. № 2.

Е. А. Кнестяпина
Пензенский государственный университет

ОБ ИЗМЕНЕНИИ ЦЕННОСТИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОЗНАНИИ МОЛОДЁЖИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Переход страны к рыночной экономике – это процесс, который сопровождается глубокими структурными изменениями в общественном развитии и который не может не охватить сферу образования в целом и сферу образовательных услуг, предоставляемых высшей школой в частности.

В настоящее время большое внимание исследователей привлекает изучение института образования, поскольку общепризнанно, что оно играет очень важную роль в современном обществе. Оно необходимо во всех сферах человеческой деятельности и выступает как наиболее приоритетная ценность, обеспечивающая социальный прогресс. Кроме того, образование – наиболее технологичная сфера, способная не только изучать, но и активно влиять на формирование общественного сознания, понимание задач и целей общественного развития. Никто не поспорит с тем, что образование и воспитание являются основой социума. Изначальные идеалы и ценности личности черпаются из образовательно-воспитательного пространства. В связи с этим большое внимание уделяется социальным процессам в сфере российского образования.

Известно, что ценность и важность профессионального образования для развития страны были признанны еще Петром I, и именно он ввел профессиональное образование в России и оно стало оплачиваться государством, то есть стало общественным благом. Но в то время люди не осознавали выгоды от получения образования, и оно не имело ценности. Понимание значимости образования пришло только тогда, когда его получение стало обязательным для работы на государственной службе. К сожалению, воспользоваться этим благом могла только знатная часть общества.

При советской власти образование стало общественным благом для всех. Государство тратило на образование громадные денежные средства, и страна вышла на первые позиции во многих сферах жизни. Известно, что отечественное образование имеет глубокие исторические традиции, признанные достижения: в XX веке Россия стала страной всеобщей грамотности, первой вышла в космос, достигла передовых позиций во всех областях фундаментальной науки, существенно обогатила мировую культуру. Люди в то время воспринимали свободное получение образование как должное, количество специалистов росло, ценность образования у молодежи не падала, и образование получали из соображений престижности.

Как же воспринимается получение высшего профессионального образования сегодня, насколько оно востребовано и доступно? В сфере образования общество предоставляет ряд возможностей, среди которых – возможность учиться и получать знания и квалификацию. Такие ценности, как образование, квалификация и специальность, являются способом достижения жизненных целей и хорошим капиталом для инвестирования. Запас знаний, умений и навыков, которые дает образование, в большой степени обусловливают социальную мобильность и доступ к другим общественным благам. Как известно, в развитом обществе приобретение определенных статусов и освоение различных ролей определяются учебой в организациях института образования. Важно уже сегодня подумать о завтрашнем уровне культуры и образованности молодежи, о численности высококвалифицированных работников. Для этого необходимо, чтобы получение высшего образования не рассматривалось среди молодежи как пустая трата времени, не дающая реальных возможностей в жизни, а привлекало молодых людей своей перспективностью и было доступным для выходцев из разных социальных групп.

Переход страны к рыночным отношениям и в связи с этим резкие перемены в социально-экономических и политических отношениях многое изменили в общественном сознании. В современном обществе появилась и продолжает обостряться такая проблема, как неравенство возможностей.

Образование, подобно зеркалу, активно отражает процессы, происходящие в обществе, и активно на них воздействует. Следует отметить, что в современных условиях образование является все же фактором дифференциации, а не интеграции.

Социальное неравенство значительно влияет на образование. Большое расслоение население по уровню доходов обостряет проблему обеспечения доступа к качественному и желаемому образованию детей из различных социальных групп. К сожаленью, тенденция усиления социальной дифференциации в сфере образования по материальному положению семей увеличивается. И к тому же совершенно очевидно, что сегодня государство не в состоянии обеспечить бесплатное обучение всем желающим стать студентами. Таким образом, в современном государстве образование перестало быть общественным благом для всех. Думается, что возврата в прошлые времена в этом плане уже не будет. Очень важно, чтобы образование привлекало молодежь, и было доступным для выходцев из разных социальных групп, так как все это предопределяет зав-

трашний уровень культуры и образованности населения. Образование, как многие другие социальные институты, оказалось не готово к резким переменам, происходящим в нашей стране. Хотя, несомненно, оно начинает видоизменяться, впитывая современные требования и реагируя на них введением новых планов, программ, специальностей и так далее.

Говоря о преобразованиях, происходящих в нашей стране, следует отметить, что социальная трансформация российского общества за последнее десятилетие вызвала качественные сдвиги в структуре ценностной ориентации россиян. Молодежь, особенно интеллектуально динамичная ее часть – студенчество, наиболее остро воспринимает социальные перемены, происходящие в стране. В последние годы резко возросла необходимость более адекватного представления о себе и своем месте в обществе в кризисной ситуации.

Сложившаяся новая обстановка такова, что она не просто заставляет людей переучиваться, но даже требует изменения системы ценностей, взглядов, установок и ставит перед необходимостью фактически стать новой личностью. Обучение в вузах является важнейшим каналом социальной мобильности для молодежи и выбор вуза – это профессиональное самоопределение, признание определенного образа жизни, важный этап, во многом определяющим их будущее.

Сегодня многие юноши и девушки осознают ценность высшего образования. Они понимают, что высшее образование дает более широкий выбор видов деятельности и развивает способности адаптироваться к жизни. Молодежь признает также и тот факт, что в настоящее время ценится профессионализм и специалисты с высшим образованием, но им бывает достаточно сложно выбрать подходящий вуз и специальность. Многие выбирают вуз, понимая лишь, что им необходимо высшее образование, не осознавая его значимости и того, что оно даст им в жизни кроме диплома. Сегодня зачастую не само образование, а возможность с его помощью получить высокооплачиваемую работу и забота о социальной защищенности являются одними из главных составляющих мотивации к обучению, то есть, можно сказать, что высшая школа выполняет новую для себя функцию «социальной защиты» для современной молодежи. Кроме того ,часто вуз выбирается ситуативно («здесь учатся друзья», «поступать посоветовали знакомые» и т.д.). Это происходит главным образом потому, что молодежь, поступая в вузы, не имеет четкого профессионального определения.

В настоящее время формируется определенная структура мотивов получения высшего образования молодежи, поступающей в вуз. Мотивы учения образуют сложную и испытывающую постоянные изменения систему, в которой наряду с общими, тесно связанными с ведущими жизненными ценностями, появляется и исчезает масса других, обусловленных особенностями жизненных ситуаций.

На ценность получения высшего образования, на выбор конкретного вуза и специальности влияет множество факторов. С целью выявления и изучения мотивов, побуждающих молодежь получать высшее образование, было осуществлено социологическое исследование, которое проводилось в мае – октябре 2005 года среди студентов второго и четвертого курсов четырех вузов города

Пензы (ПГУ, ПГПУ, ПГАСА, ПГТА). Было опрошено 500 человек, при этом группы выбирались случайно, а опрос в них был сплошным.

Данное анкетирование раскрывает мотивы получения высшего образования, ценностные ориентации, предпочтения, интересы, статусные притязания и жизненные стратегии, перспективы трудоустройства, наличие профессиональных установок у молодежи, обучающейся в данных вузах.

Изменение в ценностных ориентациях молодежи фиксируют многие социологи, и подавляющее большинство из них пришли к выводу о том, что сегодня при многообразии факторов, стимулирующих тягу к получению высшего образования, ведущим становится материальный. В результате данного опроса оказалось, что одним из основных мотивов получения высшего образования является стремление получить профессию, позволяющую иметь хорошо оплачиваемую работу (ПГУ – 13 %, ПГТА – 17 %, ПГАСА – 16 %, ПГПУ – 14 %).

В то же время современные студенты начинают понимать, что сегодня больше шансов получить достойную и высокооплачиваемую работу у образованных и грамотных специалистов. К ним приходит осознание того, что образование, специальность, квалификация являются главными способами достижения целей в жизни. Так, на вопрос о причине получения высшего образования многие респонденты ответили, что "хотят быть образованными людьми" (ПГУ – 18 %, ПГТА – 17 %, ПГАСА – 16 %, ПГПУ – 20 %). К сожалению, лишь немногие считают, что в вузе они получат специальность, которая будет пользоваться спросом и высшее образование поможет им занять престижное положение в обществе. Процент выбора таких вариантов ответа невысок (например, в ПГПУ вариант ответа о получении востребованной специальности вообще не привлек внимания респондентов), так как в целом молодежь не слишком уверена в будущем и сомневается в том, что выбранная специальность будет такой же востребованной или станет таковой спустя несколько лет после окончания вуза.

Результаты опроса показали, что кроме материального, важнейшими мотивами поступления в вуз среди студентов являются также мотивы самоценности высшего образования. Образование для них является не только терминальной ценностью, но также и инструментальной. Так, на вопрос о том, какие цели они собираются достичь, получив высшее образование, большинство респондентов ответили, что "хотят быть образованными людьми" (ПГАСА – 27 %, ПГТА – 30 %, ПГУ – 28 %, ПГПУ – 34 %). Чуть меньшее количество респондентов считают, что "с высшим образованием легче найти интересную работу" (ПГУ – 20 %, ПГАСА – 26 %, ПГТА – 17 %, ПГПУ – 29 %) и "развить свои способности" (ПГТА – 20 %,ПГАСА – 15 %, ПГУ – 16 %, ПГПУ – 15 %). Однако о том, чтобы «создать что-то новое в интересующей сфере деятельности» думают лишь немногие из опрошенных студентов. Здесь можно говорить о том, что высшее образование является, прежде всего, инструментом реализации социальных, а не социально-профессиональных запросов. Таким образом, современное высшее образование в понимании студентов вузов выполняет, главным образом, социальную функцию, а уже потом предметно-профессиональную.

Особенно актуальной сегодня является проблема социального самоопределения студентов. К показателям эффективности этого процесса можно отнести следующие: удовлетворение от выбора специальности, вуза; чёткое представление о социальном статусе, связанном с выбором данной профессии, а также о возможности трудоустройства после окончания вуза именно по этой специальности.

Одним из вопросов данного исследования был вопрос относительно мотивов выбора учебного заведения. Ответ на этот вопрос важен, поскольку в нём проявляются запросы индивида, его потребности, уровень притязаний. Студентов вузов города Пензы в наибольшей степени интересует качество образования: "в данном вузе сильный состав преподавателей" (ПГУ – 15 %, ПГПУ – 14 %, ПГАСА – 14 %, ПГТА – 9 %); "в выбранном вузе будет интересно учиться" (ПГУ – 11 %, ПГПУ – 23 %, ПГТА – 17 %, ПГАСА – 18 %). То что «вуз престижен» отметили 24 % респондентов из ПГУ. Это самый большой процент по сравнению с другими вузами города Пензы. Мотив выбора вуза – «другие вузы меня не привлекают» – характерен для 15% респондентов из ПГУ, 13 % (ПГПУ), 16 % (ПГТА) и 15 % (ПГАСА). Некоторые студенты считают, что «у данного вуза хорошая материальная база» (ПГТА – 22 %). Некоторые отмечают, что «поступать сюда посоветовали знакомые или родственники» (ПГАСА – 12 %), «на получении высшего образования настаивали родители». В этом случае профессиональную установку на получение высшего образования и выбор конкретного вуза можно назвать ситуативными: респонденты хотят иметь образование не ниже, чем у людей своего круга, и они не видят иного пути, кроме поступления в вуз. В связи с этим, «разочаровались в выбранной специальности за время обучения» 16 % студентов из ПГУ, 19 % (ПГПУ), 12 % (ПГТА) и 6 % (ПГАСА). И всё же большее количество респондентов достаточно осознанно выбрало специальность, так как исходя из результатов опроса «отношение к выбранной специальности не изменилось» у 60 % (ПГУ и ПГПУ), 50 % (ПГТА) и 41 % (ПГАСА), а многих "специальность начала больше привлекать" – 24 % (ПГУ), 21 % (ПГПУ), 38 % (ПГТА) и 53 % (ПГАСА).

Результаты опроса выявили также, что необходимо предоставлять молодёжи больше информации о вузах, специальностях и перспективах трудоустройства. Всё это даёт хороший стимул к социальной мобильности, к осознанному выбору и пониманию своего профессионального предназначения в жизни. О перспективах своего трудоустройства «имеют общее представление» большее количество респондентов (ПГУ – 65 %, ПГПУ – 69 %, ПГТА – 66 %, ПГАСА – 78 %); «не владеют такой информацией вообще» 12 % (ПГУ), 9 % (ПГПУ), 22 % (ПГТА). Вариант ответа «хорошо информирован(а)» выбрали всего лишь 24 % (ПГУ), 21 % (ПГПУ и ПГАСА) и 12 % (ПГТА).

Вероятно, является целесообразным при каждом вузе создать хорошую информационную базу, позволяющую отслеживать в динамике происходящие изменения на рынке труда, образовательных услуг и подробно знакомить с этими данными абитуриентов, студентов и особенно выпускников вузов. Кроме того, из результатов исследования видно, что высшей школе необходимо наладить тесное сотрудничество со средствами массовой информации, посредством

которых обеспечивать молодежь необходимой информацией в интересной и доступной форме. Так, на вопрос о том, что «предпринимаете для получения работы по специальности по окончании вуза» многие ответили, что «в поисках работы используют СМИ» (16 % – ПГУ, 8 % – ПГПУ, 20 % - ПГАСА, 11 % – ПГТА). Также большому количеству респондентов «помогают родственники, друзья и знакомые» в поисках работы (44% – ПГТА, 37% – ПГАСА, 36% – ПГУ, 30 % – ПГПУ). «Самостоятельно ищут работу» 29 % респондентов из ПГТА, 30 % (ПГУ), 24 % (ПГАСА) и 31 % (ПГПУ). Думается, целесообразно вернуть систему распределения выпускников, которая обеспечивала их гарантированным трудоустройством и социальными гарантиями. Отказ вузов от трудоустройства обернулся потерей клиентуры заказчиков, которая формировалась годами, разрывом связей с отраслевыми организациями, отсутствием обратной связи с выпускниками и т. д.

К сожалению, современная высшая школа, расширяя возможности выбора профессии, не гарантирует трудоустройства по специальности, выпуская дипломированных специалистов в никуда, что способствует росту безработицы. Сегодня в вузах много специальностей, по которым заведомо сложно найти свое место на рынке труда, что обрекает выпускников на долгие поиски работы и, чаще всего они трудоустраиваются не по специальности или переучиваются.

Таким образом, значительные изменения структуры потребностей рынка труда диктуют необходимость перестройки образовательной политики.

Что касается результатов данного исследования, то в целом они показали, что среди российской молодёжи (на примере студентов пензенских вузов) превалирует желание приобрести профессию с помощью получения высшего образования, добиться хорошо оплачиваемой должности в будущем, занять престижное место в обществе и сделать карьеру. Таким образом, из результатов данного исследования можно сделать вывод, что ценность высшего образования является мотивом социальной мобильности для большинства студентов вузов. А задачи высшего образования заключаются в том, чтобы обеспечить студентов сведениями о возможных местах трудоустройства по специальности, следить за качеством предоставляемых услуг и за тем, чтобы специальности, предлагаемые вузами, отвечали современным запросам рынка труда и не теряли своей значимости и актуальности хотя бы в ближайшем будущем.

Конечно, многие проблемы вузов связаны с отсутствием должного финансирования, и мы надеемся на реформы. Закон всех времен: забота об образовании – прерогатива государства. От образования в большой степени зависит будущее молодого поколения и, следовательно, нашей страны.

Н. Притченко
(Научный руководитель к. и. н., доцент Т. Г. Скороходова)
Пензенский государственный
педагогический университет им. В. Г. Белинского

ПРАВОЭКСТРЕМИСТСКИЕ НАСТРОЕНИЯ В СРЕДЕ РОССИЙСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Концентрированным выражением общественной опасности таких политических течений, как фашизм, национал-социализм, правый радикализм, правый консерватизм, шовинизм и т. п. является их идеологическая и (что более важно) практическая ориентированность на такой тип политического режима, который можно обозначить как правый экстремизм, суть которого заключается в построении такого государства, которое якобы поможет восстановить «справедливость» и «порядок», избавит от кризисов и инфляции, приведет к «социальному миру», поднявшись выше классовых интересов во имя интересов народа, нации, будучи ни капиталистическим, ни социалистическим, а националистическим.

По данным обзора информационно-аналитического центра «Сова» [1], регулярно отслеживающего действия правых экстремистов, ушедший 2005 год стал временем не только развития прежних тенденций деятельности правых экстремистов – таких, как рост расистского и иного мотивированного ненавистью насилия, повышение агрессивности в проявлениях бытовой ксенофобии, эксплуатация этнонационалистического электорального ресурса и т.д., но и обозначил новые направления правоэкстремистской активности: во-первых, правоэкстремистские организации все более решительно демонстрируют готовность к политическому террору; во-вторых, растущие ксенофобные настроения россиян все чаще приводят к националистически мотивированному насилию со стороны людей, не имеющих отношения к правоэкстремистским группировкам; и в-третьих, особо опасной тенденцией, на мой взгляд, стала заметная активизация правых экстремистов среди молодежи. И это при том, что, по данным Института социологии РАН, среди приверженцев правоэкстремистских группировок уже сегодня большинство составляет молодежь [2].

Молодежь во все времена была подвержена радикальным настроениям. В силу возрастных ее свойств даже в спокойные в социальном и экономическом плане времена количество радикально настроенных людей среди молодежи всегда выше, чем среди остального населения.

В настоящее время в сознании молодежи преобладают негативные оценки в отношении нынешнего состояния России и ее будущего. Современная молодежь проходит свое становление в очень сложных условиях ломки старых ценностей и формирования новых социальных отношений. Отсюда растерянность, пессимизм неверие в будущее. Растут агрессивность и экстремизм, шовинизм и криминальность. Поэтому такой аспект социологии молодежи, как изучение проблемы молодежного правого экстремизма, весьма актуален в условиях современной российской действительности. Элементы правоэкстремистского поведения молодежи формируются на фоне деформации социальной и культурной жизни общества. В перечень основных причин роста экстремистского поведения молодежи, исследователи включают следующие: социальное неравенство, желание самоутвердиться в мире взрослых и недостаточную социальную зрелость, а также недостаточный профессиональный и жизненный опыт, а следовательно, и сравнительно невысокий (неопределенный, маргинальный) социальный статус.

Активизация правоэкстремистского поведения среди молодежи опасна тем, что это связано с развитием «анормных» установок в групповом сознании молодого поколения, что влияет на ценности, предпочтительные образцы поведения, оценки социального взаимодействия – то есть, в широком смысле, связано с социальной и политической культурой российского общества в ее проективном состоянии. Эта проблема становится все более актуальной в условиях сегодняшней российской действительности, когда Россия находится на пути преодоления кризисного состояния.

В современной социологической литературе вопросы правого экстремизма молодежи в России систематически не рассматривались. Отдельные вопросы правого экстремизма в целом освещаются, но возрастные особенности при этом, как правило, не учитываются. Поэтому проблема анализа правого экстремизма молодежи в России в настоящее время социологически и политически не акцентирована и не разрешена соответствующими теоретико-методологическими средствами, что придает ей проблемный характер.

Между тем расовое и иное неонацистски мотивированное насилие среди молодежи расширяется и становится все более демонстративным. К примеру, нападения скинхедов стали сегодня столь привычными, что перестают становиться «новостью», превращаясь в типовой будничный фон.

«Скинхеды» или «бритоголовые» являются на сегодняшний день наиболее многочисленными и опасными среди молодежных правоэкстремистских группировок (согласно исследованиям социологов в России сейчас не менее 35 тысяч скинхедов, объединившихся, чтобы «поддерживать чистоту нации»). Опасны они потому, что практически все насилие по мотиву национальной ненависти за 2004–2005 гг. (за редким исключением), было связано в основном с действиями именно скинхедов. Их нападения, хотя и стали в 2005 году менее жестокими (в 2005 году погибло на 18 человек меньше, чем в 2004), зато становятся все более частыми. Более того, если ранее можно было говорить о неких относительно изолированных «группах риска» — например, о темнокожих или уроженцах Центральной Азии, то теперь выделить «приоритетные» для скинхедов группы становится все труднее. Для того чтобы стать их жертвой, вовсе не обязательно быть азербайджанцем или китайцем, достаточно просто обладать более смуглой кожей или более темным цветом волос, а можно просто «попасться под руку». Активно растет насилие в отношении представителей молодежных субкультур, которых скинхеды считают «предателями идей белой расы» -– рэпперов, панков, скейтеров, гóтов и др., а также в отношении идеологических противников скин-движения – левацкой антифашистской молодежи. Кроме того, если в 2004 году случаи признания скин-группировками ответственности за расистские нападения были единичны, то в 2005 году они начали превращаться в систему.

Таким образом, правые экстремисты нашли свою «социальную базу» - молодежь. Причем это не только скинхеды, состав всех праворадикальных организаций в последнее время резко омолодился, численность их выросла исключительно за счет молодежи.

Активизация правого экстремизма наиболее характерна для молодежи мегаполисов, особенно Москвы и Санкт-Петербурга. Однако это уже дало резонанс и во многих других городах России, в том числе и в Пензе, где этим летом в ночь с 21 на 22 августа было совершено нападение на единственную в городе Соборную мечеть, расположенную по ул. Бакунина, 10. Вандалы разбили стекла храма, изрисовали стены фашистской свастикой и лозунгами грубо националистической направленности. Острый металлический предмет был брошен в окно мечети, надписи на стенах гласят: «Слава русским!» и «Смерть черным уродам!». Скорее всего, это также дело рук молодых людей, относящих себя к какой-либо праворадикальной группировке. В этой связи важно постоянно отслеживать правоэкстремистские настроения среди молодежи, чтобы не допустить дальнейшего развития данной ситуации и своевременно предупредить и предотвратить связанные с этими настроениями назревающие конфликты в российском обществе.

На примере Пензы как города, в который приезжают иностранные граждане, мигранты и в котором расположено несколько крупных вузов страны, я решила выяснить, насколько правоэкстремистские настроения распространены сегодня среди молодежи обычного провинциального города.

Объектом изучения была выбрана студенческая молодежь, включая учащихся начального, среднего и высшего профессионального звена.

Цель исследования заключалась в выяснении уровня правоэкстремистских настроений пензенской студенческой молодёжи, для чего были поставлены и решены следующие задачи: 1) выявить отношение студентов к лицам других национальностей и рас; 2) определить причины негативного отношения молодежи в отношении данных лиц; 3) выяснить отношение студенческой молодежи к деятельности правых экстремистов; 4) разработать рекомендации по профилактике правого экстремизма среди молодежи. В данном исследовании был использован метод анкетного опроса.

Всего в ходе анкетирования было опрошено 276 (100 %) студентов в возрасте от 15 до 23 лет, из которых 150 (54 %) – учащиеся Пензенского государственного университета (ПГУ) и 126 (46 %) – учащиеся Пензенского музыкального училища и профессионального лицея № 42. В опросе приняли участие 175 (63 %) девушек и 101 (37 %) юношей, большинство из которых 242 чел. (88 %) являются русскими по национальности.

По итогам опроса выяснилось, что к лицам других национальностей большинство пензенских студентов 41 % (113 чел.) относятся «нейтрально». При этом почти равное количество студентов выбрали ответы «всегда с уважением отношусь к данным лицам» 25 % (69 чел.) и «не всегда хорошо отношусь» 26 % (72 чел.). Отрицательно же относятся к лицам других национальностей лишь 6 % опрошенных (17 чел.), указав на причину того, что «ничего хорошего от данных лиц они не ждут».

Интересно, что на вопрос: «Есть ли в кругу ваших друзей лица других национальностей? 8 % опрошенных студентов (23 чел.) выбрали категоричный ответ «нет, и я не хочу, чтобы мои друзья были другой национальности», что говорит о том, что негативно к лицам других национальностей все-таки отно-

сится большее число молодых людей, чем это было указано в предыдущем вопросе.

На вопрос об отношении молодых людей к лицам других рас 50 % опрошенных (137 чел.) выбрали ответ «с интересом, хотел(-а) бы с ними пообщаться», 31 % опрошенных (85 чел.) ответили «они меня не интересуют», 9 % (25 чел.) – относятся с настороженностью, по причине того, что эти люди «не похожи на нас» из-за другого цвета кожи, разреза глаз и т.д. и всего 5 % студентов (14 чел.) негативно относятся к данным людям, указав, что «им не место в нашем обществе».

Ответы на вышеуказанные вопросы говорят о том, что пока в студенческой среде нашего города сохраняются позиции национальной и расовой терпимости. Тем не менее существует небольшая часть молодых людей, негативно настроенных по отношению к лицам других национальностей и рас. Причинами такого отношения, вероятно, служат ответы студентов на следующие вопросы анкеты.

К одной из причин негативного или не всегда позитивного отношения к лицам других национальностей, на мой взгляд, можно отнести то, что эти люди чаще всего ассоциируются у молодых людей с мигрантами и вынужденными переселенцами, то есть с одной из беднейших и малоимущих слоев населения. В связи с этим в анкете был задан вопрос об отношении студентов к мигрантам и вынужденным переселенцам в Пензенской области. Ответы распределились следующим образом: 47 % опрошенных (130 чел.) «с равнодушием» относятся к данной группе населения, 25 % (68 чел.) – «с сочувствием». Однако относительно много респондентов – 17 % (46 чел.) указали, что «испытывают неприязнь» к данной группе населения, что подтверждает предположение о том, что одной из причин неприязни к лицам других национальностей является их низкий социальный статус в нашем обществе.

Еще большее количество студентов (22 % или 61 чел.) отрицательно относятся к лицам других национальностей и рас в силу того, что они «занимают их рабочие или учебные места». Следовательно, еще одной причиной негативного отношения к лицам других национальностей является конкуренция в сфере работы и образования, что, возможно, является следствием роста безработицы среди молодежи и сложностью получения высшего образования, особенно бесплатного.

Негативное отношение молодежи к лицам других национальностей вызвано, на мой взгляд, и общим повышением уровня нетерпимости в отношении данных лиц в нашем обществе. Подтверждением этому явились ответы респондентов на вопрос: «Приходилось ли вам быть свидетелем проявления нетерпимости в отношениях между людьми разных национальностей?». Так большинство опрошенных студентов 51 % (141 чел.) указали, что они были иногда свидетелями подобных конфликтов, а 12 % (33 чел.) указали, что они часто были свидетелями подобных конфликтов. Среди причин этих конфликтов студенты называли, во-первых, личную неприязнь к лицам других национальностей, во-вторых, религиозную нетерпимость, в-третьих, бытовые неурядицы, в-

четвертых, конкуренцию за рабочее место и, в-пятых, различия в политических взглядах.

Еще одной причиной негативного отношения к лицам других национальностей является тот факт, что многие молодые люди считают национальность показателем дифференциации людей на «хороших» и «плохих». Так 20 % опрошенных студентов (55 чел.) сказали, что по национальности делить людей на «хороших» и «плохих» «можно в некоторых случаях», а 3 % опрошенных (9 чел.) уверены в том, что «нужно разделять людей по национальному признаку, т. к., по их мнению, национальность является важным показателем дифференциации людей на «хороших» и «плохих». Такой большой процент молодых людей, указывающих на то, что национальность, даже в некоторых случаях, является показателем дифференциации людей на «хороших» и «плохих» означает, что идеологи ультраправых в любой момент могут очень успешно этим воспользоваться, т. к. им даже не надо изобретать сложную аргументацию; достаточно просто указать на национальность, чтобы спровоцировать негативную реакцию молодежи по отношению к неугодным им лицам.

Среди причин негативного отношения молодежи к лицам других национальностей нельзя не упомянуть и средства массовой информации. Так, например, словосочетание «лица кавказской национальности» уже давно стало синонимом «мошенников», «преступников» и «террористов» именно благодаря СМИ. Подтверждение этому – ответы на вопрос об отношении студентов к данному словосочетанию. Ответы респондентов распределились следующим образом: 44 % респондентов (121 чел.) «вообще не обращают внимание на данное словосочетание», 19 % опрошенных (53 чел.) относятся к данному словосочетанию отрицательно, считая, что сегодня данным словосочетанием обозначают разные преступные группировки, при этом данные студенты нормально относятся к выходцам с Кавказа. Еще 14 % (40 чел.) также отрицательно относятся к данному словосочетанию, считают его некорректным и навязанным СМИ. А вот 11 % опрошенных (30 чел.) считают данное словосочетание правильным и уместным, т.к. им обозначают тех, кто им «неприятен», «кому не место в нашем обществе, поскольку они связаны с преступным миром». Таким образом, 33 % студентов (93 чел.) подтвердили, что СМИ провоцируют у людей чувство неприязни и враждебности в отношении лиц других национальностей, а 11 % опрошенных студентов – и есть результат данной провокации.

Отношение же студентов к правым экстремистам было выявлено при помощи двух вопросов: прямого и косвенного. Так, на вопрос об отношении к деятельности правоэкстремистских группировок (в том числе и к деятельности скинхедов) 52 % опрошенных студентов (142 чел.) высказали категорично отрицательное отношение, т. к. считают, что члены данных группировок позорят нашу страну как многонациональное государство. А вот 10 % студентов (28 чел.) положительно относятся к деятельности подобных группировок и считают, что данные группировки выполняют «нужную работу» и просто необходимы нашему современному обществу. Хочу отметить, что равнодушными к деятельности правоэкстремистов оказались 26 % (71 чел.) опрошенных студентов.

А вот на косвенный вопрос об отношении студентов к случаям проявления разного рода насилия в отношении людей других национальностей или рас показал несколько иные результаты. Как и в ответе на предыдущий вопрос, почти половина опрошенных студентов 54 % (148 чел.) высказали отрицательное отношение к подобному насилию, указав, что «это позорит тех, кто его проявляет». Расхождения в ответах (по сравнению с предыдущим вопросом) показывают следующие ответы: целых 22 % опрошенных (60 чел.) ответили, что, как правильно, они отрицательно относятся к случаям проявления данного рода насилия, но иногда у них возникают сомнения, 11 % (29 чел.) – «с пониманием» относятся к данному насилию, заявляя, что этих людей иногда надо «поставить на место» и 4 % (11 чел.) относятся к этому «положительно», т.к. считают, что «этим людям не место в нашем обществе». Причем 6 % опрошенных (18 чел.) вообще относятся к этому с равнодушием и 4 % (10 чел.) затруднились ответить на данный вопрос (видимо, им тоже все равно).

Таким образом, ответы на косвенный вопрос показали, что насилие по отношению к лицам других национальностей и рас одобряет в целом 37% опрошенных студентов, а следовательно, и к деятельности правых экстремистов одобрительно относится большее количество студентов, чем это было указано в ответах на прямой вопрос.

Следовательно, по результатам анкетного опроса можно сделать вывод, что среди большинства студентов г. Пензы ярко выраженные праворадикальные настроения отсутствуют, что свидетельствует о том, что правые экстремисты пока не оказывают влияние на пензенских студентов. Тем не менее латентные предпосылки к этому имеются. Факторы, влияющие на формирование правоэкстремистских установок, у пензенской молодежи существуют, что может приводить к ситуативным вспышкам правого экстремизма.

С помощью метода «фокус-группы» я провела более детальный анализ среди студентов с наиболее ярко выраженными правоэкстремистскими настроениями, чтобы определить социально-психологические характеристики молодых людей, наиболее подверженных правоэкстремистской пропаганде. В результате анализа выяснилось, что правоэкстремистские настроения в большей степени характерны для лиц мужского пола в возрасте от 15 до 17 лет, учащихся в учреждениях начального и среднего профессионального образования. Это достаточно самоуверенные люди, положительно оценивающие свои перспективы на будущее и достаточно легко находящие общий язык с окружающими. Свой досуг они в основном предпочитают проводить в компании друзей, при этом некоторые из них дополняли ответы такими приписками как «бьем жидов и чурок», «бьем всякую нерусь», «бухáем». Среди причин неприязни к иностранцам и лицам других национальностей данные студенты выделили, во-первых, национальную, расовую и религиозную нетерпимость (то есть убеждения, что людям, являющимися представителями других национальностей, рас и вероисповедания, не место в нашем обществе); во-вторых, неприязнь к этим людям вызвана конкуренцией за рабочие и учебные места; в-третьих, была названа связь этих людей с криминалом и преступным миром.

Знание личностных особенностей правоэкстремистски настроенных молодых людей может помочь педагогам, исследователям и органам исполнительной власти в их работе с националистически настроенной молодежью. Конечно, данное исследование не может претендовать на абсолютную объективность из-за малой выборки, но должен же кто-то сделать первый шаг. Тем более что необходимость подобных исследований возрастает в связи со все большим распространением нацизма и националистического движения как в нашей стране, так и мире в целом.

Вероятно, участившиеся случаи нападения на лиц неславянской внешности в России связаны с появлением в Интернете ряда сайтов, предназначенных для членов правоэкстремистких группировок [3]. С помощью метода контент-анализа было проанализировано несколько правоэкстремистских сайтов. Приведу в пример текст одного из них. Текст представляет из себя инструкцию, которая доходчиво доносит, где и каким образом лучше всего осуществлять нападения на инородцев. Он так и называется «Пособие для уличного террора». В данном тексте неведомые авторы призывают подростков сколачиваться в группы, именуемые «белым патрулем». Патрулю надлежит бродить по закоулкам в поисках потенциальных жертв. Как только жертва найдена, немедленно приступать к ее уничтожению. Для засады рекомендованы пустыри у общежитий, рынков, места проживания иностранных студентов. Потенциальных жертв авторы называют в пособии не иначе как «животное», «обезьяна», «урод». При этом в тексте говорится, что атака «должна быть стремительной и неожиданной, чтобы животное даже не успело опомниться».

Таким образом, в свободном доступе Интернета идет активная пропаганда правоэкстремистского толка, результаты которой сегодня уже налицо. Уже сейчас члены правоэкстремистских группировок убивают десятки и калечат сотни людей и отравляют своей пропагандой сознание еще большего числа других.

Для того чтобы не допустить дальнейшего распространения правоэкстремистских настроений среди молодежи необходимо:

1) проводить регулярные мониторинги в виде анкетных опросов, чтобы не пропустить возможного всплеска правоэкстремистских настроений;

2) развивать молодежную политику в регионе, то есть усиливать инновационный, творческий потенциал молодого поколения, привлекать молодежь к широкому участию в общественных преобразованиях, закладывать основы будущего роста, накапливать силы для ускоренного выхода России из тяжелейшего положения. От того, насколько широко и глубоко молодежь включена во все сферы жизни общества, насколько активно она участвует в ней, зависят темпы развития и молодежи, и общества в целом.

На всероссийском уровне одним из приоритетных направлений молодежной политики должно стать построение комплексного государственного механизма по обеспечению занятости молодежи;

3) усиливать защиту национальных границ и усовершенствовать миграционную политику;

4) соблюдать осторожность и корректность СМИ в высказываниях по данной теме;

5) разработать непрерывную систему профилактики правого экстремизма в школах и вузах, предусматривающую социальную вакцинацию учащейся молодежи против ксенофобии, насилия, нетерпимости и формирование установок толерантности к представителям различных социальных страт, этнических и религиозных групп, меньшинств и т. д.;

6) на правительственном уровне принять решение об ужесточении наказания за пропаганду правого экстремизма и преступлений, совершаемых по мотиву национальной ненависти.

В заключение следовало бы особенно подчеркнуть важность тесного взаимодействия всех государственных и общественных структур, политических партий, средств массовой информации в работе, направленной на профилактику правого экстремизма среди российской молодежи.

Примечания

1. Информационно-аналитический центр «Сова» основан в октябре 2002 года группой сотрудников информационно-исследовательского центра «Панорама» и Московской Хельсинкской группы. «Сова» исследует вопросы национализма и ксенофобии, религиозно-общественных отношений и политического радикализма.
2. Политический экстремизм. М. 2004.

О. Кухова, О. Тарасова
(Научный руководитель к.и.н., доцент Т. Г. Скороходова)
Пензенский государственный
педагогический университет им. В. Г. Белинского

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СТУДЕНТОВ ФАКУЛЬТЕТА СОЦИОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ О БУДУЩЕЙ ПРОФЕССИИ

В условиях трансформации российского общества происходит слом старой социально-профессиональной структуры. Потребности общества в профессиях, ориентированных на прежнюю экономику, сокращаются. Происходит смена иерархии престижа профессий в общественном сознании. У молодежи формируется новое представление о месте и роли профессии и профессиональных достижений в жизни человека, о целях профессиональной деятельности и способах их достижения. Выбор вуза и специальности молодыми людьми – это профессиональное самоопределение, признание определенного образа жизни, важнейший этап, во многом определяющий их будущую судьбу. Высшая школа решает важнейшую задачу – формирует личности будущих специалистов, усваивающих за годы учебы знания, умения, навыки соответствующей специальности. Поэтому особую важность имеет осознанность выбора будущей профессии, основанная на информированности о ней и самостоятельном выборе.

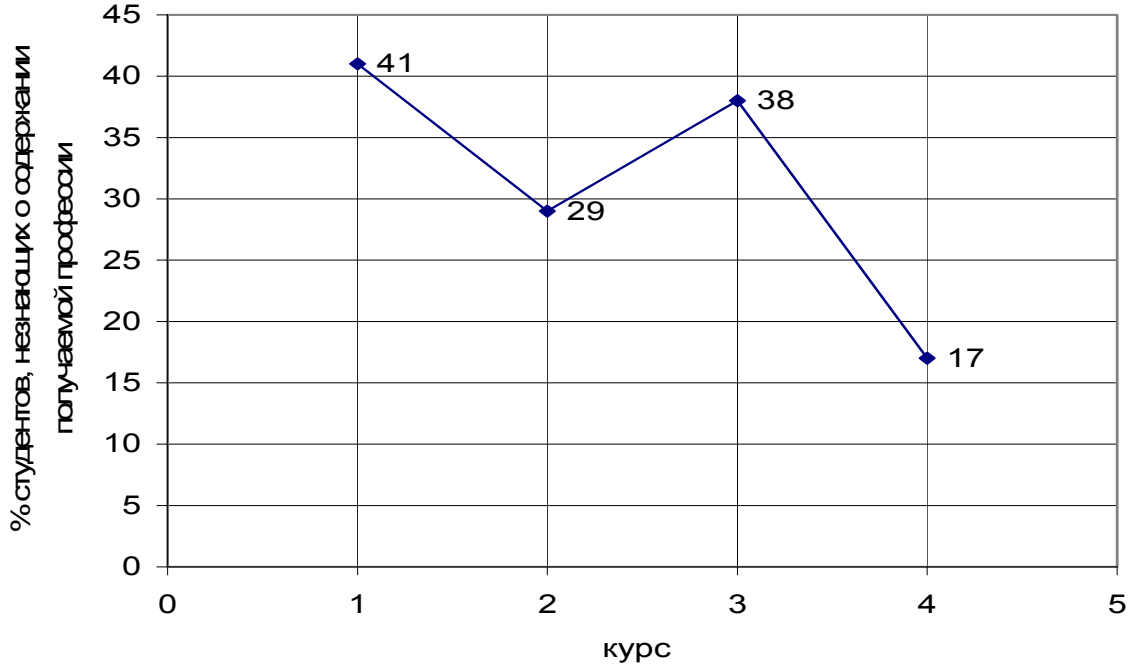
В действительности же складывается следующая ситуация. Абитуриенты зачастую выбирают специальность, не имея четкого представления о ее содержании.

С целью выявления степени осведомленности студентов факультета социологии и социальной работы о будущей профессии, нами было проведено исследование. Опрашивались студенты 1–4 курсов, объем выборки – 235 респондентов. Была составлена анкета, которая включала блоки вопросов, направленные на выяснение того, что знали студенты о выбранной специальности при поступлении, какими источниками информации пользовались и какие факторы повлияли на их выбор.

Как показал анализ результатов исследования, 187 респондентов (80 %) не имели достаточного представления о выбранной специальности при поступлении. А решающим при выборе абитуриентами специальности являлось мнение родителей, что говорит о несамостоятельном, неосознанном выборе будущей профессии. Это впоследствии может сказаться на успеваемости студентов и потере интереса к обучению. Но утешает тот факт, что склонность к данному виду деятельности и хорошая база знаний по предметам вступительных экзаменов стоят на втором и третьем местах. Стоит отметить, что 24 респондента (10 %) указали «наличие знакомых и родственников, которые могу поддержать в университете» как один из факторов, определяющих выбор специальности.

Одной из задач исследования было определить источники информации, которыми пользовались абитуриенты при выборе специальности. Данные показали, что большая часть респондентов – 119 человек узнали о специальности от знакомых и родственников. Это составляет 51 % всей выборочной совокупности. И 70 получили информацию непосредственно в университете (30 %).

Рисунок 1



Результаты исследования (рис. 1) свидетельствуют о том, что 22 студента (41 %) первого курса не могут описать содержание своей будущей деятельности (10 % опрошенных социологов и 48 % социальных работников), студентов второго курса – 16 (29 %), (социологов – 13%, социальных работников – 34 %), студентов третьего курса – 21 (38 %), (социологов – 19 %, социальных работников – 50 %), студентов четвертого курса – 5 (17 %), (социологов – 12 %, социальных работников – 23 %).

Большое число студентов, не знающих о своей профессиональной деятельности на третьем курсе, можно объяснить их нежеланием отвечать на открытый вопрос. Общая же тенденция свидетельствует, что осведомленность о содержании получаемой профессии формируется на протяжении всего обучения и повышается от курса к курсу.

Анализ ответов на открытый вопрос: «Опишите примерное содержание Вашей профессиональной деятельности в случае дальнейшего трудоустройства по специальности» показал, что большинство социальных работников первого курса видят его как оказание помощи нуждающимся людям. Причем многие считают, что оно будет определяться профессиональной специализацией. На втором курсе – это социальная работа, социальная помощь разным категориям людей в трудной жизненной ситуации, социальная защита, реабилитация. Третий курс определяет свою профессиональную деятельность слишком абстрактно – как помощь людям. Четвертый же, наоборот, имеет конкретное представление. Среди ответов на вопрос преобладали: работа в центре социальной защиты населения, в ПФР, правительстве, министерствах; разработка программ помощи различным категориям населения.

Теперь обратимся к результатам ответов на этот же вопрос студентов-социологов. Первокурсники считают, что основное содержание их деятельности заключается в работе и общении с людьми, только некоторые отметили проведение социологических исследований. На втором и третьем курсах преобладающий ответ – проведение социологических исследований, построение теорий, изучение общественного мнения, анализ статистических данных. На четвертом курсе, помимо этого, содержание профессиональной деятельности видится в выявлении актуальных социальных проблем, их изучение, прогнозирование перспектив дальнейшего развития и разработка практических рекомендаций.

Из всего сказанного выше можно сделать вывод, что студенты-социологи лучше осведомлены о своей будущей профессиональной деятельности, чем социальные работники. Однако перспективы дальнейшего трудоустройства по специальности они оценивают значительно ниже, чем социальные работники. Причем с возрастом, от курса к курсу, уверенность в бесперспективности трудоустройства возрастает. Это можно видеть в таблице 1.

Таблица 1

Результаты ответа на вопрос: «Как Вы оцениваете перспективы найти работу по выбранному направлению будущей деятельности?»
(в процентах от численности опрошенных на курсе)

Варианты ответов	Социологи				Социальные работники			
	1 курс	2 курс	3 курс	4 курс	1 курс	2 курс	3 курс	4 курс
Буду работать по специальности	20 %	6,6 %	4,7 %	0 %	9,4 %	2,4 %	8,6 %	23 %
Велика вероятность найти работу	40 %	13,4 %	4,7 %	0 %	14 %	12,2 %	17,2 %	23 %
Можно найти работу, если помогут знакомые	0 %	20 %	33,6 %	18,8 %	23,2 %	31,7 %	25,7 %	23 %
Перспектив очень мало	30 %	46,%6	47,6 %	56,2 %	44,1 %	46,4 %	42,8 %	23 %
По этой специальности невозможно устроится	0 %	0 %	4,7 %	12,5 %	23 %	0 %	0 %	0 %
Не задумывался(лась)	10 %	13,4 %	4,7 %	12,5 %	7 %	7,3 %	5,7 %	8 %

На основании нашего исследования можно заключить, что формирование представления о будущей профессии у студентов факультета социологии и социальной работы складывается на протяжении всего периода обучения и уже к четвертому курсу является вполне определенным. Эта ситуация естественна. С появлением все большего числа специальных дисциплин, в связи с прохождением производственной и/или педагогической практики представление студентов о профессии становится более четким.

О. Вишнякова,
(Научный руководитель к. ф. н., доцент А. В. Очкина)
Пензенский государственный
педагогический университет им. В. Г. Белинского

ИМИДЖ СОВРЕМЕННОГО РУКОВОДИТЕЛЯ В ОРГАНИЗАЦИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

Прежде чем перейти к имиджу современного руководителя, дадим общее понятие имиджа. Имидж – есть понятие собирательное. Это некий образ, отражение того, как вы хотите, чтобы вас видели и воспринимали окружающие. Не секрет, что многие звезды эстрады, телеведущие, актеры платят «бешеные» деньги имиджмейкерам для того, чтобы они создали имидж, который будет соответствовать запросам современной жизни.

Что же представляет собой современный руководитель? Определенно, это лидер. И если это истинный лидер, то умение управлять людьми или социальный интеллект должен быть ему присущ обязательно. Очень важно то, что

большинство лидеров склонны принимать решения индивидуально, не подчиняясь внешнему давлению. Интеллектуальная независимость – вот что отличает настоящего лидера. Кроме того, он эмоционально стабилен. Невротизм лидеру противопоказан. Наверное, в вашем воображении уже возник образ преуспевающего мужчины, уверенного в себе руководителя… Так было до недавнего времени пока на жизненной арене не появились деловые женщины, яркие личности, инициативные, энергичные, не боящиеся трудностей. Именно о них мы и поговорим.

К созданию своего имиджа женщины-руководители подходят намного серьезнее, чем мужчины. На первое место, несомненно, начинает выходить фактор «внешнего вида». А в совокупности с манерой держаться в обществе, разговаривать, принимать решения создание имиджа становиться целой наукой.

Начнем с внешнего вида. Хотя значение внешности не стоит переоценивать, тем не менее привлекательный внешний облик, по которому видно что за внешностью систематически ухаживают, производит на окружающих выгодное впечатление. Сразу на ум приходит известное выражение: «Грех, если женщина выглядит менее красивой, чем могла бы быть».

Итак, определенную внешнюю оболочку для нашей женщины-руководителя мы нарисовали. Это ухоженная, опрятная, привлекательная, следящая за собой женщина. Теперь заглянем «внутрь». Сложность в том, что у женщины руководителя две роли – «руководитель, босс, лидер» и «дочь, мама, жена». И часто они вступают в противоречия.

При подборе тех качеств, которые должны быть присущи настоящему руководителю, большую помощь имиджмейкерам могут оказать психологи. Самый большой вклад психологи сделали в области привлечения и удержания внимания аудитории. Здесь может быть много различных вариантов:

- Подача уже известного материала с новыми акцентами;
- Последовательное увеличение параметров воздействия на аудиторию;
- Использование определенного цвета. Например, для привлечения внимания традиционно используют красный цвет.

После того как вы убедились, что вас слушают, наступает следующий этап – «внушение доверия». Заручиться доверием своей команды – важный шаг на пути к успеху.

Хороший руководитель должен подавать пример.

Любой современный руководитель должен иметь определенный план, наметить последовательность действий. На свете много умных людей, которые, имея различные светлые идеи, не могут их осуществить. Из таких получаются слабые руководители.

Еще одна проблема современных руководителей заключается в том, что они говорят очень много на словах, но не выполняют это на деле.

Возникает вопрос: «как вести себя с мужчинами, которые возмущены, что их начальник женщина?». У настоящего руководителя таких проблем возникать не должно. Вы можете быть ростом 160 см., с волосами огненного цвета, но если вы докажете, что знаете, о чем говорите, то к вам будут относиться так, как вы того заслуживаете.

Хороший руководитель должен быть членом команды. Любой руководитель должен придерживаться своих принципов и испытывать чувство гордости за то, что он делает, не бояться риска и, самое главное, получать удовольствие от работы. Оправдывая свои неудачи, он наносит моральный ущерб подчиненным, а это подрывает его авторитет как руководителя.

Нельзя недооценивать значения искусства слушать. Прислушиваться к тому, что говорят люди, с которыми вы работаете – еще одно правило. Каждый из вашей группы, должен чувствовать обратную связь, заинтересованность.

Есть еще несколько правил, которые необходимо знать и использовать современным руководителям. Об одном из этих правил говориться в Евангелии от Матфея: «Относитесь к другим людям так, как вы бы хотели, чтобы они отнеслись к вам». Мери Кей – руководитель преуспевающей косметической компании – назвала это правило «золотым правилом управления».

Кроме того, современный руководитель должен уметь:

1. В работе опираться на людей. Последние исследования показали, что женщины-руководители мыслят иначе, чем мужчины. Женщина более эмоциональна, более склонна помогать и осуществлять идеи, предложенные другим человеком. Мужчина же более дорожит своими идеями, подчеркивает свое авторство.

2. Заставить людей чувствовать себя нужными. Если дать человеку почувствовать свою значимость, он будет счастлив и его работоспособность возрастет.

3. Необходимо поощрять в людях стремление к успеху. Тем самым вы создаете мотивацию для дальнейших действий. А мотивация – мощное оружие в руках руководителя.

Может сложиться впечатление, что своих подчиненных нужно только хвалить, мотивировать, поощрять, помогать. Конечно, важную роль играет и критика, но критиковать тоже нужно уметь. Необходимо быть одновременно и гибким, и твердым, не допускать критики в присутствии других.

Вот у нас и получился образ идеальной «леди-босс». Это яркая личность, она женственна, не жестока и не холодна, интеллектуально и физически активна, решения принимает сама, но прекрасно улавливает настроения других. Она готова рисковать, целеустремленна, уверена в себе, достойно реагирует на критику, замечания и даже оскорбления. Умеет оперативно переключаться с одной социальной роли на другую.

В понимании обычного человека руководитель это «баловень» судьбы, человек которому очень повезло в жизни. На самом деле, это человек, несущий колоссальную ответственность. И от того, как тебя воспринимают и как к тебе относятся другие люди, зависит во многом успех всего предприятия, организации.

III. СОЦИОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

Г. Ю. Козина
Пензенский государственный

педагогический университет им. В. Г. Белинского

ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ НА ЗДОРОВЬЕ И ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ

Здоровый образ жизни (ЗОЖ) как условие и предпосылка социальной активности человека, полноты выражения его духовных и физических сил предполагает, в первую очередь, целенаправленное формирование его сознания и поведения, соответствующих требованиям здоровья. Конкретная повседневная реализация ЗОЖ – неотъемлемая часть общей культуры человека, богатства его духовного мира, жизненных целей и ценностных ориентаций. Поэтому одно из центральных направлений в формировании ЗОЖ – это воспитание сознательного, активного отношения к здоровью. Как и любое человеческое чувство, ответственность формируется в контексте всего индивидуального пути развития человека, его взаимоотношений с окружающими, как часть общей культуры, проявляющейся в единстве стилевых особенностей поведения, манеры общения, способов мышления и ценностных ориентаций, реализуемых в индивидуальном стиле жизни. Следовательно, решение проблемы изменения стиля жизни в отношении здоровья лежит на пути формирования профилактического мышления. Прежде всего речь идёт о формировании мировоззренческой позиции, характеризующейся взаимосвязью и взаимообусловленностью значений профилактической культуры, усвоенных человеком с другими мировоззренческими ценностями (семья, любовь, счастье и др.) и детерминирующих влияние стиля жизни на здоровье и достижение желаемых благ.

Каждый человек имеет свою систему, набор ценностей, которые формируются в процессе его индивидуального развития и являются для него значимыми. То, что особенно значимо для человека, выступает, в конечном счёте, в качестве его ценностных ориентаций. В настоящее время в общей иерархии ценностей личности наблюдается недостаточная значимость здоровья. В процессе обучения и воспитания (родители, система образования) не уделяется должного внимания вопросам формирования самосохранительного поведения, которое обусловливается ценностными ориентациями и установками относительно здоровья вообще и своего в частности.

В современных социально-экономических условиях формирование здорового образа жизни особо актуально. Рост ряда социально обусловленных заболеваний (алкоголизм, наркомания, туберкулёз, СПИД и др.) требует повышения уровня и качества социально-медицинского образования студенческой молодёжи, чья профессиональная деятельность (учитель, преподаватель-тренер) направлена на сохранение и укрепление здоровья населения.

Анализ учебных планов ряда факультетов Пензенского государственного педагогического университета (ПГПУ) показал, что они перегружены общепрофессиональными и специальными дисциплинами, которые крайне необходимы для подготовки будущих специалистов. Однако очень мало времени отводится на передачу знаний студентам об индивидуальном здоровье человека, роли стиля жизни в сохранении, укреплении и развитии здоровья.

С целью изучения отношения студенческой молодёжи к здоровью и здоровому образу жизни в 2005/2006 учебном году был проведён социологический опрос, в котором участвовало 238 студентов-выпускников ПГПУ (девушки составили 71,4 % выборочной совокупности). Результаты анкетного опроса можно считать репрезентативными, так как выборочная совокупность составила 35,4 % генеральной совокупности.

Анализ ценностных ориентаций респондентов показал, что 68,1 % опрошенных студентов считают здоровье одной из главных ценностей жизни. Однако существует диссонанс между вербально декларируемой, осознаваемой ценностью здоровья и реальным поведением, направленным на его сохранение и укрепление. Одна из основных причин этого кроется в том, что здоровье занимает высокое место в структуре ценностей потому что, будучи качественной характеристикой личности, оно способствует достижению многих целей и удовлетворению различных потребностей человека. В условиях сегодняшней социально-экономической реальности здоровье нередко выступает как единственное средство достижения поставленных задач, что делает его всё в большей степени объектом эксплуатации, а его ценность является не фундаментальной, а инструментальной.

Оценка молодёжью своего здоровья в значительной степени зависит от общего ощущения благополучия, возможности выполнять необходимые социальные функции и роли. Несмотря на то, что здоровье в иерархии ценностей студенческой молодёжи занимает доминирующее положение, 50 % респондентов оценили состояние своего здоровья как удовлетворительное. Среди факторов, негативно влияющих на состояние здоровья в период обучения в вузе, студенты отметили психоэмоциональную нагрузку во время сессии (78 %), большую учебную нагрузку (46,2 %), отсутствие горячего питания в учебное время (45,8 %), нерационально составленное расписание занятий (38,2 %), низкую физическую активность (26,1 %).

Здоровье человека – не только медико-биологическая, но, прежде всего социальная категория. Именно режим учёбы, отдыха, характер общественной работы, семейная обстановка и другие факторы образа жизни определяют здоровье студенческой молодёжи.

Понятие «образ жизни» трактуется как тип жизнедеятельности человека, обусловленный особенностями социально-экономической формации. Основными параметрами образа жизни являются труд (учёба), быт, социально-политическая и культурная деятельность, а также различные поведенческие привычки и проявления. Если их организация и содержание способствуют укреплению здоровья, то есть основания говорить о реализации здорового образа жизни, который можно рассматривать как сочетание видов деятельности, обеспечивающих оптимальное взаимодействие индивида с окружающей средой.

Понятие «здоровый образ жизни» включает в себя рационально организованный, физиологически оптимальный труд, нравственно-гигиеническое воспитание, выполнение правил и требований психогигиены, рационального питания и личной гигиены, активный двигательный режим и систематические заня-

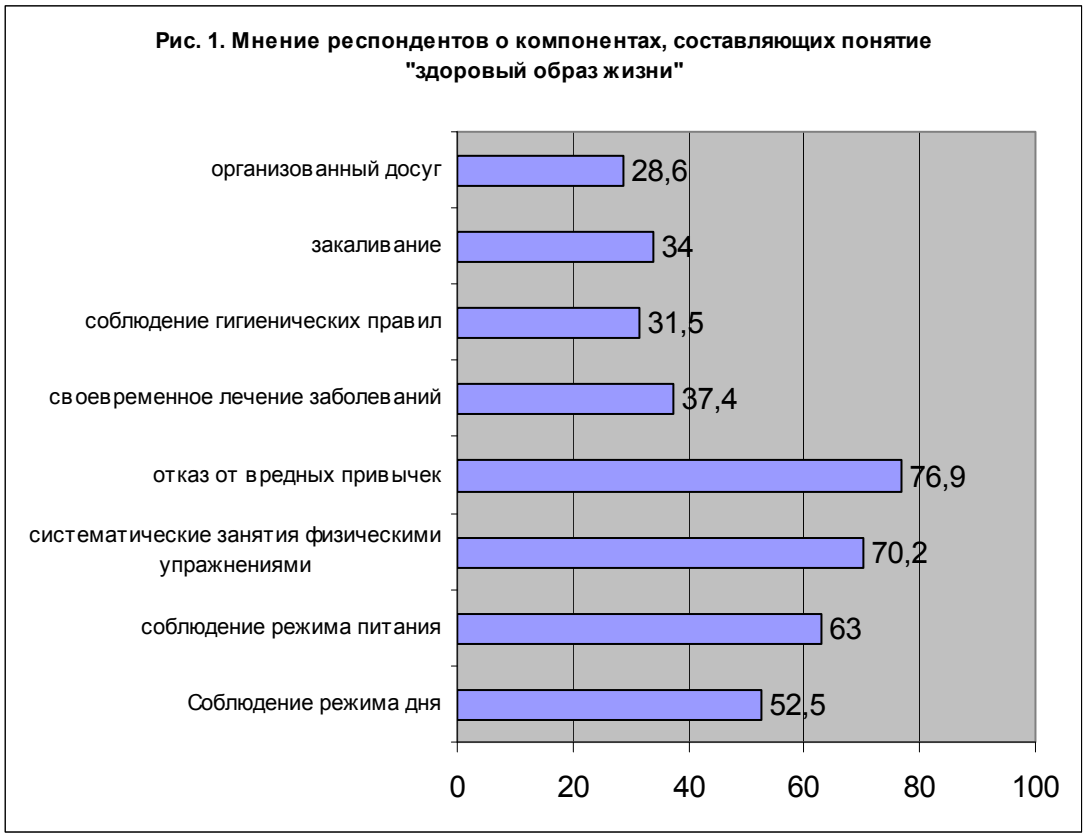
тия оздоровительной физической культурой, эффективное закаливание, продуманную организацию досуга, отказ от вредных привычек.

Для того чтобы оценить представления студентов о здоровье в целом и факторах здорового образа жизни, в анкете им было предложено студентам ответить на вопрос «Какие компоненты, по Вашему мнению, составляют понятие «здоровый образ жизни»?». Представление об ответах респондентов даёт рис. 1.

Диаграмма показывает, что основными компонентами ЗОЖ респонденты считают отказ от вредных привычек (76,9 % опрошенных), систематические занятия физическими упражнениями (70,2 %), соблюдение режима питания (63,0 %) и режима дня (52,5 %).

Доля остальных факторов сохранения здоровья значительно меньше: своевременное лечение заболеваний (37,4 %), закаливание (34,0 %), соблюдение гигиенических правил (31,5 %), организованный досуг (28,6 %).

Таким образом, большинство опрошенных выпускников воспринимают здоровье на уровне физического благополучия, и считают основным условием его сохранения отказ от вредных привычек, двигательный режим и правильное питание.



Большинство студентов осознают негативное влияние на здоровье вредных привычек. Однако каждый третий студент курит (33,2 %), причём курящих девушек (27,6 %) лишь немногим меньше, чем юношей (47,1 %). Среди основных причин курения 35,6 % респондентов назвали «расслабиться», 31,1% – «чтобы занять свободное время», 5,7 % – «испытать приятное ощущение», 20,7

% – «требует организм». Анализ причин курения показал, что каждый пятый курящий студент уже имеет физическое привыкание к никотину.

Следовательно, необходимо активизировать работу по профилактике табакокурения и со стороны администрации и общественных организаций университета. К сожалению, как показала практика, приказ № 299 от 29. 09. 2005 г. о запрете курения в учебных корпусах, общежитиях и на территории университета, положительного результата не дал. Поэтому необходимо другими средствами (спецкурс «Культура здоровья», специальные разделы здоровья в газете «Педагог» и др.) донести студентам информацию, что курение приводит к преждевременной смерти населения. От болезней, связанных с курением, на Земле ежегодно умирают около 5 млн человек, а в России до 300 тыс. человек в год, или около 700 россиян ежегодно. Курение, особенно в молодом возрасте, является причиной многих хронических заболеваний – сердечно сосудистых, бронхолёгочных, желудочно-кишечного тракта, мочеполовой системы. У курящих девушек возникают нарушения менструального цикла, увеличивается риск развития рака молочной железы, шейки матки, спонтанных абортов. Курение значительно увеличивает риск заболевания раком лёгких, пищевода, желудка и других органов. Потери здоровья от курения чрезвычайно велики. Молодёжи необходимо знать, что привычка к табаку бывает только на ранних стадиях курения, а через два года она, как правило, в 90 % случаев перерастает в никотиновую зависимость.

Накоплено немало сведений, что так называемое пассивное курение, или вдыхание загрязнённого табачным дымом воздуха, способствует развитию у некурящих заболеваний, свойственных курильщикам. Ведь в так называемой боковой струе табачного дыма, которая идёт от тлеющей сигареты, канцерогенов гораздо больше, чем в основной струе, вдыхаемой во время затяжки. Поэтому, человек, проходящий мимо курящих молодых людей, получает не меньший ущерб здоровью, чем причиняют себе курильщики. Эта разница усиливается психологическим эффектом: курильщики смолят, получая удовольствие, а прохожий дышит дымом, испытывая стресс.

В отношении употребления алкоголя отмечено, что для большинства студентов (87,8 %) характерны редкая или умеренная частота его приёма. На вопрос об употреблении алкоголя положительно ответили 88,2 % юношей и 87,6 % девушек. Самым распространённым алкогольным напитком в молодёжной среде является пиво (56,9 %) и вино (47,8 %). Несомненно, рекламные ролики «Кто идёт за «Клинским»?», демонстрируемые в недалёком прошлом с экранов телевидения, оставили информацию в сознании о том, как надо молодым людям отдыхать, веселиться и получать удовольствие от жизни. Однако любая реклама имеет только одну цель – залезть в наш кошелёк.

Среди основных причин употребления алкогольных напитков 73,1 % студентов назвали «отметить приятное событие в жизни», 20,2 % – «пообщаться с друзьями», 5,5 % – «поднять настроение», Иными словами, главными причинами регулярного употребления алкогольных напитков являются питейные традиции, которые являются начальным звеном в приобщении человека к спиртным напиткам. Любой случай эпизодического употребления спиртных напит-

ков («хорошо посидели», «отлично отдохнули», «обмыли», «отметили» и т.д.) оставляет определённый след, являющейся психологическим подкреплением существующих алкогольных обычаев.

Алкоголь – это самый опасный наркотик, который доступен для каждого человека, свободно стоящий на прилавках магазинов, ларьков и т.п. Биологическая защита от алкогольной зависимости у каждого человека индивидуальна. Каждая выпивка расшатывает и ослабляет биологическую защиту организма. Чтобы стать алкоголиком, одному человеку достаточно, условно говоря, 100 раз хорошо принять, другому – 200, кому-то больше, кому-то меньше. В природе не существует такого организма, который не сломался бы под тяжестью систематических алкогольных эксцессов. Когда биологическая защита в результате серии алкогольных ударов разрушается, формируется алкогольная зависимость на биохимическом уровне (алкогольная наркомания). В организме происходят глубокие необратимые изменения ферментных систем печени, в результате чего больной алкогольной наркоманией навсегда утрачивает способность контролировать употребление спиртного.

Студенты должны знать, что молодой организм более чувствителен к последствиям употребления алкоголя. Даже очень маленькие дозы алкоголя существенно нарушают интеллектуальные функции, угнетают иммунную систему, разрушают здоровье. От «лёгкого» частого употребления алкогольных напитков до страшной болезни алкоголизм всего лишь 5–7 лет.

Регулярное употребление алкоголя на протяжении 4–5 лет мужчинами влечёт за собой умственную недостаточность у потомства при вполне удовлетворительном физическом развитии детей. Зачатие ребёнка в состоянии опьянения приводит к следующим нарушениям: задержка физического и психического развития, черепно-лицевые аномалии, аномалии развития наружных половых органов, пороки развития сердца. Риск возникновения врождённых нарушений у плода прямо пропорционален дозе употребляемого алкоголя женщиной во время беременности.

Многих молодых людей интересует, какая же доза считается безопасной? Безопасным для здорового человека можно считать употребление алкоголя не чаще одного раза в месяц в такой дозе, чтобы оставаться трезвым. Только редкое символическое употребление алкогольных напитков страхует от формирования алкогольной зависимости. Любую выпивку, сопровождающуюся опьянением, следует считать потенциально опасной.

Алкоголь повышает половое влечение. К сожалению, каждый третий студент (31,3 %) не имеет постоянного партнёра для интимных отношений, из них 11,3 % не пользуются средствами защиты (презервативами). По мнению автора, этих студентов можно отнести к группе риска, так как случайные половые связи являются источником распространения ВИЧ-инфекции и заболеваний, передающихся половым путём.

По итогам 2005 года в Пензенской области зарегистрировано 98 случаев впервые выявленных заболеваний ВИЧ-инфекций (в 2004 году – 86 рост на 12 %). Кумулятивное число выявленных случаев заражения в Пензенской области с 1988 по 2005 гг. включительно – 1089. Чётко прослеживается тенденция к

возрастанию роли полового пути передачи и вовлечению в эпидемиологический процесс всё бóльшей доли женщин. Число случаев ВИЧ-инфицированных среди вновь выявленных женщин превысило мужчин (29 из 53 человек). Среди вновь заразившихся 84,8 % составляют молодые люди в возрасте от 15 до 30 лет.

Острейшей проблемой в стране и в Пензенской области является распространение среди молодёжи наркомании. По официальным данным, на 1.04.2005 года количество наркозависимых, состоящих на учёте в наркологическом диспансере, составляло 2550 человек, из них подростки и дети составили 9,1% относительно всех учтённых. Причём врачи-наркологи говорят, что эта цифра не отражает всю полноту картины – таких людей гораздо больше, так как большинство наркозависимых избегают постановки на учёт.

Неблагополучна ситуация с употреблением наркотиков в студенческой среде. Хотя большинство студентов (82,8 %) никогда в жизни не принимали наркотики, каждый шестой студент (17,2 %) признался, что их пробовал. Юношей, признавшихся в приёме наркотических веществ, оказалось почти в 2 раза больше, чем девушек (23,5 % против 14,7 %). К группе риска можно отнести ещё 9,7 % студентов, которые имели желание принять наркотические или психотропные вещества, а 28,9 % опрошенных студентов отметили, что им предлагали попробовать наркотические вещества в общежитии, в вузе, на дискотеке или в баре, в дружеской компании.

Такая ситуация диктует необходимость проведения более активных мероприятий, направленных на выявление студентов, употребляющих наркотики, предоставление социально-медицинской помощи им и предотвращение распространения этого явления в студенческой среде.

Среди негативных факторов, влияющих на здоровье студенческой молодёжи, необходимо отметить недостаточную физическую активность. Анкетирование показало, что утреннюю гимнастику ежедневно делают только 7,6 % молодых людей. При анализе ответов на вопрос: «Занимаетесь ли Вы оздоровительной физической культурой во внеучебное время?» оказалось, что эту эффективную форму укрепления здоровья используют в своём режиме дня только 59,2 % респондентов, причём занимающихся юношей (76,5 %) больше, чем девушек (52,4 %). Наиболее популярными в молодёжной среде являются: подвижные и спортивные игры (59,6 %), оздоровительный бег (52,4 %), шейпинг (48,3 %), плавание (44,7 %), туристические походы (43,9 %), лыжные прогулки (30,5 %), катание на коньках (30,5 %), атлетическая гимнастика (23,1 %).

Попытаемся проанализировать структуру мотивов, побуждающих молодёжь заниматься физической культурой (табл. 1). Основными мотивами в структуре мотивации занятий физической культурой у юношей являются: укрепить здоровье (76,9 %), улучшить фигуру (75,0 %), достичь результатов в избранном виде спорта (65,4 %). У девушек основными мотивами являются: улучшить фигуру (96,6 %), укрепить здоровье (58,4 %), снять напряжение отрицательных эмоций, психических перегрузок (40,4 %). Доля остальных мотивов значительно ниже: отдохнуть от умственных занятий (26,2 % всех опро-

шенных), потребность в общении (21,9 %), получить зачёт по физвоспитанию (10,6 %).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, какие мотивы побуждают молодёжь заниматься физической культурой?»

Мотивы занятий физической культурой	По полу, %	
	Юноши	Девушки
Укрепить здоровье	76,9	58,4
Улучшить фигуру	75,0	96,6
Достичь результатов в избранном виде спорта	65,4	28,1
Для снятия отрицательных эмоций, психических перегрузок	25,0	40,4
Отдохнуть от умственных занятий	28,8	23,6
Потребность в общении	30,8	16,9
Хорошая спортивная форма способствует успеху в жизни	61,5	49,4
Сдать зачёт по физвоспитанию	15,4	7,9

Половина опрошенных студентов (53,9 %) подтвердили мнение о том, что хорошая спортивная форма способствует достижению жизненного успеха. Доля этого социально значимого мотива более высока у юношей, чем у девушек: 61,5 % против 49,4 %.

Таким образом, при анализе мотивации оздоровительной деятельности находит подтверждение тот факт, что высокий ранг здоровья в системе ценностей студенческой молодёжи, в значительной мере обусловлен его существенной утратой. Отсутствие отношения к здоровью как к главной жизненной ценности приводит к тому, что потребность в здоровье воспринимается на уровне потребностей самосохранения, в незначительной мере затрагивая уровень социогенных и высших потребностей человека. Поэтому основным мотивом поведения в отношении здоровья является потребность улучшения своего физического состояния.

При изучении причин, по которым будущие специалисты, пропагандисты здорового образа жизни, не занимались оздоровительной физической культурой, было выявлено, что у 50,8 % опрошенных студентов «нет свободного времени». Но, насколько значима эта причина при решении вопроса, заниматься оздоровительной физической культурой или нет? Анализ бюджета времени студентов, не занимающихся оздоровительной физической культурой, показал, что на занятия в вузе и на подготовку к ним студенты затрачивают лишь 6-9 часов в день. В свободное время они предпочитают общаться с друзьями (86,1 %), смотреть телевизор (79,4 %), слушать музыку (75,6 %), читать (58,8 %), посещать кинотеатр (40,3 %), дискотеки и бары (28,2 %), играть на компьютере (23,9 %), заниматься рукоделием (12,2 %). Конечно, человек сам решает, чем ему заниматься в свободное время. Однако выделить из бюджета времени от 4

до 6 часов в неделю на занятия оздоровительной физической культуры может каждый студент. Вероятнее всего первопричиной нехватки времени является неумение организовать режим дня, недостаточный уровень знаний по формированию культуры здоровья, отсутствие социальной потребности в здоровье и социальной установки на него.

Проблема гуманизации образования сегодня приковывает к себе всеобщее внимание. Важную роль в её решении призвана играть медико-биологическая подготовленность учителя. Медико-биологические познания поднимают уровень восприятия научной информации, формируют из обучающегося разностороннюю личность, нацеленную на самосохранение, самовоспитание и самообразование. На этой основе должно формироваться понятие о здоровом образе жизни, о необходимости исключения из неё факторов риска. Учитель, преподаватель-тренер обязаны формировать у детей, подростков личностные ориентации и убеждения об их здоровье как индивидуальной социальной ценности. В этом заключается важнейший социально-медицинский аспект педагогической деятельности.

Как показало включённое наблюдение, стандартизация медико-биологического блока подготовки учителя привела к профанации основ медицинских знаний. В анкете студентам было предложено оценить, полученный в вузе уровень подготовленности по профилактике социально значимых заболеваний. Большинство (42 %) респондентов оценили уровень подготовленности как недостаточный, 26,1 % – затруднились ответить. Только каждый третий студент (31,9 %) смог оценить свой уровень подготовленности по профилактике социально значимых заболеваний как достаточный.

Следовательно, в вузе необходимо повысить уровень социально-гигиенического просвещения, на научно-популярном уровне освещать аспекты заболеваемости в современном обществе (основные болезни сердечно-сосудистой системы, онкологические и инфекционные заболевания), приводящие к ранней инвалидности и смертности.

Справедливо мнение о том, что назрела необходимость пересмотра существующей системы воспитания, которая ориентируется в основном на сознание как главный рычаг управления поведением человека. В этой системе просветительские мероприятия рассматриваются как основа формирования ЗОЖ. Возвращаясь к определению понятия «здоровый образ жизни», как прежде всего поведения, направленного на сохранение здоровья, отметим, что поведение – это реальность субъективная, определяемая установками, системой ценностей и другими элементами диспозиции личности.

Традиционный подход к исследованию поведения молодёжи в сфере здоровья связан прежде всего с «профилактическими» видами поведения – посещением врача, занятиями физкультуры, соблюдением диеты и т. д. Выявление причин вредного для здоровья поведения позволяет выработать стратегию по его изменению, которая обычно базируется на модели убеждения человека. При этом изменение поведения рассматривается как результат следования мотивам, которые становятся в необходимый момент главными и воспринимаются как приносящие пользу здоровью.

Половина опрошенных студентов (50,2 %) хотели бы избавиться от своих вредных привычек. Они осознают, что соблюдение основных правил здорового образа жизни способствует сохранению здоровья. В первую очередь, для улучшения и сохранения здоровья студенты считают необходимым избегать нервных перегрузок (62,6%), затем следует правильно питаться (52,9 %), заниматься физическими упражнениями (44,1 %), соблюдать режим дня (38,7 %), своевременно обращаться к врачу (31,9 %), соблюдать гигиенические правила (16,4 %) и ежегодно проходить профосмотры (14,3 %).

Большинство опрошенных студентов (94,1 %) считают, что человек лично сам должен заботиться о своём здоровье. Однако только 6,3 % респондентов регулярно обращаются в медицинские учреждения с профилактической целью; каждый третий студент (36,9 %, из них 41,2 % – юношей, 35,3 % – девушек) отметил, что ведёт здоровый стиль жизни.

Роль семьи в формировании здоровья определяется, во-первых, тем какое состояние здоровья своих родителей индивид получает в наследство (и косвенно – родственников других поколений); во-вторых, как здоровье изменяется под влиянием материальных условий семьи (жилье, питание, величина дохода и пр.) и что, наконец, основной процесс формирования здоровья (поддержание определенных традиций, обучение навыкам заботы о здоровье и сохранение элементов санитарно-гигиенической культуры) происходит именно и прежде всего в семье.

Исследование выявило, что среди причин смерти ближайших родственников студентов на первом месте болезни сердечно-сосудистой системы (42,4 %), онкологические (24,4 %), болезни органов дыхания (6,7 %). Ни разу за последний год не болели 9,4 % отцов и 1,7 % матерей студентов; 1 раз – 39,8 % и 31,3 % соответственно; 2–3 раза – 35,1 % и 42,6 %; 4–5 раз – 5,8 % и 9,6 %; более 5 раз – 9,9 % и 14,8%. Курят 60,7 % отцов и 3 % матерей студентов.

Среди отклонений в состоянии своего здоровья студенты отметили заболевания органов пищеварения (34,0 %), заболевания глаз (28,7 %), заболевания сердечно-сосудистой системы (21,8 %), гинекологические заболевания (16,8 %), аллергические заболевания (14,4 %), заболевания костно-мышечной системы (12,8 %), заболевания нервной системы (11,7 %), заболевания мочеполовой системы (10,1 %), заболевания органов дыхания (9,6 %) и другие заболевания (6,9 %). К сожалению, каждый третий студент (29 %) имеет 2–3 заболевания. В предыдущем учебном году по болезни 66,4 % опрошенных студентов пропустили учебные занятия: до 3-х дней – 43,0 %, от 3-х до 10 дней – 43,7 %, свыше 10 дней – 13,3 %.

Очень важен для физического, и особенно психического благополучия студента психологический климат в семье, хорошие взаимоотношения между родителями. 84,5 % студентов считают психологическую атмосферу в семье доброжелательной, 10,1 % – напряжённо-конфликтной, 2,5 % – отчуждённой и 2,9 % респондентов отметили, что в семейных взаимоотношениях «всякое бывает».

Таким образом, основные ценностные ориентации студентов педагогического вуза прямо или косвенно связаны с различными компонентами здоровья.

Вместе с тем знания о доминирующем влиянии стиля жизни на здоровье, о вреде никотина и алкоголя у большинства студентов не переросли в убеждения, а высокая ценность здоровья – в мотивацию его сохранения. В связи с этим в профессиональной подготовке учителей необходимо усилить практические навыки по основам здорового образа жизни. Вместе с тем здоровый стиль жизни, являясь необходимой компонентой профессионального статуса учителя, способствует более высокой общей познавательной активности студентов, а также воспитанию убеждённости будущих специалистов в необходимости личного участия в решении проблемы здорового образа жизни населения, в частности детей и подростков.

Проведённое исследование показало, что большинство студентов-выпускников ПГПУ считают здоровье одной из главных ценностей жизни. Они воспринимают здоровье на уровне физического благополучия, и считают основным условием его сохранения отказ от вредных привычек, двигательный режим и правильное питание. Однако в ценностном сознании студентов не сформировано отношение к здоровью как к главной ценности, от которой зависит полноценная жизнь человека.

Решение вопроса формирования ценностного отношения студенческой молодёжи к здоровью и здоровому образу жизни непосредственно связано с проведением следующих мероприятий:

- активизацией социально-профилактической работы в вузе;
- организацией массовых физкультурно-оздоровительных мероприятий;
- разработкой механизмов поощрения здорового стиля жизни;
- оказание социально-медицинской помощи студентам группы риска;
- повышение уровня подготовленности по профилактике социально значимых заболеваний.

Формирование ценностного отношения к здоровью, детерминирующего здоровый образ жизни средствами обучения, воспитания и пропаганды, предполагает обращение не столько к когнитивной сфере, непосредственным мотивам сохранения здоровья, сколько к целому комплексу мотивационных подструктур, определяющих общую направленность личности. Это, прежде всего, мотивы отношения к труду, профессиональной деятельности, обусловливающие удовлетворённость работой; перспектива профессионального роста и мобильности; мотивы материального благополучия; избегания неуспеха, что особенно значимо для лиц с заниженной самооценкой; стремление к расширению круга общения; достижение социального престижа; повышение социального статуса, самооценки; самосовершенствование.

Только во взаимосвязи всех участников учебно-воспитательного процесса в вузе можно по-настоящему решить проблему приобщения студенческой молодёжи к здоровому стилю жизни и ценностному отношению к здоровью.

С. В. Петрунина
Пензенский государственный
педагогический университет им. В. Г. Белинского

РАЗВИТИЕ ФИЗКУЛЬТУРНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНЫХ И СПОРТИВНЫХ КЛУБОВ ДЛЯ ИНВАЛИДОВ И КАТЕГОРИЙ ЛЮДЕЙ С РАЗЛИЧНЫМИ ОТКЛОНЕНИЯМИ В РОССИИ

Одним из главных направлений развития физической культуры и спорта инвалидов является развитие сети физкультурно-оздоровительных и спортивных клубов. Эта форма организации физкультурно-спортивной работы обеспечивает регулярность в занятиях физической культурой и спортом инвалидов.

В целях стимулирования развития сети физкультурно-спортивных клубов инвалидов Госкомспорт России ежегодно проводит Всероссийский смотр-конкурс на лучшую организацию физкультурно-оздоровительной и спортивной работы среди инвалидов. Целенаправленная работа по расширению сети физкультурно-спортивных клубов инвалидов в России способствует увеличению их численности. Так, за последние пять лет количество таких клубов в РФ увеличилось в два раза и составляет в настоящее время 688, а численность занимающихся адаптивной физической культурой и спортом выросла в три раза и составляет сегодня более 95,8 тыс. человек. Наиболее активно развивается адаптивная физическая культура и спорт в республиках Башкортостан, Татарстан, Коми, Красноярском крае, Волгоградской, Саратовской, Московской, Омской, Пермской, Ростовской, Воронежской, Свердловской, Челябинской областях, в Москве и Санкт-Петербурге.

По инициативе Тульского областного спорткомитета и Комитета социальной защиты населения создано государственное учреждение «Физкультурно-оздоровительный клуб инвалидов». Это первое учреждение физкультурно-оздоровительной направленности для инвалидов в Тульской области. В начале в клубе были созданы группы оздоровительного плавания и настольного тенниса с целью привлечения инвалидов к активным занятиям спортом и физической культурой. Чтобы изменить сознание этой категории людей, проводились спортивные праздники, областные спартакиады для взрослого населения, снимались телепрограммы с участием инвалидов-спортсменов, печатались публикации и проводились выступления по радио.

Все это позволило уже через год открыть дополнительные группы по пауэрлифтингу и армспорту. Сборная команда Тульской области принимала участие в чемпионатах России по бадминтону и дартсу.

В 1997 году количество членов клуба увеличилось до 120 человек. Появились первые призеры чемпионатов России по настольному теннису, шашкам, шахматам, пауэрлифтингу.

В 1997 году проведена Первая межрегиональная спартакиада спортсменов-опорников, на которую приехали команды из Москвы, Ростова-на-Дону, Московской области, Орла, Санкт-Петербурга. Стало традицией проводить межрегиональные спартакиады ко Дню физкультурника и Дню инвалидов, спортивные праздники для детей-инвалидов. Ежегодно увеличивается количество занимающихся в спортивных секциях. Если в 1996 году плаванием занимались только взрослые 2 раза в неделю, то уже в 1998 году была открыта дет-

ская спортивная группа, занятия стали проводиться ежедневно по два часа. Организован ежегодный набор детей на плавание в возрасте от 4 лет.

Не обделены вниманием и люди в инвалидных колясках. Помимо участия в Спартакиадах, ежегодно в День города для них устраиваются гонки на колясках с вручением памятных подарков.

В Туле неоднократно проводились чемпионаты и первенства России по плаванию, легкой атлетике, настольному теннису, шахматам.

Сборная команда Тульской области занимает лидирующее положение на чемпионатах России по плаванию, за годы работы подготовлено 4 мастера спорта по плаванию, 12 кандидатов в мастера спорта. Члены клуба неоднократно становились призерами и победителями чемпионатов России по плаванию. С 2001 года проводится традиционный турнир по плаванию «Рождественские встречи».

Успешно выступают на соревнованиях различного ранга теннисисты. В 2000 году Сергей Кравцов стал чемпионом России, в 2001 году Жанна Архипова завоевала титул чемпионки мира среди спортсменов с ДЦП. Владимир Макарищев является неоднократным призером и чемпионом России и международных соревнованиях по армспорту, Юрий Холюшкин –неоднократный призер России по пауэрлифтингу.

В 2002 году «Физкультурно-оздоровительный клуб инвалидов» выполнил свою задачу и преобразовался в «Спортивно-реабилитационный центр инвалидов». За эти годы число занимающихся в секциях увеличилось до 328 человек. Были открыты 4 филиала в городах Тульской области, планируется открытие еще двух.

Входит в практику Центра и проведение соревнований в домах-интернатах и домах инвалидов в городах Тульской области.

К работе в Центре привлекаются только профессиональные кадры.

Опыт работы Свердловского областного спортивного клуба инвалидов «Родник» демонстрирует возможности сотрудничества с государственными органами и управления физкультурой и спортом, образования, социальной защиты. Клуб был создан в августе 1991 года в целях осуществления координации и объединения усилий государственных учреждений и общественных организаций, призванных заниматься вопросами физического воспитания инвалидов. За последние три года проведено 22 чемпионата области по 10 видам спорта, в которых приняло участие более 12 тыс человек. Ежегодно ведущие спортсмены клуба участвуют в 10–12 чемпионатах России, занимая высокие места. Среди них Павел Уханов – ЗМС по легкой атлетике, победитель Сурдолимпийских игр; Дмитрий Знаменщиков – ЗМС по спортивному ориентированию, чемпион мира среди глухих спортсменов; Олег Шабашов – МСМК по борьбе дзюдо среди глухих спортсменов, бронзовый призер Паралимпийских игр; Анна Бурмистрова – МСМК по лыжным гонкам, трехкратная чемпионка мира среди спортсменов с поражением опорно-двигательного аппарата; Артем Арефьев – МСМК по легкой атлетике, двукратный чемпион Европы; Наталья Медведева – МС по плаванию, семикратная чемпионка России. Сборная команда по сидячему волейболу – трехкратные чемпионы России. 46 спортсменов поднимались на

высший пьедестал чемпионата России. За последнее время в клубе подготовлено 4 ЗМС, 5 МСМК, 18 МС, 20 КМС.

В Москве в рамках программы «Спорт для всех» при активном содействии городской федерации инваспорта серьезное внимание уделяется вопросам оздоровления и реабилитации всех категорий. В Москве действуют 75 спортивных клубов инвалидов, в которых занимаются 18,7 тыс. человек. Для них регулярно проводятся чемпионаты города, различные открытые турниры и фестивали спорта. Так, среди инвалидов по слуху были организованы и проведены соревнования по волейболу, баскетболу, шахматам, армспорту, плаванию, настольному теннису, хоккею с шайбой, легкой атлетике, футболу. Среди инвалидов с поражением опорно-двигательного аппарата – по пулевой стрельбе, лыжно-санному спорту, настольному теннису, плаванию, шашкам, шахматам, дартсу, армспорту. Всего для этой категории москвичей было проведено свыше 200 соревнований по 26 видам спорта.

По данным статистической отчетности за 2002 год, на территории Московской области работает 39 (2001 г.– 30) спортивных клубов инвалидов с общим охватом занимающихся 1864 человек. В числе 72 областных федераций по видам спота есть и федерация инвалидного спорта.

В 2003 году спортсмены и команды инвалидов г. Королева приняли участие в 11-ти спортмероприятиях и завоевали 4 золотые, 4 серебряные и 6 бронзовых медалей. Спортивный клуб инвалидов «Риск» г. Реутова насчитывает 25 человек. Членами клуба являются люди с поражением опорно-двигательного аппарата. Клуб решает также социальные вопросы своих членов – оплату поездок и их лечение. В Коломне проведены чемпионаты России по футболу среди мужчин и женщин, а также отборочный матч чемпионата Европы между сборными России и Франции среди инвалидов по слуху. В городе прошел первый чемпионат России по футзалу среди детей-инвалидов по слуху. В клубе инвалидов имеется помещение, приспособленное под тренажерный зал. Для детей-инвалидов организованы занятия бадминтоном и спортивными танцами.

В Щелковском районе большое внимание уделяется работе с людьми, имеющими отклонения в физическом и умственном развитии. В структуре Комитета по физической культуре, спорту и туризму работает муниципальное учреждение – физкультурно-спортивный клуб инвалидов «Спартанец» по социально-реабилитационной работе с инвалидами.

В Волоколамском районе работает уникальная школа реабилитации слепых, где проходят программные занятия по физической культуре. Школа имеет специализированный зал для проведения учебно-тренировочной работы среди инвалидов.

Социальной поддержкой инвалидов средствами физкультуры много занимаются в Химкинском районе. Тренировочный процесс с детьми-инвалидами проводится по плаванию, легкой атлетике, спортивным танцам, ОФП. Здесь работают с детьми, имеющими следующие заболевания: ранний детский аутизм, бронхиальная астма, ДЦП, задержка психомоторного развития, врожденные

аномалии кистей, фенилкетонурез, детская шизофрения, олигофрения, нарушение слуха.

Во Владимирской области работает 25 спортивных секций, в которых занимаются 200 человек, действует 12 групп здоровья, которые посещают 74 человека. Работают 2 инструктора-методиста и 2 специалиста по спортивной реабилитации. Существует региональная программа «Комплекс мер по социальной защите населения Владимирской области». В разделе программы «Мероприятия по реабилитации инвалидов» предусмотрено проведение спортивных мероприятий по реабилитации инвалидов средствами физической культуры и спорта.

В Ивановской области при Управлении физической культурой и спортом работает областной физкультурно-спортивный клуб инвалидов «Воля», общественный совет по физической реабилитации и социальной адаптации детей-инвалидов.

В Калужской области активно работают физкультурно-оздоровительные клубы инвалидов. Лучший из них – муниципальное учреждение «Физкультурно-оздоровительный клуб инвалидов».

В Костроме создан реабилитационный центр – социально-оздоровительный клуб инвалидов «Надежда», который средствами физической культуры и спорта занимается реабилитацией инвалидов. Клуб имеет 14 филиалов в городах и районах области. Работают 24 тренера, из них 14 имеют высшую категорию, 6 – отличники физической культуры и спорта, 1 – заслуженный работник физической культуры. Центр работает по региональной программе «Дети-инвалиды». Имеет тренажеры для занятий ЛФК, тренажер «Гросса» – для занятий с детьми, имеющими тяжелую форму ДЦП. В спортивном зале клуба «Ровесник» с инвалидами ведут учебно-тренировочные занятия по бадминтону, настольному теннису, ОФП. Всего в спортивных секциях для инвалидов занимается 512 человек.

В Орловской области оздоровительную работу среди инвалидов проводит реабилитационно-спортивный центр, который является учебным заведением, а также областным центром по организации реабилитации инвалидов средствами физической культуры и спорта независимо от возраста и специфики инвалидности. В настоящее время в Центре обучаются 320 инвалидов, работают клубы в городах Болхове, Ливнах, Ливенском, Свердловском, Орловском районах. Функционируют 7 отделений с 31 группой по различным видам спорта.

В Рязанской области работают 3 спортивно-оздоровительных клуба инвалидов. В последнее время внимание к развитию физической культуры и спорта среди инвалидов усиливается, в городах и районах создаются физкультурно-спортивные объединения инвалидов по видам спорта.

С 1993 года в Смоленской области работает ассоциация инвалидов. Создано 6 клубов для занятий физической культурой и спортом, в которых занимается 456 человек.

В Тверской области активно развивается спорт среди инвалидов по слуху.

В Ярославской области численность занимающихся в секциях и группах для инвалидов возросла в 2002 году до 930 человек. В Ярославле работу с людьми с ограниченной двигательной активностью проводят: физкультурно-спортивный клуб инвалидов «Дружба» и спортивно-оздоровительный клуб «Соратник», в которых занимается более 600 спортсменов-инвалидов по 9 видам спорта: настольный теннис, дартс, армспорт, тяжелая атлетика, плавание, шахматы, конный спорт, легкая атлетика, лыжные гонки. Для реабилитации и социальной адаптации людей с физическими отклонениями город располагает двумя физкультурно-оздоровительными диспансерами, базами отдыха спортивных клубов и предприятий, медицинскими работниками в муниципальных учреждениях дополнительного образования.

В Приморском крае работают 6 клубов по физической культуре и спорту для инвалидов, в секциях и группах занимается 425 человек, что на 83 человека больше по сравнению с 2001 годом.

В Республике Саха (Якутия) действует 4 общественных спортивных объединения инвалидов. Специализированные ДЮСШ в республике отсутствуют.

Для активного привлечения инвалидов по слуху к регулярным занятиям физкультурой и спортом в Волгоградской области создано региональное отделение Российского спортивного союза глухих. Работают спортивные секции и группы оздоровительной направленности по волейболу, настольному теннису, дартсу, шахматам, шашкам, армспорту, футболу, плаванию, пулевой стрельбе, легкой атлетике на колясках, лыжному спорту, конькобежному спорту с числом занимающихся 735 человек, из них 280 детей-инвалидов.

В Калининградской области имеется 2 спортивных клуба инвалидов (в г. Светлый, Калининград), в которых занимаются физической культурой и спортом 111 человек, в г. Полесске функционирует детский дом инвалидов, занятия по физической культуре там посещают 130 детей-инвалидов.

В марте 2000 года в г. Мурманске открыт первый в области физкультурно-оздоровительный клуб адаптивной физической культуры «Оптимист», который пользуется большой популярностью.

В Новгородской области работает 6 общественно-спортивных клубов для инвалидов. Разработана программа реабилитации инвалидов средствами физической культурой и спорта. Основная проблема в работе с инвалидами – нехватка специализированных спортивных сооружений для учебно-тренировочных занятий.

В Псковской области работают областной физкультурно-оздоровительный клуб инвалидов «Надежда», реабилитационный центр детей-инвалидов и подростков с ограниченными возможностями, в которых занимаются 1133 человека. Основные направления работы – организация занятий в физкультурно-оздоровительных группах и спортивных секциях по видам спорта, проведение спартакиад, праздников здоровья, туристических слетов, спортивных фестивалей инвалидов.

В Сегежском районе (Республика Карелия) создан физкультурно-оздоровительный клуб инвалидов, дающий возможность общаться и поддержи-

вать здоровье этой категории населения. Им представляется плавательный бассейн, тренажерный зал, работает шахматно-шашечный клуб, секция настольного тенниса. Проводится Олимпиада «Движение за здоровьем», в программе которой кроме названных видов спорта соревнования по спортивному рыболовству, водный праздник, конкурс рисунков на спортивную тематику.

В Курганской области работают спортивно-реабилитационный клуб «Ахиллес», общественная организация Курганский областной клуб инвалидов «Оптимист», Курганская региональная общероссийская общественная благотворительная организация помощи инвалидам с умственной отсталостью «Специальная Олимпиада России», городской клуб инвалидов. В г. Шадринске при Зауральском колледже физической культуры и здоровья открыто три отделения по реабилитации инвалидов.

В городах и районах Ханты-Мансийского АО работают 12 специализированных клубов, систематически посещают спортивные секции и занятия ЛФК 370 человек. В городе Нижневартовске в СК «Нефтяник» проводится работа по организации обучения плаванию детей-инвалидов, также работает группа с инвалидами по зрению – 20 человек. В городе Ханты-Мансийске СК «Спарта» является центром для инвалидов, в нем работают секции по шахматам, шашкам, настольному теннису, дартсу, ЛФК. В 2001 году в городе было организовано 14 соревнований среди инвалидов.

В Челябинской области работают 14 клубов по физической культуре и спорту для инвалидов с общим числом занимающихся 718 человек. Основным в работе с инвалидами является областной реабилитационно-физкультурный центр «Импульс», созданный в 1990 году, который объединяет 300 человек. Главная задача центра – привлечение инвалидов и членов их семей к регулярным занятиям физической культурой и спортом, для чего организованы и работают секции по шахматам, плаванию, волейболу, баскетболу и др.

В Республике Башкортостан функционируют республиканские физкультурно-спортивные клубы «Идель» (инвалиды с ПОДА), спортивно-реабилитационный центр «Луч» и спортивный клуб им. Казакова (инвалиды по зрению), Союз глухих спортсменов.

В Нижегородской области с инвалидами работает целый ряд спортивных организаций по реабилитации инвалидов средствами физической культуры и спорта. Активную работу в этом направлении проводит Научно-исследовательский и социально-педагогический институт валеологии и экологии человека Нижегородской архитектурно-строительной академии, Нижегородская общественная организация Всероссийского общества инвалидов. Однако в области отсутствует единый областной физкультурно-спортивный клуб инвалидов и в районах нет регулярной учебно-тренировочной работы с инвалидами. Исключениями являются клуб «Вера», ДЮСК «Маяк», а также ДЮСК «Сормович» и ДЮСШ по плаванию.

В Пермской области работают 11 клубов по физической культуре и спорту среди инвалидов.

В Республике Татарстан определенную работу по организации здорового образа жизни, привлечению к занятиям физической культурой и спортом

ФСО инвалидов. Работа направлена на социальную адаптацию и интеграцию в общество, как взрослых, так и детей.

В Самарской области работает областная федерация спортсменов-инвалидов всех категорий для реабилитации инвалидов средствами физической культуры и спорта, учредителями которой являются департаменты физической культуры и спорта и социальной защиты населения Администрации области. Под ее руководством функционируют 17 физкультурно-оздоровительных клубов инвалидов, в которых занимаются 2941 человек.

В Удмуртской республике функционирует 3 спортивных клуба для инвалидов, в которых занимаются 190 человек. Проводятся первенства Удмуртии по различным видам спорта. Дважды на территории республики проводилась спартакиада инвалидов по интеллекту. Команда футболистов является одной из сильнейших команд в России, а братья Кузнецовы входят в состав сборной команды страны.

В Ульяновской области работают 4 клуба инвалидов с охватом 165 человек.

В Алтайском крае работают спортивные клубы Барнаула: «Инваспорт», «Алтай», «Инв-ЭСКО-Спорт». За последние два года созданы клубы в Бийске, Заринске и Рубцовске.

В Республике Бурятия в 15 сельских районах, а также в Улан-Удэ действуют спортивные клубы и секции. В республике существуют 6 спортивных клубов и 13 секций.

В Кемеровской области официально зарегистрированы два клуба по работе с инвалидами: футбольно-спортивный клуб «Сибиряк» и «Старт», в которых проводится работа по реабилитации инвалидов различных категорий.

На территории Красноярского края работает 16 клубов для инвалидов с охватом 1066 человек. Квалифицированных кадров по работе с инвалидами не хватает. Большая часть клубов не имеет своей спортивной базы и работает в вечернее время на базе спортивных залов общеобразовательных школ.

В Омской области функционирует 3 физкультурно-спортивных клуба инвалидов: «Омич», «Фортуна» и «Эгида», в которых работают 10 тренеров-преподавателей. С 1997 года действует Областная федерация инвалидного спорта.

В Томской области клубов по физической культуре и спорту среди инвалидов, имеющих юридический статус, нет. Однако, успешно продолжает свою работу клуб молодых инвалидов «Преодоление» г. Северска. Это общественная организация объединяет более 400 человек, имеет свое здание.

В Краснодарском крае краевой спортивный клуб инвалидов «Искра» осуществляет методическое и практическое руководство, а также координацию работы организаций физкультурно-оздоровительной направленности для инвалидов в городах и районах края.

В Ростовской области функционирует региональная общественная организация физкультурно-спортивный клуб инвалидов «Скиф» с филиалами в различных городах. Работают 72 секции и 60 групп по 10 видам спорта. Работает областная федерация инвалидного спорта.

Анализ деятельности спортивных клубов, созданных в различных регионах России, показывает, что в стране активно идет процесс становления клубного движения спорта инвалидов. К сожалению, до настоящего времени многие клубы испытывают серьезные проблемы нехватки спортивных сооружений, отсутствия необходимого спортивного инвентаря, дефицита профессионально подготовленных кадров.

Особое внимание Госкомспорт России уделяет вопросам создания детско-юношеских спортивно-оздоровительных школ инвалидов (ДЮСОШИ). С каждым годом их количество растет. В настоящее время такие школы созданы в Москве, Воронеже, Саратове, Туле, Красноярске, Омске и других городах.

Заслуживает внимания опыт работы спортивной школы инвалидов в Саратовской области.

Работа в школе начиналась с оздоровления и обучения плаванию 71 ребенка-инвалида. В настоящее время функционирует 12 отделений, где постоянно занимаются плаванием, настольным теннисом, пулевой стрельбой, легкой атлетикой, дартсом, верховой ездой 540 детей.

Учебно-тренировочный и соревновательный процесс проходит под постоянным контролем врачей, психолога школы и реабилитологов службы медико-социальной экспертизы министерства труда и социального развития области.

На учебно-тренировочных занятиях, которые проводятся на арендуемых спортивных сооружениях Саратова и области (6 плавательных бассейнов, 4 тира, 10 стадионов и спортивных залов).

В Воронежской области в 1999 году создана детско-юношеская школа адаптивной физической культуры инвалидов. Занятия в школе с детьми-инвалидами в этой школе организованы по 12 видам спорта.

В Республике Марий Эл разработана «Республиканская целевая программа «Дети-инвалиды»», согласно которой ведется вся работа.

В городе Петропавловске-Камчатском функционирует ДЮСШ по паралимпийским видам спорта. В школе обучаются дети с различными поражениями опорно-двигательного аппарата по таким видам спорта, как горные лыжи, плавание, силовое троеборье.

В городах и районах Приморского края большое внимание уделяется занятиям с детьми-инвалидами. В п. Черниговка совместно с управлением социальной защиты организован детский клуб «Мечтатель», в с. Спасское функционирует реабилитационный оздоровительный центр «Улыбка».

В Мурманской области общественная организация «Олимп» работает с детьми с нарушением умственного развития.

В Курганской области на факультете реабилитации и физического воспитания детей-инвалидов и сирот при Зауральском колледже физической культуры и здоровья работа организована по программе «Образование и здоровье», основным направлением которой является реабилитация и физическое воспитание детей-инвалидов и сирот. Эта программа включает:

- Обследование детей из районов.

- Физкультурно-оздоровительную и спортивную работу с детьми, имеющими различные патологии.
- Профессиональную подготовку специалистов для работы с детьми-инвалидами.

В 2001 году факультет реабилитации и физического воспитания инвалидов и сирот при колледже преобразован в физкультурно-образовательный Центр реабилитации инвалидов.

В Свердловской области в г. Верхняя Пышма в секциях самбо и дзюдо занимаются учащиеся школы-интерната для слабовидящих детей.

В Ростовской области работает государственное образовательное учреждение дополнительного образования спортивной направленности для инвалидов – Ростовская областная детско-юношеская спортивная школа инвалидов № 27, в которой занимаются 254 человека.

В последние годы повсеместно идет процесс создания таких школ. Однако потребность в них значительно превосходит имеющийся на сегодня уровень обеспеченности.

В нашей стране все чаще стали наблюдаться такие общие тенденции в состоянии здоровья подростков и молодежи:

- рост числа общей заболеваемости подростков;
- рост количества психических заболеваний у подростков;
- рост числа с дисгармоничным развитием;
- резкий рост дезадаптации подростков, которая проявляется в девиантных формах поведения.

С целью сохранения здоровья подростков и молодежи в Смоленске был создан волонтерский клуб «Альтернатива» в 2001 г. (Н. В. Косарева, П. Л. Дрибинский, А. Г. Семенова, 2004). Деятельность «Альтернативы» организована по принципу «равный – равному», что позволяет за счет возрастной близости волонтеров и подростков достичь качественного усвоения передаваемых знаний в процессе обучения. Смысл такого рода деятельности заключается в формировании у молодых людей осознания ценностного аспекта собственного здоровья и необходимости его сохранения, негативного отношения к употреблению алкоголя, наркотиков, курению. Данный вид работы способствует осознанию подростками и молодежью важности ведения здорового образа жизни, стремлению молодых людей сохранить собственное здоровье и тем самым сберечь здоровье своих будущих детей.

Известно, что лица, приверженные к алкоголю, наркомании, часто испытывают в связи с этим низкую самооценку и высокий уровень депрессии.

Большинство исследований на эту тему фокусируются на том, какие упражнения могут снять депрессию, беспокойство, распространенные среди алкоголиков и наркоманов. Считается, что механизм действия этого терапевтического эффекта заключается в увеличении эндоморфинов. Эндоморфины играют центральную роль в получении чувства удовольствия, вызываемого аэробическими упражнениями от средней до высокой интенсивности. Исследования показали, что эндоморфины могут уменьшать депрессию, тревогу, агрессию, на-

пряжение (McArcle W. D., 1996). Благодаря кардио-респираторной стимуляции с помощью аэробических упражнений можно уменьшить влечение к наркотикам и тревожность (Smith D. E., 1984). Анаэробические упражнения также могут давать аналогичный эффект (Palmer J. A., 1995). Некоторые авторы считают, что физические упражнения уменьшают рецидив заболевания (Turner D. G., 2001).

Как считает Т. С. Лисицкая (2004), инструкторам и тренерам по фитнессу необходимо быть осторожными при разработке программ для данной категории людей. Например, наркозависимые и алкогольнозависымые лица обладают повышенной чувствительностью к стрессу, включая физические упражнения.

При разработке программ для наркоманов профессиональные инструкторы должны принимать во внимание два типа занимающихся: тех, которые принимают наркотики, и тех, которые преодолели наркотическую зависимость. Каждому типу подбираются различные физические упражнения. Внимательно следует относиться к составлению тренировочных программ для людей с алкогольной зависимостью. Например, алкоголикам с циррозом печени противопоказаны любые упражнения, тогда как больные с более легкой стадией осложнения могут получить пользу при увеличении физической активности.

Примерная программа учебно-тренировочного занятия: продолжительность – 45 мин, 5 мин – техника безопасности и техника выполнения упражнений, задач. 10 мин – разминка, кардио и силовые блоки (20 мин), 10 мин – заключительная часть (упражнения с низкой интенсивностью, на расслабление, элементы йоги).

В Красноярской краевой специализированной спортивной школе инвалидов для профилактики наркомании и формирования здорового образа жизни, особенно лиц с ограниченными возможностями, разработана специальная программа. Она включает в себя две ступени:

первая – «Будьте здоровы» – для учащихся 8 – 12 лет;

вторая – «Умей сказать «нет!» – для учащихся 13 – 20 лет.

Главная задача этой программы – научиться беречь и сохранять свое здоровье, избегать употребления наркотических препаратов. Программа включает широкую систему социальных мероприятий по антинаркотической пропаганде: беседы, лекции, дискуссии, деловые и ролевые игры, «круглый стол» – обсуждение, конкурс рисунков.

Для учащихся 8 – 12 лет подготовлены: ролевые игры «Здоровье и нездоровье» и «Советы Золушки», дискуссии «Чему не стоит учиться», лекция «Великие волшебники» (о закаливании организма), конкурс рисунков «Мы рисуем страну Здоровья»; для учащихся 13 – 20 лет – деловая игра «С кем стоит встречаться», беседа «Суд над героином», диспут «Рассудите нас, люди», конкурс рисунков «Мое отношение к наркотикам», выпуск стенгазет «Антиреклама наркотикам» и «Никогда не буду наркоманом».

В результате проводимой работы в спортивной школе Красноярска не выявлено учащихся, употребляющих наркотики и состоящих на учете в инспекции по делам несовершеннолетних. Спортивно-массовые соревнования и

физкультурно-оздоровительные мероприятия призваны повышать статус физической культуры и спорта среди детей, подростков и молодежи. Систематическое участие в соревнованиях, товарищеских играх расширяет круг общения детей с патологией в здоровье, снимает изоляцию, способствует накоплению социального опыта.

Т. Щеглова, Н. Комратова
(Научный руководитель Г. Ю. Козина)
Пензенский государственный
педагогический университет им. В. Г. Белинского

ЗДОРОВЬЕ В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Человек в своей жизни добивается успехов исключительно путем эксплуатации своего здоровья. Вместе с тем в системе жизненных ценностей человека *здоровье не занимает должного места*. По данным некоторых исследований, ему отводится лишь 3–4 место. Здоровье, а, следовательно, и долголетие человека на 50–70 % зависит от образа его жизни и только на 8–12 % – от уровня здравоохранения. Имеется в виду, что образ жизни должен быть здоровым.

Что за этим понятием стоит? Здоровый образ жизни – это внимательное и грамотное отношение к своему здоровью, ровное и разумное поведение, рациональное питание, занятия физкультурой, отказ от курения; упорядочение приема алкоголя, закаливание, дружба с природой. Стандарты здорового образа жизни известны и доступны пониманию. Они получили отражение в традициях и обычаях, пословицах и поговорках, религиозных поучениях и этнопедагогике. О них написаны многочисленные медицинские рекомендации. Но человек индивидуален. Не каждый способен загореться идеей, увидев в ней свой личный интерес. К тому же современная цивилизация то и дело предлагает иные варианты для жизни, и человек все дальше уходит от природы и своей, и окружающей. Урбанизация, искусственные материалы для жилья и одежды, синтетические лекарственные препараты и пища все агрессивнее вторгаются в жизнь человека. А в итоге – стрессы, аллергизация, иммунодепрессия, рост раннего склероза сосудистой системы мозга, сердца и других органов, психических, онкологических, желудочно-кишечных заболеваний, остеопорозов, остеохондрозов, сахарного диабета и других патологий. Все это кажется вполне достаточным поводом для того, чтобы человек осознал необходимость понимания удручающего состояния своего здоровья.

В последние годы приемные комиссии многих государственных и муниципальных образовательных учреждений столкнулись с проблемой физического и психического здоровья абитуриентов, которое входит в число наиболее существенных характеристик наряду с социально-демографическими, социально-стратификационными. Здоровье молодого человека определяет уровень, на который он выйдет и как индивид, и как личность.

Однако на этапе вступительных испытаний очень сложно разобраться в истинном состоянии здоровья абитуриентов. Создавшееся положение объясняется резким снижением уровня физического и психического здоровья выпускников общеобразовательных учреждений не только вследствие распространения социальных болезней, но и увеличения числа хронических заболеваний и неврозоподобных реакций; недостоверностью информации в типовых медицинских справках, предъявляемых в приемные комиссии; несвоевременностью внесения изменений в перечень противопоказаний для обучения в профессиональной школе по состоянию здоровья; недостаточной информированностью преподавательских коллективов о состоянии здоровья подростков; отсутствием в штате образовательных учреждений медицинских кадров; низкой гигиенической культурой абитуриентов, обусловливающей возможность их инфицирования в периоды проживания в общежитии при обучении на подготовительных курсах и вступительных испытаниях.

Юношеский (ювенальный) возраст (17–21 год) представляет собой особый период в онтогенезе человека: происходит завершение роста тела в длину, стабилизируется наступившая половая зрелость, наиболее четко проявляются гено- и фенотип. По времени данный период совпадает с окончанием средней школы и началом обучения в вузе. Здоровье становится особо необходимым условием успешной учебной деятельности в начальный период адаптации организма студентов к вузовским нагрузкам. Однако только 30–40 % поступающих в вузы являются здоровыми.

С целью выяснить место здоровья в системе ценностей современной молодежи, мы провели исследование. Результаты этого исследования позволят наметить практические меры по формированию здорового образа жизни студенческой молодёжи и совершенствованию организации физкультурно-оздоровительной работы в вузе. В ходе исследования мы использовали методы анкетного опроса, экспертных оценок и анализ научных публикаций.

В опросе участвовало 70 студентов 1-го курса ФССР. Такой выбор респондентов оправдан тем, что основная гипотеза исследования базировалась на предположении, что в иерархии ценностей современной молодёжи здоровье не занимает достойного места.

Признание важности проблемы непосредственно связано с самооценкой здоровья. Как ни парадоксально, здесь прослеживается обратная зависимость. Так, 58,6 % (41 чел.) опрошенных оценивают состояние своего здоровья как удовлетворительное. При этом лишь 8,6 % (6 чел.) регулярно обращаются в медицинские учреждения с профилактической целью. Подавляющее же большинство респондентов, а это 75,6 % (53 чел.), обращаются в медицинские учреждения лишь в случае серьёзных заболеваний. Большинство участников опроса (68 % – 48 чел.) считают, что главным фактором, отрицательно влияющим на здоровье, являются стрессы, 37,1 % (26 чел.) уверены, что это экологическая обстановка в районе проживания и 20 % (14 чел.) придерживаются мнения, что это условия учёбы. Тревогу вызывает то, что студенты при ответе на этот вопрос пренебрегли такими вариантами ответов, как употребление наркотиков, алкоголя и табакокурение. Более того, подавляющее большинство опрошенных,

а это 56 чел. из 70 употребляют алкогольные напитки. При этом, отвечая на вопрос «Знаете ли Вы, какой вред здоровью наносит алкоголь?», все они ответили утвердительно. В такой ситуации порадовать может лишь тот факт, что сегодняшние первокурсники предпочитают пиво, коктейли и вино крепким спиртным напиткам.

Анализ здоровья в качестве жизненной ценности может быть дополнен изучением мнений студентов о содержательных характеристиках здорового образа жизни. Представление о нём для двух третей респондентов связано с отказом от вредных привычек. Более половины опрошенных ассоциируют такой образ жизни с систематическими занятиями физическими упражнениями. При ответе на вопрос «Как Вы считаете, ведёте ли Вы здоровый образ жизни?» мнения разделились следующим образом: 20 чел. уверены, что они ведут здоровый образ жизни, 24 чел. решили, что их образ жизни не соответствует здоровому, и почему-то подавляющее большинство (26 чел.) затруднились ответить на этот вопрос. Судя по ответам на остальные вопросы анкеты, выбор варианта «Затрудняюсь ответить» связан с тем, что у студентов нет чёткого представления о понятии здоровый образ жизни. Несмотря на эту трудность, первокурсники не растерялись при ответе на вопрос «Что мешает Вам вести здоровый образ жизни?». Почти 33 % (23 чел.) решили, что это недостаточная сформированность культуры здорового образа жизни, а 20 % (14 чел.) не умеют удовлетворять свою потребность в отдыхе. Из этого следует сделать вывод, что необходимо принять соответствующие меры по формированию здорового образа жизни, совершенствованию организации физкультурно-оздоровительной работы в вузе и формированию культуры отдыха студентов.

Этим мы не хотим сказать, что современная молодёжь должна вести затворнический образ жизни. Посещение ночных клубов, молодёжные вечеринки – это неотъемлемый атрибут студенческой жизни, но и впадать в крайности тоже не следует. Студенты должны понять, что весело может быть не только в ночных клубах или после принятого n-ого количества алкоголя. Помимо этого существуют и другие формы проведения досуга, не менее интересные и полезные. В нашем вузе слаженно и организованно проводится эта работа. Заключается она в регулярном проведении различных оздоровительных и спортивных мероприятий, культурно-массовых мероприятий (КВН, студвесна, различные фестивали, концерты). Всё это помогает интеграции молодёжи, открывает новые грани общения, учит их работе в коллективе, развивает их талант. Но и это ещё на всё. В вузе уже 45 лет существует ФДПП, где студенты по собственному желанию приобретают новые специальности, которые им пригодятся в жизни.

Всё это доказывает, что правильное сочетание видов отдыха позволит интересно жить и при этом оставаться здоровым. Обратимся к вопросу анкеты «Какие из перечисленных ценностей для Вас наиболее значимы?». Ответы респондентов на этот вопрос полностью доказывают нашу гипотезу. Здоровье в системе ценностей молодёжи находится лишь на 6-ом месте после семьи, любви, образования, друзей и материального благополучия.

Подводя итоги нашего исследования, мы пришли к следующим выводам. Здоровье в системе ценностей современной молодежи не занимает достойного

места. По нашему мнению, необходимо осознать, что даже разумно поставленное нравственное, умственное и физическое воспитание, правильно организованное общее и профессиональное образование достигают результатов только тогда, когда обучающиеся физически и психически здоровы.

В наше время состояние здоровья молодых людей является государственной проблемой. Снижение уровня здоровья молодежи необходимо рассматривать как одну из причин, подрывающих безопасность страны.

IV. ТЕОРИЯ И ТЕХНОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

А. Б. Тугаров
Пензенский государственный
педагогический университет им. В. Г. Белинского

КОМПАРАТИВНЫЙ ПОДХОД К МОДЕЛЯМ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ НАСЕЛЕНИЮ

Модели социальной помощи населению предполагают определенное содержание практической социальной работы, методы и формы содействия нуждающимся в социальной помощи, а также профилактику кризисов, возникающих в жизни клиентов. При этом социальная помощь рассматривается не в универсально-теоретическом значении как явления общественной жизни, а в конкретно-научном смысле – как проявления профессиональной деятельности социальной работы.

В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова слово «модель» употребляется в следующих значениях: 1. Образец для изготовления чего-нибудь; 2. Уменьшенное (или в натуральную величину) воспроизведение или схема чего-нибудь.[1.] Являются ли, в таком случае, европейские модели социальной помощи *образцом* для организации социальной помощи населению в современной России? Скорее всего, нет. Такой ответ следует не только из изучения соответствующей аналитической литературы, но и из личного опыта знакомства (иногда фрагментарного, иногда подробного) с деятельностью учреждений социальной защиты кантона Берн (Швейцария), коммуны Янаккала, в районе г. Хамеенлинна (Финляндия), муниципалитета Лутраки-Перахора (Южная Гре-

ция), ахунтамента Калелла, в районе г. Барселона (Испания), уезда Пярну (Эстония) в 2003-2005 г.г.

Но необходимо ли тогда научно-теоретическое воспроизведение европейских и российских схем социальной помощи путем их сравнения? Да, поскольку такое сравнение дает должную аргументацию и обоснование ответа на предыдущий вопрос. Результаты проведенного сравнения свидетельствуют о том, что данные модели социальной помощи различаются и поэтому европейские модели не могут и не должны быть образцом для организации социальной помощи в России.

Прежде всего, сравниваемые модели социальной помощи различаются *исторически*. Существует определенный тип связей, в которых особое внимание фиксируется на проявлении социальных и индивидуальных характеристик человека. К этому типу связей относятся социальная поддержка, социальная помощь, социальная реабилитация, социальная коррекция, социальная защита. В истории общества давно существуют две идеально-типические точки зрения относительно справедливости в поддержке нуждающихся: уравнительная и распределительная.

Первая подразумевает равномерное распределение социальных благ или возможностей доступа к ним среди всех членов сообщества вне зависимости от их реального вклада в достижение каждого отдельного результата. Вторая предполагает, что распределение социальных благ и услуг в сообществе осуществляется в соответствии со степенью эффективности участия каждого из его членов в достижении общественно значимых результатов.

Названные точки зрения приходят в столкновение, когда речь идет о модели социальной помощи. Сторонники уравнительного подхода, исходя из онтологического равенства и самоценности всех людей, в основу модели социальной помощи кладут идеологию интеграции маргинальных групп в сложившуюся социальную структуру. Сторонники распорядительного подхода, исходя из значимости усилий, затрачиваемых на формирование собственного образа жизни, видят в содержании модели социальной помощи существование дифференцированных возможностей социального участия представителей различных групп и признание неизбежности определенного уровня сегрегации по отношению к ним в обществе.

В Советском Союзе модель социальной помощи населению изначально приняла форму «собеса» (социального обеспечения), что было обусловлено и поныне существующими традициями жесткой регламентации деятельности учреждений социальной защиты официальными структурами. Развитие социальных услуг при такой модели необходимо постоянно координировать с развитием систем здравоохранения, образования и социального законодательства, и в ходе всего этого процесса находить возможность учитывать потребности населения.

В свою очередь, среди получателей социальной помощи распространение получает мнение о том, что социальная помощь осуществляется так, чтобы унизить их и лишить свободы действий. Получается, что система социального обеспечения не укрепляет, а ущемляет достоинство и снижает способности

бедных и социально незащищенных людей. Универсальность предоставления социальной помощи как социального обеспечения ведет к конфликту между необходимостью и желанием ее финансировать, а также определяет равный доступ к социальной помощи всех – как имущих, так и неимущих. Следствием становится то, что малоимущему населению приходится противостоять личному и групповому эгоизму обеспеченных слоев общества, при этом реальные заботы о благе малоимущих отодвигаются на второй план.

С другой стороны, многие европейские страны успешно отошли от «спасения» социально уязвимых слоев населения в пользу профилактических мер и социального обслуживания. Предоставление социальных услуг в их поддержку обычно способствует укреплению, а не ослаблению ответственности представителей таких слоёв. Этот ключевой принцип лег в основу законодательства в интересах различных социальных групп, принятого во многих европейских странах с широким диапазоном традиций социальной помощи.

Таким образом, в Европе исторически сложилась модель социальной помощи населению в форме социального обслуживания как результат готовности общества санкционировать профессиональную деятельность социального работника. Профессиональная санкция как раз и отражает право или полномочие социального работника заниматься профессиональной деятельностью по оказанию социальной помощи населению.

Во-вторых, сравниваемые модели различаются *генетически*, имея в виду, что М. М. Ковалевский под «генетической социологией» понимал науку о происхождении общественных институтов, а П. А. Сорокин под «социальной генетикой» - теорию эволюции общественной жизни.

Рассмотрение теоретических моделей социальной помощи населению может опираться на осмысление практического опыта, проблем практики социального обслуживания, а может происходить в процессе осмысления общего и особенного в теориях, обосновывающих различные виды социальной работы, ее сути как общественного явления.

В европейских странах институт социальной помощи формировался и сложился как взаимосвязь государственных и общественных (гражданских) структур. Так, британская система государственного обслуживания населения исполняет широкий круг обязанностей по повышению уровня его благосостояния. Правительство непосредственно отвечает за социальное обеспечение, включая пособия однодетным или многодетным семьям, государственное страхование и денежную помощь особо нуждающимся. В свою очередь, местные органы самоуправления отвечают за различные формы социальной помощи на индивидуальном уровне: содействие в преодолении последствий инвалидности, практическое улучшение жилищных условий, облегчение контактов с внешним миром, постоянный уход за беспомощными и психически больными и др.

В России с конца XIX до начала XXI века институт социальной помощи прошел достаточно сложный путь эволюции: от преимущественно внегосударственной деятельности благотворительного характера (в форме религиозного или светского милосердия) к «огосударствлению» социальной помощи в советский период и к поиску путей социального партнерства в настоящее время.

Современная модель социальной помощи в России своим содержанием ориентируется на индивида, на решение вопросов выживания, возрождения, восстановления смысла жизни. В этом случае, как и всегда в истории России, милосердие, доброта и любовь становятся единственным смыслом человеческой жизни; тем, что придает ей значимость и не позволяет впасть в отчаяние. Милосердие выступает как некий универсальный признак, метод и способ оказания социальной помощи различным группам населения в разных ситуациях. Иллюстрацией может служить поэтическое выражение сути милосердия, относящееся к началу XX века:

Если воин в битве изувечен
И страданья боль его остра, –
Труд твой дорог, свят и человечен,
Милосердья верная сестра.

. . .

Но война свирепствует не вечно.
Отгремит военная гроза.
А в явленьях жизни быстротечной
Заблестит обычного слеза.
Меч вражды и злобы повседневной
Нищих духом будет ранить въявь…
Вот туда-то, в пекло муки гневной,
Милосердья помощь ты направь!

Мир широк, и в жизни скорби много,
Где страдальцы – сами палачи…
Вот туда-то, к ним, во имя Бога
Утешенья ты неси лучи. [2.]

В-третьих, сравниваемые модели социальной помощи населению различаются *конфессионально-этнически*. Вопросы национально-региональной и поселенческой дифференциации социальной помощи как на концептуальном, так и на прикладном, технологическом уровне различаются в своей постановке и решении в России и европейских странах.

Под этнической компетентностью при оказании социальных услуг в западноевропейской практике социальной работы понимается способ оказания услуг, который приемлем в культурологическом отношении, отвечает стремлению этнической группы к равноправному и самостоятельному участию в решении вопросов. Такая модель социальной помощи, учитывающая взгляды медиков, антропологов и этнографов, включает: выявление проблемы с помощью критериев, учитывающих этнокультурные особенности клиента; использование лингвистической специфики в формулировках, связанных с этой проблемой; проявление в этночувствительных ситуациях еще большего, чем обычно, понимания, терпеливости и искренности в отношениях с клиентами социальной работы.

С другой стороны, широко распространено мнение о том, что христианская церковь является «матерью социальной работы». Действительно, протес-

тантская и католическая этика лежит в основе социальной помощи многих европейских стран. В настоящее время многие религиозные организации сместили свое внимание с таких традиционных форм социальной помощи, как опекунские структуры, на решение крайне специализированных проблем (анонимная помощь алкоголикам, наркоманам, ВИЧ-инфицированным и др.). Специализация создает определенные трудности в работе религиозных организаций, сокращая возможности проявления уникального качества социального работника – стремления непосредственно удовлетворить потребности нуждающегося.

Ценности религии давали в прошлом и в какой-то мере продолжают давать западному человеку возможность обосновать и организовать свои поступки, порождая благие порывы. Видимо, одно из оснований социальной помощи в Европе и США следует искать именно здесь. На чем бы ни базировалась современная социальная работа, на религиозных убеждениях или на принципах светского гуманизма, основная ее цель, связанная с оказанием помощи тем, кто в ней нуждается, уходит своими корнями в христианские заповеди. Вместе с тем, существует специфика социальной помощи, определяемая конфессиональными различиями.

Так, католическая церковь, исповедуя взгляды на социальное обеспечение как на одну из своих институциональных миссионерских обязанностей, создала благотворительную структуру, которая отлаженно действует под ее покровительством. Основное внимание католическая церковь направляет на развитие социальных учреждений закрытого типа, особенно для детей и подростков.

В свою очередь характер благотворительной деятельности протестантских религиозных организаций в значительной мере обусловливается самой сущностью протестантизма, в частности, отсутствием в нем тенденций к объединению и установкой на индивидуализм. Поскольку самостоятельность действий является одной из протестантских ценностей, то священнослужители выражают свою озабоченность по поводу социальных проблем и прилагают усилия в решении вопросов социальной помощи населению от своего имени. Добродетель милосердия по отношению к другим, таким образом, находит проявление скорее со стороны религиозно настроенных индивидов (священнослужителей и прихожан), чем со стороны религиозных организаций [3].

Что же касается российской модели социальной помощи населению, то православные или мусульманские ее составляющие не стали пока предметом серьезного исследовательского интереса. Рассуждения на этот счет ограничиваются, как правило, мнением о том, что специалистам социальной работы не следует пренебрегать терапевтической ценностью молитвы или что нужно заняться исследованием роли религиозной веры и молитвы в психотерапии. Определенные перспективы для российской модели социальной помощи обозначены в «Основах социальной концепции Русской православной церкви», утвержденных юбилейным Архиерейским собором Руссой православной церкви 15 августа 2000 г.

Методологический интерес представляет содержание разделов доклада митрополита Кирилла «Семья должна стать школой благочестия», «Нельзя уходить от «неудобных» вопросов», «Вызов природе человека» (о репродуктивных технологиях, клонировании), «Кризис в душе, а не в экономике и экологии», равно как и глав «Основ»: гл. IX «Преступность, наказание, исправление», гл. X «Вопросы личной, семейной и общественной нравственности», гл. XI «Здоровье личности и народа», гл. XIII «Церковь и проблемы экологии» [4].

Можно предположить, что социальное служение Руссой православной церкви является альтернативной формой светской социальной помощи населению и своими идейными истоками восходит к русской религиозной философии, в частности к философии Ф. М. Достоевского, В. С. Соловьёва, В. В. Розанова, религиозной философии «Серебряного века».

Компаративный подход не только на теоретико-методологическом, но и на эмпирическом уровне позволяет обнаружить различия в практике оказания социальной помощи населению в странах с выраженными этническими и конфессиональными особенностями. Так, в Греции социальной работой занимается Министерство здравоохранения и социальной солидарности. Совсем недавно в стране при средней продолжительности жизни 74 года у мужчин и 78 лет у женщин был установлен единый пенсионный возраст в 65 лет для мужчин и женщин. Когда в Греции не было установленного пенсионного возраста, то существовала практика получения как социальной пенсии по старости (в 2001 г. – около 250 долларов), так и заработанной пенсии (в 2001 г. ее минимальный размер составлял около 450 долларов.) Для получения последней необходимо было выработать более 4 тысяч дней, на что в среднем уходило от 13 до 15 лет. Такая пенсия дифференцировалась по размеру в зависимости от того, где работал человек (в государственном учреждении или частной организации, в экономике или социальной сфере и т.д.) и могла составлять от 60 до 90 % прежней зарплаты работающего. У учителей государственных школ 56 % пенсионных отчислений делал работодатель, т. е. государство, а остальное сами учителя.

В рамках проводимой социальной работы с семьей и детьми в Греции выплачиваются ежегодные пособия семьям, в которых трое и более детей, до достижения последним ребенком возраста трех лет. Кроме того, пожизненная пенсия выплачивается матери, воспитавшей четырех и более детей. В 2005 г. минимальная зарплата в Греции составляла около 600 евро.

В Финляндии отношение к лютеранской церкви проявляется в том, что каждый житель страны платит церковную подать через территориальную общину. Средняя зарплата в Финляндии в 2004 г. составляла 1 800 евро. Кроме того, действуют различные программы социальной помощи отдельным категориям населения. К примеру, выплата пожизненного пособия по безработице в размере 67 % среднемесячной зарплаты за последние четыре года (в 2001 г. пособие по безработице в размере 75 % среднемесячной зарплаты выплачивалось в течение 500 дней); пособие одинокой матери на ребенка выплачивается в размере 800 евро до достижение им возраста 16 лет; по достижении таким ребенком возраста 6 лет плата не взимается за коммунальные услуги с 20 квадратных

метров жилой площади; при помещении пожилых людей в дома для престарелых 25 % размера пенсии остается им, а 75 % пенсии передается государству.

В-четвертых, сравниваемые модели социальной помощи населению в Европе и России различаются как *гомогенные* и *гетерогенные.*

В современной России социальная помощь населению оказывается во многом в социально дифференцированной, гетерогенной среде. Еще в начале 1990-х. гг. проблема растущей социальной дифференциации в обществе и ее решении в теории социальной работы волновала представителей научной школы социальной работы Алтайского госуниверситета. Внимание было обращено, с одной стороны, на социальной оправдание, определение масштабов дифференциации благосостояния, богатств представителей общественных групп, а с другой – на нахождение путей сохранения стимулирующего потенциала социальной дифференциации как важного фактора повышения жизненной активности бедных и средних слоев населения, овладения ими цивилизованными стандартами смысложизненных ценностей [5].

В Европе модели социальной помощи населению создаются преимущественно для социально-культурной гомогенной среды. Их основной целью является наделение граждан правами и возможностями с тем, чтобы им легче было укреплять собственное благосостояние. Социальная гомогенность является следствием отказа от радикальной трансформации основных институциональных структур в социальной сфере, преодоления институционального вакуума социальной помощи, исправления неадекватной инфраструктуры социальной поддержки и социального обслуживания населения.

Дихотомия «гомогенность – гетерогенность» социальной помощи определяет и другие, производные по своей сути различия между европейской и российской моделями социальной помощи населению, и прежде всего – различие в характере профессиональной деятельности социального работника.

В центре внимания практической социальной работы находится отдельный человек с его проблемами жизнеобеспечения, а так же устойчивые общности, в которых происходит жизнь человека, прежде всего семья и трудовой коллектив, и различные социальные группы населения, имеющие специфические условия жизни, способы ее поддержания, характерные черты социального облика, специфику проблем. Такое определение может быть отнесено к характеристике целей профессиональной деятельности социального работника и в России, и в европейских странах.

Вместе с тем, социальный работник в России оказывается по преимуществу управленцем, «назначенцем» пособий и субсидий, своеобразным «социальным чиновником», что в целом соответствует структурной форме профессиональной социальной работы. Поэтому актуальными задачами перед учеными и практиками социальной работы в России является:

– разработка правовой основы разграничения полномочий и ответственности, сфер практического влияния на осуществление социальной помощи населению между различными уровнями управления – от местного до федерального;

– комплексная задача формирования механизмов взаимодействия различных уровней управления с развитием социальной сферы не только между собой, но и с различными субъектами социальной защиты, учреждениями социальной работы частного, кооперативного, акционерного, государственного и смешанного статуса.

Основной подход к социальной помощи в России в настоящее время попрежнему отличается несистематическим характером и кризисной ориентацией, когда социальные службы реагируют на потребности клиентов в наиболее экстремальных и уязвимых обстоятельствах. С точки зрения опыта организации социальной помощи населению и при улучшении состояния экономики в регионах такой краткосрочный подход труднопонимаем теоретически. Одного только экономического роста недостаточно для преодоления бедности и лишений населения, разрешения многих социальных и психологических проблем, которые пустили глубокие корни. Необходимо разработать долгосрочную стратегию, которая помогла бы различным категориям клиентов более эффективно выполнять свои социальные функции [6].

Социальный работник в Европе по характеру своей профессиональной деятельности предстает, скорее всего, социальным терапевтом, «адвокатом» клиента, что вполне соотносимо с психосоциальной формой профессиональной социальной работы.

Социальная работа развилась в Европе в основную профессию по оказанию помощи населению и обладает некоторыми чертами, ставящими ее особняком от более старых, традиционно ценимых в обществе профессий. Связано это с тем, что клиенты социальной работы нередко оказываются представителями социально слабых, уязвимых, экономически необеспеченных слоев населения. Социальная работа предстает как организаторская профессия, и социальные работники несут двойную ответственность перед нанимателями и перед клиентом. Уникальность профессиональной деятельности социального работника заключена в том, что задача социальной помощи населению, в конечном счете, состоит в изменении взаимоотношении между людьми и средой, окружающей их.

Европейский опыт организации профессиональной социальной помощи населению свидетельствует о понимании социальной работы как «организации личностной службы помощи людям» (Ш. Рамон, Т. Шанин). От социального работника требуется увеличение степени самостоятельности клиентов, их способности контролировать свою жизнь и более эффективно разрешать возникающие проблемы и в итоге достижение такого результата, когда необходимость в помощи социального работника у клиента отпадает.

К примеру, в Англии в 1970-е гг. стали создаваться гериатрические центры, которые следуют принципу: насколько это возможно, все пожилые люди, нуждающиеся в уходе, обеспечены им в рамках социального обслуживания по месту их жительства. Хотя в таких центрах имеются места для тех, кто нуждается в стационарном лечении, существует большое отделение дневного пребывания, куда пожилые люди приходят для получения таких процедур, как физио-

терапия или функциональная терапия, или чтобы дать возможность отдохнуть родственникам, обеспечивающим им постоянный уход.

Социально-организаторское содержание профессиональной деятельности социального работника в Европе позволяет считать его «provider», предоставляющим услуги. Речь может идти об отдельно взятом социальном работнике или организации, которая непосредственно оказывает определенные услуги (психосоциальные, социально-бытовые, социально-медицинские, социально-педагогические и др.). В конечном счете, специалист-профессионал может быть определен как «фасилитатор», т. е. человек, который делает что-то возможным. При оказании социальной помощи его роль состоит в том, чтобы развить у клиента способность самому справляться со сложными ситуациями или стрессом.

Социально-терапевтическая направленность профессиональной деятельности социального работника хорошо заметна в программе хосписного обслуживания, которая предполагает ответственность за больным везде, где бы он ни был (в больнице, приюте или дома), обеспечивая тем самым непрерывный уход. Обслуживание в хосписах основано на ряде принципиальных моментов.

Наряду с больным, обслуживанием охватывается и его семья. Социальному работнику необходимо помочь членам семьи справиться с шоком в связи с болезнью близкого и приготовиться к надвигающейся утрате. Оказание помощи семье предусматривается даже после смерти больного. Хосписное обслуживание обеспечивается многопрофильной бригадой профессионалов. Действия всех специалистов координируются одним из них, чаще всего социальным работником.

Целесообразность хосписного обслуживания вытекает из основного принципа философии социальной работы: достоинство каждого человека должно быть сохранено, и человек должен иметь право распоряжаться своей судьбой. Следуя этому принципу, общими усилиями социальных работников и врачей разрабатывается альтернативный способ ухода за умирающим больным. Социальные работники выполняют важные функции в бригаде хосписа, предоставляя больному и его семье как прямые услуги в рамках хосписа, так и косвенные – связанные с административной деятельностью социального работника. К примеру, заключение о психосоциальном состоянии семьи делается именно социальным работником и рассматривается на совещании бригады хосписа.

Основная обязанность социального работника состоит в консультировании больного и консультировании членов семьи как до, так и после его смерти. Социальный работник координирует многочисленные возможности общины и может организовать групповую помощь родственникам в период после смерти больного. Кроме того, социальный работник выступает в роли консультанта других членов бригады хосписа в период их работы со смертельно больным или членами его семьи. Социальный работник может руководить действиями добровольцев в составе бригады хосписа и оказывать моральную поддержку сотрудникам хосписа [7].

К другим различиям между европейской и российской моделями социальной помощи населению, которые по своей сути порождены дихотомией «социальная гомогенность – гетерогенность», относятся: различия моделей

профессиональной подготовки специалистов по социальной работе; различия оценки качества социальных услуг, эффективности социальной работы в целом; различия в распространенности уровней практической социальной работы.

Потребность в подготовке социальных работников-профессионалов в Европе была во многом обусловлена теми же причинами, которые позднее определили потребность подготовки специалистов по социальной работе в России. Прежде всего, к этим причинам следует отнести ряд глобальных проблем человечества: загрязнение окружающей среды, распространение оружия массового поражения, угроза демографического взрыва и массового голода в слаборазвитых регионах, моральная деградация, распад семьи как традиционного социального института. Кроме того, обнаружили себя причины более частного характера: выход социально-бытовой проблематики в число приоритетных и универсальных, её массовое возросшее влияние на развитие экономики, политических и социокультурных процессов. В свою очередь, массовая урбанизация, переселение сельских жителей в города увеличило в обществе долю маргинальных слоев горожан первого и второго поколений, слабо адаптированных к условиям жизни в городе. И конечно же, усложнение общественного производства, рост оснащенности работника и в целом труда потребовали профессионального внимания к носителю рабочей силы, его здоровью, настроению, благополучию, жизненным ориентациям.

Постепенно в Европе сложился унитарный или комплексный подход к профессиональной подготовке социальных работников, согласно которому специалист оценивается как универсал, способный разбираться и действовать в самых различных ситуациях. С появлением комплексного подхода профессиональная подготовка социального работника свелась к двум основным моделям. В основе первой модели лежит представление о многометодном работнике, глубоко владеющем несколькими специальными методами или способами практики оказания социальной помощи и, таким образом, способном осуществить профессиональную деятельность на нескольких уровнях, используя широкий набор методик в ситуациях, требующих его участия.

Вторая модель исходит из понятия «социальный работник-универсал», т. е. профессиональная подготовка ориентирована на специалиста, который владеет общим знанием клиентов, ситуаций, ресурсов социальной работы и имеет навыки наблюдения, коммуникации, использует социальные технологии решения проблем клиентов. Таким образом, социальный работник должен обладать комплексной профессиональной подготовкой для ведения практики оказания социальной помощи населению и опираться на концептуальную схему, позволяющую ему разбираться во множестве случаев.

Профессиональная подготовка социальных работников в России во многом связана с ответом на вопрос: идет ли речь о подготовке «генералиста» или «клинициста»? Оба термина используются в настоящее время отчасти бессистемно, но под «генералистами» обычно понимают социальных работников, которые имеют дело с отдельными клиентами, семьями и группами, но не ограничивают себя существующими традиционными сферами практической социальной работы, конкретными категориями клиентов.

В свою очередь, можно назвать «клиницистами» тех специалистов, которые ведут непосредственную социальную работу в специализированных учреждениях определенного профиля или типа. К примеру, «клиницистами» являются социальные работники в учреждениях здравоохранения. Значительная часть такого рода клинической работы предполагает помощь социального работника клиенту в кризисных ситуациях, поскольку необходимость госпитализации больного часто возникает внезапно, а результат лечения не до конца ясен. Кроме того, социальные работники в больницах объединяют пациентов, имеющих сходные проблемы со здоровьем или условиями жизни, в группы, что способствуют созданию групп самопомощи и проведению соответствующих реабилитационных мероприятий [8].

Различия оценки качества социальных услуг определены тем, что критерии и показатели оценки эффективности социальной работы представляют собой совокупность упорядоченных характеристик и процедур (методик), позволяющих адекватно определить состояние социальной работы и выявить резервы ее развития. В свою очередь процедуры (методики) оценивания могут осуществляться через количественные параметры и качественные характеристики.

В количественных параметрах результат социальной работы оценивается путем соотнесения финансовых, материальных, временных и других затрат с уровнем реализации стратегических и тактических целей социальной помощи населению. Результаты изучаются методом интегральной оценки и с помощью статистических расчетов. Интегрирование предполагает изучение материалов и выведение на их основе общей оценки. При статистическом методе определяется число исследований, в которых та или иная форма социальной помощи оценивается как более действенная по сравнению с альтернативой или на фоне отсутствия положительных результатов.

В качественных характеристиках достигнутый результат сопоставляется с принятыми стандартами социальной помощи населению. При этом применяются в известной мере инновационные способы оценки эффективности социальной работы:

– метаанализ, который предполагает систематический отбор исследований с последующим изучением их результативности, а не статистической значимости (результативность определяется путем вычитания средней величины, выведенной по контрольной группе, из средней величины, выведенной из экспериментальной группы и последующего деления полученной разницы на стандартное отклонение в контрольной группе; в качестве контрольной, как правило, выступает группа, не получающая социальной помощи или получающая какие-то альтернативные социальные услуги);

– метод социального сравнения, при котором прогресс, достигнутый в результате социальной терапии, измеряется путем сопоставления со стандартами, полученными в аналогичной группе клиентов, не имеющей социальной патологии;

– метод субъективной оценки, который призван учитывать, как клиент воспринимается со стороны другими людьми (опрашивается определенное чис-

ло лиц, чтобы установить, наблюдают ли они конкретные результаты при достижении поставленной цели.)

При оценке программ и проектов социальной помощи населению наиболее существенным является отличие суммирующего и развивающего подхода в оценивании. Суммирующее оценивание обобщает результаты с точки зрения других программ, проектов, ситуаций и групп клиентов. Сведения, полученные при суммирующем оценивании, используются при принятии новых программ и проектов аналогичного типа. Развивающее оценивание концентрирует внимание на модификации программы или проекта социальной помощи населению. Результаты такого оценивания применяются для того, чтобы сделать такую программу (или проект) более эффективной и квалифицированной. [9.]

Еще одно сравнение моделей социальной помощи населению в Европе и России обнаруживает различия в распространенности уровней практической социальной работы. В практике социальной работы в России наибольшее распространение получило индивидуальное консультирование, реже применяется групповая терапия при оказании социальной помощи клиентам. В практике социальной работы западно-европейских стран групповая терапия находит значительно большее применение, особенно эффективно она применяется при организации социальной помощи населению в территориальной общине.

Кроме того, государственное социальное обслуживание населения в Европе дополняется активной деятельностью добровольных организаций социальной помощи населению, которые выполняют разнообразные обязанности по уходу за больными, физически и умственно неполноценными людьми как на дому, так и в специальных центрах, учреждениях стационарного типа и клиниках (например, национальные общества Красного Креста, «лиги друзей» при больницах, Королевская служба добровольцев-женщин и Бригада скорой помощи св. Иоанна в Великобритании и др.)

Обязанностью добровольных организаций не является удовлетворение основных социальных нужд, поскольку данная ответственность возложена на центральные и местные органы власти. Добровольные организации чаще всего выполняют вспомогательные функции социальной защиты населения и могут получать финансовую поддержку от государства. Многие из них специализируются на оказании помощи людям с определенными дефектами или проблемами. Таким образом, несмотря на возрастные роли государства в вопросах социальной помощи населению, жизнь ставит общество перед новыми социальными проблемами, которыми добровольные организации начинают заниматься, не дожидаясь, пока в дело вступят государственные структуры.

Модель удовлетворения потребностей клиентов социальной работы берет за основу понятие континуума потребностей и предполагает возможность разбивки клиентов по четырем категориям. Уровень потребностей клиента является сумной факторов риска, которые определяются личными обстоятельствами клиента, возможностями семьи по удовлетворению потребностей клиента, наличием льгот и услуг в поддержку клиента.

Клиенты социальной работы относятся к категориям: низкого риска, среднего риска, высокого риска и максимального риска. Для целей планирова-

ния социальных услуг полезно найти равновесие между риском и защитными факторами. Потребности клиента могут быть велики, но если у семьи клиента есть весьма обширный потенциал их удовлетворения, тогда интенсивность социальной поддержки может быть сокращена. Риску может быть дано количественное выражение относительно риска клиента (например заброшенность, насилие, состояние здоровья), риска семьи (например алкоголизм и наркомания) и социального риска (например проблемы с жильем и трудоустройством).

Оценку риска можно давать на основе того, постоянно или с перерывами существует потребность в поддержке. Наконец, данная модель предполагает, что риск не статичен: клиенты могут переходить из одной категории в другую по мере изменения обстоятельств их жизни. Клиенты, которые находятся на вершине пирамиды риска, испытывают острые и неотложные потребности. Защитных факторов, уменьшающих зависимость этих клиентов от государства, нет. Однако государственное вмешательство нередко направлено на сдерживание проблемы без каких-либо элементов долгосрочного инвестирования. Таким образом, нахождение гуманного способа уравновесить растущие потребности и наличные ресурсы является делом срочным и необходимым.

Очевидной представляется задача адаптировать технологическими приемами и способами европейские модели социальной помощи населению к российским реалиям. В этой связи особый интерес представляет европейская модель организации и самоорганизации социальной помощи в общине.

Вместе с тем следует согласиться с мнением экспертов Фонда им. Фридриха Эберта (г. Бонн, Германия), которые считают, что вряд ли кто-то говорит об одной (единственной) европейской социальной модели. В Европе существует ряд «режимов благополучия», которые различаются по объему тех или иных льгот и обоснованию права на их получение, по финансированию и по организации: англосаксонская модель – либеральная; северная модель – универсализирующая; континентально-европейская модель – корпоративная; средиземноморский вариант – корпоративный, основанный на традициях. На фоне растущей дифференциации внутри Европейского Союза, он сегодня находится еще дальше от единой европейской социальной модели, чем когда бы то ни было, так как с каждым расширением ЕС растет диапазон национальных особенностей.

Социальная политика относится к одной из самых важных для европейской социальной модели областей политики, поскольку сложившиеся внутри нее системы социальной защиты обеспечивают удовлетворение потребностей и участие в жизни общества для тех, кто в силу своих недостаточных возможностей с точки зрения занятости и заработка не в состоянии самостоятельно обеспечить для себя это в полной мере [10].

Система организации и самоорганизации социальной помощи в общине раскрывается в содержании корпоративной социальной модели. Интерес представляет практика оказания социальной помощи пожилым и старым людям в территориальных общинах немецкой и франко-немецкой Швейцарии.

В 2003 и 2004 гг. автору довелось познакомиться с деятельностью учреждений медико-социального попечения пожилых людей. «Elfenau Park» (г. Берн),

«Ruferheim» (г. Нидау) и «Montlig» (община Тауффелен – Геролфинген, кантон Берн). Гериатрический центр в г. Нидау был построен на средства 10 территориальных общин (Gemeinden), и жители этих общин имеют преимущество при приеме в данное учреждение. Два других центра созданы на средства той общины, на территории которой они находятся.

В данных учреждениях медико-социального попечения клиентам предоставляется комплекс услуг – социально-бытовых, жилищно-коммунальных, психосоциальных, культурных, социально-реабилитационных, медико-терапевтических. Пребывание и обслуживание в этих учреждениях платное. Рассмотрим ценовую политику на примере гериатрического центра «Montlig» (тарифы 2004 г.)

Базовая цена за проживание в день составляла 136.00 швейцарских франков (SFr.). В зависимости от стоимости обслуживания и услуг попечения выделяется 11 ступеней (от 0 до 10). Так называемая «цена попечения» возрастает от 10. 00 SFr. на 0 ступени до 246. 00 SFr на 10 ступени. Стоимость оплаты за день для клиентов определяется путем вычитания из суммы базовой цены и «цены попечения» размера взноса медицинского и пенсионного страхования. На 0 ступени вычет этого взноса отсутствует, начиная с 1 ступени он возрастает от 13. 10 SFr. до 132. 00 SFr. на 10 ступени. В итоге стоимость оплаты за день составила 146. 00 SFr (0 ступень), 152. 90 SFr (1 ступень), 196. 00 SFr (5 ступень), 251. 00 SFr (10 ступень).

Подводя итоги применения компаративного подхода к моделям социальной помощи населению, отметим, что перспективы и потребности такой социально-технологической адаптации европейских моделей в России определяются, прежде всего тем, что система социальной помощи населению представляет собой нечто вроде подвесного моста, опирающегося на уважение к человеческому достоинству и право каждого индивида на самореализацию.

В периоды стабильности, определенного социального благополучия общество рассматривает социальную помощь, в целом социальную работу как зеркало собственной щедрости и оптимизма. В периоды кризиса, когда преобладают стремление к самообогащению, сокращение бюджета на социальные нужды, социальная несправедливость, ценности социальной работы становятся вне приоритетов общества. В такой ситуации профессионалы в области социальной работы сталкиваются с задачей: определить, в какой мере они служат инструментом различных общественных структур, в том числе и государственных, и в какой являются защитниками обездоленных. Таким образом, система социальной помощи населению больше любой другой составляющей социальной сферы чувствительна к изменениям социального климата. Последнее относится и к России, и к европейским странам.

Социальная жизнь современного общества предстает в научном измерении сложно-структурированным и разномасштабным объектом, в котором важными для людей оказываются не только традиции человеческого опыта, но и его инновации, не только его континуальность, но и его дискретность. Вопрос о практике социальной помощи населению становится вопросом, который выво-

дит социальную жизнь общества за рамки простых телесных и вещественных форм, указывает на роль социальных качеств деятельности людей [11].

Библиографический список

1. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1963, С. 348.
2. Попов Павел. Милосердие // Пробуждение, 1915, №13.
3. См.: Рейд У., Стимпсон П. Церковные агентства социальной помощи // Энциклопедия социальной работы. Т. 3. М; 1994, С.393–394.
4. См.: Основы социальной концепции Русской православной церкви. М., 2000; Социальная концепция Русской православной церкви. М., 2001.
5. См.: Теория и методология социальной работы / Под ред. С. И. Григорьева. М., 1994.
6. Дети риска в Центральной и Восточной Европе: угрозы и надежды. Региональный мониторинговый доклад № 4. Florence: UNICEF, 1994, С. 108.
7. См.: Профит Л. Хосписы // Энциклопедия социальной работы. Т. 3. М., 1994, С. 376–377.
8. См.: Тугаров А. Б., Целина М. Э., Лавренова Т. И., Социально-медицинская помощь населению: вопросы теории, технологии, подготовки специалистов. Пенза: ПГПУ, 2005.
9. См.: Триподи Т. Оценка социальных программ // Энциклопедия социальной работы. Т. 2 М., 1993,С. 195.
10. Витте Л. Европейская социальная модель и социальная сплоченность: Какую роль играет ЕС? // Европейская политика. Международный политический анализ. 2004. № 12, С. 1, 5–6.
11. Тугаров А. Б. Социально-философские основания теоретических моделей социальной работы // Актуальные проблемы социальной философии. СПб.: СПбУ МВД. 2005. С 45.

Н. Б. Ажнакина
Пензенский государственный
педагогический университет им. В. Г. Белинского

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА И СОЦИАЛЬНОЕ СЛУЖЕНИЕ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Все многообразие общественных явлений представляет в своей сущности тот или иной вид деятельности людей. Социальная работа является особым видом деятельности, цель которой – удовлетворение социально гарантированных и личностных и личностных интересов и потребностей различных групп населения, создание условий, содействующих восстановлению или улучшению способностей людей к социальному функционированию. Объем понятия социальная работа включает в себя весь спектр деятельности: государственный, коммерческий, добровольческий. В виду светского, научного характера этой дефиниции, ее семантика привязана к таким функциям общества, которые можно характеризовать с позиции саморегулирующейся системы. В плане данного определения генезис социальной работы связан с такими «элементами» человеческого бытия, как сочувствие, сострадание, жалость; трансформацией эгоистического чувства, проявляющегося в виде психологического дискомфорта при фиксации сознанием страданий других людей. Собственно социально-философский смысл социальной работы в этом отношении состоит в функционировании социума как сложной системы «организменного» типа, способной к

саморегуляции. Социальная работа в данном случае рассматривается как проявление социальных инициатив, стремление оказать помощь людям, переживающим трудную жизненную ситуацию в ответ на реалии социально-экономической ситуации в стране, существующие социальные проблемы населения.

Рассматривая социум как самоорганизующееся целое, необходимо выделить в нем социальную работу как то, что способствует восстановлению его нормального функционального состояния. В этом смысле могут быть разные понятия нормы по отношению к обществу в конфессиональных и внеконфессиональных социальных институтах, группах, классах и т. п. и все-таки, главная черта – это сохранение социального здоровья. Поэтому в отличие от социальной работы конфессиональное служение есть вектор, направленный далеко за пределы данной социальной реальности (например к Царству Божию).

Если говорить о традиционном в христианстве понимании служения, то следует привести, во-первых, его богословскую трактовку, которая, кстати, не обладает всецелым единством. Центрирующим в ней является понятие церкви как мистического «тела Христова». В этой связи понимаются и различные «служения» как своеобразные «телесные» функции. В число служений в ранней церкви входили: апостольство, пророчество, учение, чудотворение, целительство, благотворительная помощь, говорение (или истолкование) на разных языках. Л. Моррис отмечает, что «назначенная Богом роль служителя Господнего возлагает на него очень большую ответственность и дает совсем немного прав, о чем свидетельствует буквальное значение слов, соответствующих понятию «служитель»: diakonos – «прислужник за столом», hyperetes – «гребец на большом судне», leiturgos – «слуга» (обычно – государственный служащий или служка в храме)».

Таким образом, можно выделить следующие виды служения:

1. Внутриконфессиональное (богослужения);
2. Социальное служение конфессий – переход внутреннего во внешнее, в профанное, мирское социальное пространство.

Здесь эти виды конкретизируются и разделяются на 3 основные группы:

– духовное служение;
– материальное;
– духовно-материальное.

Социальная работа всегда имеет предмет, смысл и назначение в самом обществе, оно – «социономно». Социальное служение – всегда имеет общество как некую ступень на пути к концу и началу, основе всякой цели и смысла – Богу.

В отличие от понятия «социальная работа» понятие «социальное служение» в некотором отношении более узко по объему, поскольку в нем уже в первом приближении выступает иная семантика, которую можно было бы назвать гетерономной или трансцендентной. Эта семантика религиозного или объективно-идеалистического порядка. Поэтому с точки зрения конфессиональной организации социальное служение есть род совершенно особой деятельности, к которой верующий особым образом предназначен, а именно призван. Здесь мы

находимся в специфической области сугубо религиозной лексики, теологических понятий, которые обладают особой, отличающейся от светской, семантикой, привносящей дополнительные контаминации и позволяющей отграничить внешне совпадающие концептуальные образования. Религиозный смысл социального служения, таким образом, становится теономным. и иногда в священных текстах различных религий можно обнаружить парадигму социального служения как заповедь или предписание.

Необходимо отметить, что социальное служение является подлинным тогда, когда оно исходит именно из небесных источников и завершается в окончательной полноте в послушании Господу. Согласно размышлениям протоирея В. Свешникова, социальное служение в человеческом мире по своей подлинной природе – церковно; а когда проявляется в нецерковных формах и содержаниях, то вызвано отдаленным действием церковного строя жизни [2]. Социальное служение должно быть прежде всего направлено на тех, кто действительно в этом нуждается. Главная задача Церкви здесь воспитать своих членов так, чтобы служение стало для них естественным и необходимым. Такого рода воспитание совершается особенно естественно, когда дух церковности держится и живет в общине. Только в общине разрешается неразрешимое в индивидуальной жизни евангельское противоречие: с одной стороны, милостыня не должна быть творима «пред людьми, чтобы они видели» (Мф. 6, 1), но с другой стороны, свет христианской нравственной жизни должен светить перед людьми, чтобы они видели добрые дела христиан (Мф. 5, 16).

В самом словосочетании «социальное служение» обнаруживает себя явная или определенная парадоксальность. Так, например, для христианской церкви светская, в том числе научная терминология, ее употребление в официальных текстах является новацией. Мы встречаем это в заголовке документа «Социальная концепция Русской Православной Церкви». Так совмещение светского и религиозного компонентов в одном сложном определении типа социальное служение весьма симптоматично: сама логика современного языка отражает социальный процесс, интеграции светского и религиозного подходов к общезначимой для верующих и неверующих проблеме.

Суть ситуации, проблемного поля, в границах которого разворачивается наше исследование, можно выразить посредством категории социальная реальность. В максимально объективированном виде она есть чистая данность, как для светской, так и религиозной деятельности. Однако интерпретация и видение самой социальной реальности будет совершенно разновалентным с точки зрения конфессиональной и светской социальной работы.

Антиномичным кажется объединение конфессиональных и неконфессиональных видов деятельности, общей сферой социального бытия и практическими, опорными принципами здравого смысла. С этой точки зрения мы можем иметь совершенно разную результативность социальной работы и социального служения, обусловленную латентными факторами, которые может вскрыть только социальный анализ (пример, не принимают помощь, т. к. живут так, что их ситуация наказание божье – религиозная психология).

Показав, что демаркационная линия между социальным служением в конфессиональном смысле и социальной работой в смысле светском является в некоторых местах диффузной, мы видим, что само разведение этих понятий оправдано логически и методологически. Во втором смысле, это позволит наиболее продуктивно решить проблему взаимной адаптации разновекторных величин, имеющих, в принципе, единый антропогенный источник.

В последнее время все больше среди духовенства как в России, так и в мире идея сходства религий артикулируется в плане универсальности моральных категорий и чувств. Вряд ли нуждающемуся человеку, особенно в экстремальной ситуации, существенно важно, к какой конфессии, деноминации, национальности или, наконец, расе относится тот социальный работник или та организация, которая оказала ему помощь: это может быть важно потом. Поэтому результат социальной работы и социального служения может нивелировать их контрарные побудительные мотивы и принципиальные установки.

Библиографический список

1. Брежнев В. С. Социальная работа в религиозных организациях. // Социальная работа / Под общ. ред. проф. В. И. Курбатова. Ростов н/Д: «Феникс», 1999.
2. Свешников В.. Очерки христианской этики. М.: Паломникъ, 2000. С. 395–396.

М. А. Антипов
Пензенский государственный
педагогический университет им. В. Г. Белинского

БИОФИЛЬНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА КАК ФАКТОР ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ОКАЗАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ ТЕРМИНАЛЬНЫМ БОЛЬНЫМ

Издавна в обществе существует феномен социальной помощи. И одним из его направлений является социальная помощь терминальным больным, которая заключается в облегчении их страданий и создании для них достойного качества жизни. Сразу возникает вопрос: а зачем помогать человеку, если он безнадежен и скоро закончит свою жизнь? Не проще ли облегчить его страдания и прервать жизнь искусственно? Позиция сторонников эвтаназии однозначна: «Гуманнее будет поступить именно так». Однако сторонники хосписного движения придерживаются мнения, что нельзя вмешиваться в естественный ход жизни человека, что нельзя прерывать ее преждевременно; необходимо создавать такие условия жизни, чтобы человек оставался человеком, несмотря ни на что.

Долг субъектов социальной помощи – не прерывать жизнь, даже если она наполнена страданиями и скоро закончится, а сделать все возможное, чтобы эти страдания облегчить. Такая позиция может быть обоснована исходя из того, что

в человеке изначально присутствует биофильная ориентация, то есть влечение к жизни.

Э. Фромм писал: «Я разделяю точку зрения множества биологов и философов, что имманентное свойство любой живой субстанции – жить и сохраняться в жизни.

Эту тенденцию жить мы наблюдаем у любой живой субстанции вокруг нас: у травы, которая сквозь камни ищет свой путь к свету и жизни; у животного, которое борется до последнего, чтобы избежать смерти; у человека, который делает почти все, чтобы сохранить себе жизнь.

Тенденция к сохранению жизни и борьбе против смерти является элементарнейшей формой биофильного ориентирования и присуща любой живой материи. До тех пор, пока речь идет о тенденции сохранять жизнь и бороться против смерти, она представляет лишь один аспект стремления к жизни. Другой аспект состоит в том, что живая субстанция обнаруживает тенденцию объединяться и расти соответственно структуре. Объединение и совместный рост имеют отношение не только к клеткам, но также и к мышлению, чувствам. Так, полярность мужчины и женщины образует ядро потребности к соединению, от которого зависит продолжение человеческого рода. В результате этого соединения биологически обычно появляется новое существо. Смерть, рождение и рост составляет цикл жизни, так же как цикл смерти состоит из прекращения роста, из дезинтеграции и распада» [4, с. 35-36].

Фромм здесь полемизирует с З. Фрейдом, который выдвинул теорию о борьбе в человеке двух инстинктов: «эроса» – инстинкта жизни и «танатоса» – инстинкта смерти. «В то время как инстинкт смерти имеет функцию разделения и дезинтеграции, функция эроса состоит в том, чтобы связывать, интегрировать, объединять … Жизнь любого человека является полем битвы между этими основополагающими инстинктами».

Согласно этой теории, человек стремится к смерти на протяжении всей своей жизни, поскольку человек как органическая форма возник из неорганической формы, и в эту же форму должен вернуться. Это стремление протекает в бессознательной сфере человеческой психики в форме влечения. «Влечение – наличное в живом организме стремление к восстановлению какого-либо прежнего состояния» [3, С. 404].

Таким образом, смерть как бы «заключена в самом человеке», он стремится к ней на протяжении всей своей жизни. Но наряду с влечением к смерти в человеке действует и влечение к жизни – «эрос». Важно, что они не противоречат, а взаимно дополняют друг друга. «Танатос» ведет человека к смерти как естественному завершению жизни, «Эрос» не дает человеку «сбиться» с пути к естественной смерти, ибо только естественная смерть нормальна для человека, и влечение к естественной смерти не патологично.

Фрейд писал, что «Положение о существовании влечения к самосохранению, которое мы приписываем каждому живому существу, состоит в заметном противоречии с утверждением, что вся жизнь влечений направлена на достижение смерти. Рассмотренные в этом свете влечения к самосохранению, к власти и к самоутверждению теоретически сильно ограничиваются; они являются ча-

стными влечениями, предназначенными к тому, чтобы обеспечить организму собственный путь к смерти избежать всех других возможностей возвращения к неорганическому состоянию, кроме имманентных ему. Таким образом, отпадает загадочное стремление организма, как будто не стоящее ни в какой связи ни с чем, самоутвердиться во что бы то ни стало. Остается признать, что организм хочет умереть только по-своему…» [3, с. 406]. Дать организму «умереть только по-своему» – вот важнейший смысл социальной помощи терминальным больным.

Эрих Фромм признает наличие данных противоборствующих инстинктов в человеке, но не согласен с Фрейдом в том, что побеждает в этой битве инстинкт смерти. Он пишет: «…противоречие между эросом и деструктивностью, между связью с живым или связью с мертвым на самом деле является основополагающим противоречием в человеке. При этом речь идет не о дуализме двух биологически присущих ему инстинктов, относительно устойчивых и пребывающих в постоянной борьбе друг с другом, пока, наконец, не победит инстинкт смерти, а о дуализме первичной и основополагающей тенденции всего живого удерживаться в жизни и ее противоположности, которая проявляется, когда человек упускает эту цель. Инстинкт смерти является феноменом зла, который разрастается и берет верх, если не развивается «эрос». Инстинкт смерти относится к психопатологии и не является, как предполагал Фрейд, составной частью нормальной биологии» [4, С. 39] .

Элизабет Кублер-Росс, психотерапевт, работающая с терминальными больными, так описывала отношение к смерти человека: «Смерть всегда была для человека отвратительной и, похоже, останется такой в будущем. Подсознание считает свою смерть совершенно невозможной, оно просто не в силах представить себе прекращение своего собственного существования на земле.

В лучшем случае оно способно допустить, что нас убьют, но смерть от естественных причин или от старости остается непостижимой. Таким образом, смерть ассоциируется у людей со злодеянием, пугающей неожиданностью» [1, с. 12].

То, что человек не будет желать смерти, а будет стремиться к жизни, (другими словами, преобладание биофильной ориентации над некрофильной) можно доказать, приведя рассуждения Бертрана Уильямса: «Если я хочу чего-то, то (при прочих равных условиях) я предпочту скорее такое положение вещей, при котором я получаю желаемое, такому их положению, при котором я его не получаю и (опять же при прочих равных условиях) я планирую такое будущее, в котором скорее получу желаемое, чем не получу его» [2, С. 424]. А отсюда следует, что наличие желания чего бы то ни было, уже дает человеку основание избегать смерти.

Таким образом, человек инстинктивно ориентирован на сохранение и поддержание жизни, и соответственно, избегание смерти как опасности ее прекращения. Биофильная ориентация человека является важнейшим фактором целесообразности оказания социальной помощи терминальным больным.

Библиографический список

1. Кублер-Росс Э. О смерти и умирании. М. 2001.
2. Уильямс Б. Случай Макропулос: размышления о скуке бессмертия // Проблема человека в Западной философии: Переводы / Под общ. ред. Ю. Н. Попова. М., 1988.
3. Фрейд З. Психология бессознательного. М., 1990.
4. Фромм Э. Душа человека. М., 1992.

М. Н. Чекарев
Государственное учреждение
Управление Пенсионного Фонда России
по Октябрьскому району г. Пензы

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ: ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМ, ГУМАНИЗМ, ПСИХОАНАЛИЗ

Социальная работа как вид научного знания берет свое начало в философском знании. Причина этого кроется в том, что философия, рассматривая человека, не ограничивается каким-либо одним аспектом, а рассматривает человека в его целостности и универсальности, как открытую систему, взаимодействующую с окружающим миром.

Актуальным направлением философии является экзистенциализм. Данное направление философской мысли исходит из того, что каждый человек есть уникальная личность, несущая ответственность за свою жизнь, свое поведение, за все происходящее. Человек «заброшен» в социальный мир, он одинок, не находит понимания у окружающих. Человек ищет, как ему самоопределиться, найти себя в этой жизни, экзистенциалы подлинного бытия в этом мире. Бытие часто враждебно по отношению к человеку, он не успевает к нему адаптироваться, ему необходимо меняться в соответствие с меняющимися условиями. Вот как об этом говорит М. Бубер: «Жизнь состоит в том, что я поставлен перед присутствием бытия, с которым я не согласовывал и с которым не могут быть согласованы какие бы то ни было правила игры. Наличность бытия, перед которым я поставлен, меняет свой облик, проявление и откровение; они иные, чем я, и часто – ужасающе иные; и иные, чем я ожидал, и столь же часто – ужасающе иные.

Если я устою перед ними, встречу их действительным образом, то есть в правде моего существования, тогда и только тогда я «действительно» буду налицо; а налицо я буду, если окажусь «вот» здесь, но где быть этому «вот», зависит всякий раз не столько от меня, сколько от наличности бытия, разнообразящей свою форму и проявления».

Человек в экзистенциальной философии есть «мера всех вещей»: через человека можно и нужно изучать все то, что происходит вокруг него, изучать социальную реальность, которая отражается в нем, как в зеркале.

Мартин Бубер как представитель религиозного направления экзистенциализма считал, что подлинная экзистенция человека состоит в его связи с богом. «Человек ищет то, что не включено в мир, то есть ту одинокую, как и он, божественную форму бытия, с которой можно общаться».

Эрих Фромм, чье философское учение было своеобразным синтезом экзистенциализма и психоанализа, считал, что подлинное бытие человека заключается в «единении с другими» и в творчестве. Человек одинок, но в силу своей природы человек стремится к «единению с другими». Как писал Фромм, тенденция быть «обретает свою силу во внутреннее специфических условиях человеческого существования и внутренне присущей человеку потребности в преодолении одиночества посредством единения с другими».

Человек – существо не только биологическое, но и социальное. Это необходимо учитывать при осуществлении социальной работы. Человек реализует себя как человека лишь в общении с другими, в социальном взаимодействии, он – «политическое животное», то есть существо социальное. Общаясь, человек, во-первых, адаптируется к социальной действительности, и, во вторых, сам влияет на социальную действительность, преобразовывая ее, совершая социальные действия.

Творчество не ограничивается лишь деятельностью в сфере науки и искусства. Творчество есть любая деятельность, направленная на создание чего-то нового, причем создание чего-то нового «с душой», по собственному желанию, реализовывая себя в этом, саморазвиваясь через акт творчества.

Как писал Э. Фромм, «Радость сопутствует творческой деятельности, это не «пиковое» переживание, которое внезапно возникает и также внезапно прекращается, это, скорее, состояние, которое сопровождает продуктивное проявление самых важных человеческих способностей. Радость – это ровное горение бытия».

Таким образом, теория социальной работы как научное обоснование деятельности, направленной на оказание социальной помощи нуждающимся, связана с экзистенциализмом как течением философской мысли, рассматривающим человека как одинокого, заброшенного в чуждый ему мир, ищущего себя, смысложизненные основания своего бытия. А поиск пограничных смысложизненных оснований бытия человека является предметом философии социальной работы. Суть социальной работы как практической деятельности, на мой взгляд, заключается в оказании клиенту помощи в осознании себя, своих потребностей, мотиваций, ценностей, жизненных ориентиров, экзистенциалов. Осознав их, клиент сможет сам решать свои проблемы, выходить из сложных жизненных ситуаций. Если у человека есть смысл жизни, если есть, ради чего жить, и куда стремиться, то все проблемы будут казаться разрешимыми, и будет проще бороться с жизненными сложностями.

Нельзя постоянно помогать клиенту и все за него делать, нужно создать необходимые условия для его активизации, чтобы он сам прилагал максимум усилий для выхода из трудной жизненной ситуации. Ведь человек сам в ответе за все, что с ним происходит. Человек сам в силах все изменить, он обладает всеми необходимыми для этого ресурсами. Задача субъекта социальной помощи – активизировать эти ресурсы клиента. В этом, по моему мнению, состоит сходство экзистенциализма с гуманизмом. Последний тоже исходит из того, что человек обладает всеми необходимыми возможностями и ресурсами, нужно лишь их обнаружить и привести в действие. Об этом сходстве экзистенциализ-

ма с гуманизмом писал французский мыслитель Жан-Поль Сартр в работе «Экзистенциализм – это гуманизм».

Если подробнее остановиться на гуманистическом подходе к пониманию человека, то он предполагает веру в созидательный потенциал клиента, способность к преодолению препятствий и социальной адаптации в самых сложных условиях жизни. Эта вера основана на знании онтогенетических и психологических закономерностей развития и функционирования человека как индивида, личности и субъекта деятельности.

В данном аспекте человек понимается как уникальная, открытая, активная, интенциональная система, способная к самопознанию, самоизменению и саморазвитию. Человек – это открытая система. Он существует, лишь непрерывно взаимодействуя со своим окружением, он открыт миру через свое поведение, деятельность, он что-то получает из мира и что-то ему отдает.

Интенциональность человека обозначает его повсеместную вовлеченность в окружающее, в нечто находящееся за пределами его самого. Это может быть деятельность, другие люди, природа, техника и так далее. Вовлеченность связана с мотивацией, интересами, ценностями и целями субъекта. Жизнедеятельность человека определяется системой отношений, различающихся по степени устойчивости в зависимости от личностной значимости внешних объектов. Если система отношений является устойчивой, она определяет формирование психических новообразований у индивида – новых качеств, характеристик, свойств. Взаимодействие человека с окружением ведет не к восстановлению его устойчивых параметров, а к его непрерывному развитию, совершенствованию. Непрерывное становление – основная форма существования человека.

Человек уникален, поскольку в процессе его социализации и воспитания он приобретает качество личности – сложную динамическую структуру, основной функцией которой является объединение и интеграция познавательных, эмоциональных, мотивационных и активно-волевых механизмов, регулирующих взаимоотношения с окружающим миром. Личность поддерживает иерархию целей человека в контроле собственной активности. При этом происходит управление не только собственным поведением, но и возможностями приспособления к окружающей среде и людям. Личность целостна и одновременно открыта, в чем и проявляется ее ключевое противоречие.

В своих взаимоотношениях с миром личность проявляет себя как активная система. Она не просто отвечает на внешние воздействия, но и сама активно и целенаправленно воздействует на окружающее. Движущие силы развития личности, лежащие в основе ее активности, связаны с двумя тенденциями: стремлением человека к избавлению от напряжения и достижению равновесия со средой и стремлением к созданию напряжения. Диалектика этих двух тенденций личности – стремления к напряжению и стремления к редукции напряжения, является основным источником активности человека.

Важно, что социальная работа сама по себе носит гуманистический характер, она ориентирована на человека, оказание ему помощи, на создание для него таких условий, в которых сохранялись бы его самоуважение, чувство собственного достоинства, вера в собственные силы и возможности, а также право

выбирать тот или иной способ поведения и нести за это ответственность в полной мере.

Однако экзистенциалистский и гуманистический методологические подходы к рассмотрению человека и соответственно осуществлению социономической деятельности не единственные в своем роде. На мой взгляд, еще одним значимым подходом является психоанализ. Данное направление в философском рассмотрении человека имеет большое значение в социально-гуманитарном знании, а значит, представляет особый интерес для теоретиков и практиков социальной работы, как вид профессиональной деятельности, объектом которой является именно человек или группа людей (социальная группа).

Психоанализ начался с З. Фрейда. Он открыл сферу бессознательного и сформулировал свою концептуальную структуру человеческой личности. Согласно ей в структуру личности входят такие компоненты, как «Ид», «Эго» и «Супер-Эго». Первый компонент психики – это бессознательные природные инстинкты и влечения, важнейшим из которых, по мнению австрийского психиатра, является «эрос» или половой инстинкт. Третий компонент – это культура, которая предъявляет к человеку определенные требования, в случае невыполнения этих требований общество применяет к человеку соответствующие негативные санкции. Эти требования находятся в противоречии с природными инстинктами, господствующими в компоненте «Ид». Звеном, являющимся посредником между этими двумя противоречащими компонентами и испытывающими их воздействие с двух сторон является «Эго». Человек вынужден подавлять в себе природные инстинкты, поскольку они осуждаются культурными нормами, поддерживающими стабильность человеческого общежития. Следствием такого подавления являются неврозы.

Такое рассмотрение человека диктует определенное отношение субъекта социальной помощи к объекту. Помочь клиенту – значит снять невроз, способствовать направлению сексуальной энергии в позитивное русло, сублимировать ее, то есть преобразовать в один из других видов энергии, например, в творческую.

Важно отметить, что экзистенциалисты критиковали представителей психоанализа за то, что последние рассматривали человека как существо, не могущее полностью отвечать за свои поступки и действия. В этом разница двух этих методологических подходов, даваемых философией теории социальной работы.

Таким образом, такие течения философской мысли, как экзистенциализм, гуманизм и психоанализ, являются актуальными для теории социальной работы, они дают универсальные подходы к рассмотрению сущности человека и служат, таким образом, основаниями для моделей социальной работы.

Библиографический список

1. Бубер М. Два образа веры. М., 1995.
2. Фромм Э. Иметь или быть. М., 1986.
3. Социальная работа / Под ред. В. И. Курбатова. Ростов н / Д , 2003.
4. Фрейд З. Психология бессознательного. М., 1990.
5. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. М., 1987.

Ю. Тюжина
(Научный руководитель: к. ф. н., доцент кафедры
социологии и соц. работы М. А. Елистратова)
Пензенский государственный
педагогический университет им. В. Г. Белинского

ОРГАНИЗАЦИЯ МЕРОПРИЯТИЙ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ НАРКОМАНИИ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И МОЛОДЕЖИ

Очевидным является тот факт, что молодое поколение России переживает кризисную социально-психологическую ситуацию. Разрушены прежние устаревшие стереотипы поведения, нормативные и ценностные ориентации. Выработка новых стереотипов происходит хаотично, бессистемно и лавинообразно. Молодежь утрачивает ощущение смысла происходящего и не имеет определенных жизненных навыков, которые позволили бы сохранить свою индивидуальность и сформировать здоровый и эффективный жизненный стиль.

Современная социальная ситуация неизбежно привела молодое поколение к необходимости взятия ответственности за свое будущее на себя, самостоятельного выбора и контроля своего поведения. В то же время совершенно очевидно, что подростки, находясь под воздействием хронических, непрерывно возрастающих интенсивных стрессовых ситуаций, не готовы к их преодолению и страдают от их последствий. Прогрессивно нарастающие требования социальной среды вызвали появление массовых состояний психоэмоционального напряжения, лавинообразное увеличение форм саморазрушающего поведения, на первое место из которых вышла наркотизация подростков, а также различные виды злоупотребления психоактивными веществами.

Злоупотребление наркотиками, известное с древнейших времен, сейчас распространилось в размерах, тревожащих всю мировую общественность. Даже при сужении, с точки зрения наркологов, границ наркомании до юридически приемлемых во многих странах, наркомания признана социальным бедствием. Наркотические мафии управляют государствами (Латинская Америка), имеют свои армии (Юго-Восточная Азия). Доходы подпольных корпораций по торговле наркотиками превышают известные доходы от торговли нефтью и приближаются к мировым доходам от торговли оружием. Особенно гибельно злоупотребление в молодежной среде – поражается и настоящее, и будущее общества. Полная, с точки зрения наркологов, картина распространения злоупотребления, включающая формы токсикоманий, еще более трагична. Вещества и препараты, не включенные в список наркотиков, как правило, еще более злокачественны, приводят к еще большему ущербу для индивидуума.

Наркомания, как подчеркивают эксперты Всемирной организации здравоохранения, является большой угрозой для здравоохранения в мировом масштабе.

Каждое государство предпринимает меры по предупреждению злоупотребления среди населения, не является исключением и Россия.

Во всех антинаркотических программах мира на первое место ставят проблему повышения уровня осведомленности населения в вопросах механизма действия наркотиков. Важно довести до каждого подростка, его учителей и родителей знания об этой страшной болезни. Человек, знающий, как быстро и глубоко начинаются патологические процессы при этой «добровольной» болезни, никогда не станет пробовать наркотики.

Современная ситуация в России характеризуется расширением незаконного распространения и немедицинского потребления наркотиков, что представляет серьезную угрозу здоровью нации, экономике страны, правопорядку и безопасности государства.

На общем неблагоприятном фоне распространения наркомании среди населения большую обеспокоенность вызывает увеличившееся потребление наркотических средств подростками и молодежью. Подавляющее большинство наркоманов составляют лица в возрасте до 30 лет. Особую тревогу вызывают дети. Первый прием наркотиков приходится уже на 10 лет.

Молодежный возраст наркопреступности объясняется следующими факторами: во-первых, первичный прием наркотиков приходится на возрастной период от 10 до 12 лет, во-вторых, дельцам наркобизнеса легче распространять наркоманию среди молодежи в силу ее природной любознательности, желания самоутвердиться, несамостоятельности мышления, стремления к подражанию, используя при этом отработанные приемы психического и физического воздействия на несовершеннолетних. Поэтому плодотворность работы с правонарушителями во многом зависит от уровня познания их личности.

Профилактика подростковой и юношеской наркомании становится одной из важнейших задач общества. Это осознают все: от государственных чиновников всех уровней до обычных, рядовых граждан. Вместе с тем разработка и внедрение первичной профилактики наркомании у подростков и молодежи чрезвычайно затруднены в силу ряда обстоятельств.

1. Не ясен вопрос о том, к чьей компетенции относится реализация антинаркотической работы с молодежью. Какие ведомства должны взять на себя затраты и ответственность по ее проведению. Нерешенность приводит к тому, что, с одной стороны, государственные средства, выделяемые на профилактику наркомании, распыляются по различным ведомствам, которые реализуют плохо согласованные друг с другом мероприятия, эффективность которых трудно оценить, а с другой – ведомства, которые имеют непосредственное отношение к профилактике наркомании среди молодежи, всячески дистанцируются от этой работы.

2. Не определено, усилиями каких специалистов (педагогов, врачей, психологов) должна вестись антинаркотическая работа с молодежью. Очевидно, что профилактическая работа педагогов недостаточна в силу их низкой осведомленности в вопросах наркомании, а усилия медиков ограниченны, так как навыки работы с детьми незначительны. И в том, и в другом случае мы сталкиваемся с различными аспектами некомпетентности, сформировавшими господ-

ствующую ныне модель профилактики, основа которой – запугивание и дезинформация.

3. Практически отсутствуют научные обоснования программ первичной профилактики наркомании среди молодежи.

4. Единичные методические рекомендации составлены врачами-наркологами и носят ознакомительный характер. Отсутствие обоснованных и проработанных программ профилактики наркомании приводит, с одной стороны, к сохранению запугивающей модели антинаркотической работы, а с другой – к стремлению внедрить в российских условиях зарубежный опыт. Неэффективность первого подхода очевидна, и его сохранение в нынешних условиях означает пустую трату средств, профессиональных усилий и поистине драгоценного времени. Вопрос об эффективности зарубежных антинаркотических программ требует специального изучения. Однако ясно, что без учета культурологического аспекта молодежной наркомании эффективная адаптация зарубежных программ невозможна.

5. До настоящего времени в медицине и психологии отсутствует системный подход в понимании наркомании как явления. Узкопрофессиональное видение приводит к формированию восприятия наркомании как болезни, психоза, неспецифической формы личностной защиты и др. Вместе с тем очевидно, что речь идет о явлении, адекватное понимание которого возможно лишь с позиций системного подхода.

6. В настоящее время мы можем констатировать наличие некоторых результатов в изучении наркомании с позиции наркологии, психиатрии, биохимии, физиологии, психологии. Однако сколько-нибудь существенных результатов в профилактике наркомании в молодежной среде вряд ли можно добиться без разработки педагогического аспекта антинаркотической работы. В настоящее время таких исследований практически нет. Существуют лишь спорадические и слабые в методологическом плане попытки осмысления опыта деятельности наркоманских общин, существующих во многих странах мира, в том числе и в России. Цель современной превентологии – здоровый образ жизни – актуализирует сложное, системное представление о здоровье. Оно включает три компонента: физиологическое, психическое и духовное (моральное, нравственное) здоровье. Последние два объединяются в понятие «душевное здоровье», представляющее по своей природе культурно-исторический феномен. Поэтому в подходе к первичной профилактике (ПП) с позиций системного представления о здоровье приоритетное значение приобретает идеологическая составляющая, и в особенности (психогигиеническая функция) культура. Деструктивные, связанные с запугиванием методы ПП заменяются на конструктивные, направленные не на изменение или разрушение спонтанных социальных установок, а на их формирование и смысловой ориентации личности, при которых алкоголь и наркотики не являются ценностями.

Ведомственная разобщенность, отсутствие системности и взаимосвязи в функционировании государственных органов, осуществляющих практический контроль за незаконным оборотом наркотиков, приводит к необходимости соз-

дания единого органа для разработки стратегии и тактики, постоянного и оперативного мониторинга ситуации в сфере оборота наркотиков.

А. С. Дудкин
Пензенский государственный
педагогический университет им. В. Г. Белинского

СТОИМОСТЬ СОЦИАЛЬНОЙ УСЛУГИ, РАБОЧЕЙ СИЛЫ И ОРГАНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ

Человек производит то, что приносит индивидуальную пользу, удовлетворяет потребность, то есть продукт, обладающий потребительной стоимостью. Этим производством человек живет, на этом производстве покоится весь прогресс человечества. Будучи произведенным, предмет (услуга, материал и т. п.), удовлетворяющий потребность, рынком и частной собственностью наделяется меновой стоимостью. В капиталистическом способе производства потребительная стоимость предстает как меновая постольку, поскольку продукты производятся не для собственного потребления производителя, а для обмена на рынке, то есть для продажи.

В материальном производстве очевидно: под контролем капиталиста наемный работник производит какую-либо потребительную стоимость, выраженную в вещи, удовлетворяющей какую-либо потребность. Вещь, будучи проданной на рынке, доставляет собственнику средств производства некоторую прибавочную меновую стоимость. В сфере же социальной помощи дело обстоит иным образом.

Во-первых, оказание услуг – это труд не в классическом смысле слова как процесс между человеком и природой. Во-вторых, социального работника (равно как и врача, учителя) нанимает зачастую не капиталист, а государство, и не с целью получения прибыли, а с целью оказания помощи нуждающимся, предупреждения и устранения трудных жизненных ситуаций. В-третьих, изначально затратный, некоммерческий характер системы социального обслуживания дополняется спектром платных услуг, призванных улучшить положение учреждений социального обслуживания и повысить качество оказания самих услуг.

Довольно длительный период в России действует система, согласно которой право на бесплатное социальное обслуживание получают только те, кто имеет средний душевой доход ниже прожиточного минимума. На условиях частичной оплаты обслуживание предоставляется клиентам, средства существования которых в денежном эквиваленте составляют немного более прожиточного минимума. И на условиях полной оплаты услуга приобретается тогда, когда покупатель имеет доход в разы больше прожиточного минимума. Таким образом государство старается придерживаться принципа социальной справедливости, предоставляя возможность безвозмездно получать помощь тем, кто купить ее не в состоянии.

При этом покупка рабочей силы специалистов социальных служб, оказывающих данные услуги, осуществляется на условиях, закрепленных в виде еди-

ной тарифной сетки, ставки и нормы которой периодически, в соответствии с инфляцией и другими обстоятельствами корректируются на федеральном и местном уровнях. В основе тарифной сетки как совокупности тарифных разрядов лежит понятие тарифной ставки. Это фиксированный размер оплаты труда за выполнение нормы труда определенной сложности за единицу времени (1). Но чем измеряется норма труда, если не считать того, что государство вольно присваивать этой норме ту или иную тарифную стоимость в виде денежного вознаграждения за труд? Труд социального работника, как и любой другой общественно полезный труд, создающий потребительную стоимость, измеряется общественно необходимым для производства продукта временем. Продукт труда социального работника, занимающегося социальным обслуживанием – это оказанная помощь в виде предоставленной социальной услуги. Соответственно, время, затраченное на предоставление конкретной социальной услуги, рассчитанное как общественно необходимое, и есть подлинная мера.

Отрадно, что не только в теории и министерских постановлениях, но и на практике специалисты самостоятельно доходят до этого экономического положения, и начинают эффективно использовать его. Так, например, в некоторых отделениях надомного социального обслуживания уже успешно действует планирование социального обслуживания на основе повременного учета (См. 2). На основе интеграции плановых, производственных и непроизводственных временных затрат рассчитывается индивидуальный трудовой вклад каждого социального работника. Поклиентский учет заменяется повременным. Создаются объективные предпосылки введения почасовой платы труда.

Хотя почасовая оплата труда и решит проблему выплат зарплат «в конверте», усилит поступление налогов, от которых напрямую зависит уровень оплаты труда работников социальных служб (3), тем не менее, очень важно не путать почасовую оплату труда, активно вводимую рынком (во всех развитых капиталистических государствах она уже вполне сложилась как норма) с общественно необходимым рабочим временем, необходимым для производства благ и услуг.

Среднее общественное рабочее время не имеет конкретного существования, оно воплощает в себе общий случай многочисленных особенностей экономического процесса. Осуществление социального обслуживания – тот же экономический процесс, в котором производится не вещь, а услуга. Она может быть товаром, а может не быть – все зависит от того, оказывается ли она для обмена или для собственно потребления, производится ли она как потребительная стоимость или как стоимость меновая. Потребительная стоимость социальной услуги состоит в том, что она удовлетворяет потребность нуждающегося в участии, содействии и консультировании со стороны другого человека.

Один социальный работник может плохо обслуживать клиента, другой – хорошо, однако их труд, взятый в совокупности, существует именно как неотъемлемая часть общего труда. И общественно необходимый рабочий час здесь выступает не просто как мера индивидуального труда, а как мера труда общественного.

Исходя из этого, интересно наблюдать за подобными заявлениями чиновников: «Стоимость социальной услуги для клиента не зависит от количества времени, потраченного на ее оказание социальным работником» (4). Конечно, на первый взгляд, хорошо, что стариков не «поставят на счетчик», заставив платить за время оказания услуги. Однако на деле для социального работника это утверждение значит лишь одно: отсутствие рабочего часа как меры применения рабочей силы. Для политэконома же данное заявление чиновника служит очередным подтверждением тезиса о том, что деньги как мера стоимости есть необходимая форма проявления имманентной товарам меры стоимости – рабочего времени.

Товарный характер оказания социальных услуг нуждающимся создает очередную фетишистскую иллюзию, когда под стоимостью понимается меновая стоимость, выраженная в денежной сумме, назначенной государством, тогда как общественно необходимое для оказания данной услуги рабочее время как будто вообще остается не играющим никакой роли в процессе социального обслуживания. Хотя в рамках существующей экономической системы товарный характер помощи и понимание ее стоимости для большинства экономистов и чиновников выглядит вполне естественным, всякий труд выглядит как оплаченный труд: труд на капиталиста – капиталистом, труд на государство – государством.

Обратимся к «Капиталу» К. Маркса. В главе «Превращение стоимости, соответственно и цены, рабочей силы в заработную плату» Маркс развивает ту мысль, что если встать на точку зрения рабочего, который за свой двенадцатичасовой труд получает стоимость, созданную шестичасовым трудом, скажем 100 рублей, то для него двенадцатичасовой труд действительно есть лишь средство получить 100 рублей. Стоимость его рабочей силы может изменяться вместе со стоимостью привычных для него жизненных средств: повыситься со 100 рублей до 120 или упасть до 70; или, при неизменной стоимости рабочей силы, цена ее вследствие колебаний спроса и предложения может подняться до 200 рублей или упасть до 50 рублей, – во всех этих случаях рабочий одинаково даст 12 часов труда. Поэтому всякая перемена в величине получаемого им эквивалента необходимо представляется ему изменением стоимости, или цены его 12 рабочих часов. При этом действительное движение заработной платы обнаруживает явления, которые создают видимость доказательства, будто оплачивается не стоимость рабочей силы, а стоимость ее функции, т. е. самого труда.

Государство, нанимающее социального работника, в определении тарифной ставки найма также зависит от колебаний спроса и предложения на рабочую силу, оно также находится во власти рыночных скачков стоимости жизненных средств. В этом смысле оно подобно капиталисту. Государство «идет на поводу» у рыночной стихии, выполняя свою экономическую функцию перераспределения, исходя из буржуазных представлений о стоимости труда и его оплате. В итоге оказанная помощь выступает товаром, и, будучи именно товаром, создаваемым для обмена, а не для потребления, она поддерживает социальную нужду, которая создает спрос на подобного рода товары.

Если при капитализме категория среднего общественного рабочего времени определяется «стоимостью», то при коммунизме «стоимость» заменяется на труд, производящий благо. Переход к новой экономической системе, в которой меновые стоимости больше не производятся, а вместо них производятся продукты для потребления, потребительные стоимости, невозможен вне такой фундаментальной экономической единицы измерения, как рабочее время, необходимое для производства продуктов. Новая экономическая система исключает меновую стоимость социальной услуги, да и всякого товара, оставляя лишь включение в продукт работы, затраченной на его производство.

Средства и методы учета и расчета рабочего времени существуют уже сегодня. В нынешнем обществе мы видим зарождение коммунистических средств и методов. Прежде всего это электронные средства учета рабочего времени. Они позволяют осуществить главные условия функционирования нового типа плановой не рыночной экономики – уникальную индивидуальность квитанции (счета) отработанного времени и единую базу данных всех счетов всего общества.

Эти счета не совершают обращения, а содержащиеся на них единицы – это не деньги, поскольку они персонифицированы, привязаны к данному счету, они отражают индивидуальный трудовой пай. С появлением компьютерной техники, программного обеспечения, сложных интегральных систем обработки и хранения информации понятие квитанции отработанного времени у ее бумажном виде уходит в прошлом. Учет рабочего времени становится делом, которое теперь под силу именно компьютерной технологии. Приведем отрывок из рекламного проспекта системы «Рабочее время 2000» (5).

«Возьмем типичное предприятие среднего размера (имеющее в штате примерно 100 работников). Учет отработанного времени (для целей расчета заработной платы) там поставлен обычно не на ручных записях в бумажных Табелях учета рабочего времени (форма Т–12, Т–13), а с помощью их автоматизированных аналогов в программе расчета заработной платы. Такой способ учета не дает точных данных, максимум, что он может отразить, – это отсутствие работника по болезни, прогул, в ряде случаев отгул на половину дня. При такой постановке учета отработанного времени, мы имеем дело с латентными (скрытыми) потерями рабочего времени, которые неизвестны, потому что их никто не считал. Единственными контролерами времени при такой системе учета являются непосредственные начальники, вынужденные как церберы сдерживать своими действиями коллектив от полной расхлябанности, что отнюдь, как вы понимаете, не улучшает отношения с подчиненными. Однако и начальники не гарант отсутствия потерь рабочего времени, они тоже люди: болеют, берут отгулы, увольняются, любят приходить поздно или уходить рано, у них бывают срочные, неотложные дела за пределами офиса, имеют симпатии к отдельным сотрудникам (не беспристрастны). К тому же, даже если начальник зафиксирует, например, опоздание, он ограничится административным взысканием (выговором); до корректировки потерянного сотрудником времени на минус дело не дойдет. Потери времени (и денег) в таком случае огромны, насколько они огромны в России, даже трудно себе представить. Авторитетных исследований

по России не имеется. По данным исследований Американской ассоциации платежной ведомости, средний показатель таких потерь в промышленности США равен 4 часам и 18 минутам на работника в неделю! Когда мы внедряем систему автоматического учета времени «Служебное время 2000», мы имеем дело только с фактическими, реальными показателями отработанного и потерянного времени. Опоздания резко сокращаются, преждевременные уходы становятся невозможны. Начальник смотрит на опоздавшего подчиненного ясными глазами, ведь контроль времени на нем больше не лежит (только административные взыскания, опираясь на полученный из Служебного времени 2000 отчета в конце недели). Каждый, ежемесячный (или за другой период) отчет по фактически отработанному времени четко показывает реальную экономию фонда оплаты труда! Скрытые потери времени сокращаются до минимума, все ставиться под неусыпный автоматический контроль. Есть еще и предполагаемые потери от отсутствия сотрудника на рабочем месте. Это потери от не обслуженных вовремя клиентов, не переданной важной информации, недопроизведенной продукции, ухудшения имиджа организации, как четкого и обязательного партнера – все то, что на юридическом языке называется упущенной выгодой. Такие потери, порой не просто подсчитать, однако совершенно понятно, что они в несколько раз превышают стоимость потерь от не обоснованной оплаты фактически не отработанного времени. С установкой на предприятии автоматической системы учета и контроля рабочего времени «Служебное время 2000» эти потери значительно сокращаются».

Очевидно, что система учета рабочего времени, созданная, чтобы экономить деньги капиталиста, может быть поставлена на службу обществу для того, чтобы подсчитывать время, затраченное на оказание социальной услуги (равно как и производство других продуктов).

Таким образом, для того, чтобы определить стоимость социальной услуги уже можно не прибегать к самой категории стоимости и прибыли. Все, что остается в экономике нового типа, основания которой формируются на наших глазах – отношение полезных эффектов потребления продукции к затратам на её производство, а в социальной работе – отношение пользы от социальной услуги к времени ее оказания.

Библиографический список

1. Единые рекомендации по системам оплаты труда работников организаций, финансируемых из бюджетов на федеральном, региональном и местном уровнях, на 2005 г. // Работник социальной службы. 2005. № 1. С.128–129.
2. Планирование социального обслуживания на основе повременного учета // Социальная работа. 2004. № 1 С. 41–42.
3. Ручьева Е. В обход законов. // Социальная защита. 2006. № 4. С. 7–10.
4. Волчок Н. Стариков «не поставят на счетчик» // Социальная защита. 2006. № 4. приложение “Социономия. С. 9–11.
5. См.: http://www.dial-union.ru/sv_effect.htm

В. А. Долотов
управляющий Отделением Пенсионного фонда России
по Пензенской области

ПЕНСИОННАЯ СИСТЕМА РФ: ПОТРЕБНОСТЬ В АКТУАРНОМ АНАЛИЗЕ

Система пенсионного обеспечения Российской Федерации должна представлять собой систему сбалансированных показателей, в которой гарантированные Конституцией обязательства государства должны обеспечиваться необходимыми финансовыми ресурсами. Важным отличием пенсионной системы является необходимость долговременной финансовой устойчивости системы при изменении отдельных её параметров, как по обязательствам, так и по финансовым источникам.

За последние 15 лет параметры системы изменялись неоднократно. Увеличивались размеры пенсий как по базовой, так и по страховой составляющей, индексируется ежегодно расчетный пенсионный капитал, а это финансовые обязательства будущих периодов. Реализация принципиальных положений по уменьшению налогового бремени на бизнес на практике ведет к снижению ставки единого социального налога, уплачиваемого работодателями за наемных работников, а в особых экономических зонах единый социальный налог отменён совсем, что приводит к разбалансированности пенсионной системы и к необходимости определения источника выпадающей части доходов ПФР.

Различия в ставке тарифов страховых взносов для отдельных категорий граждан, изменения регрессной шкалы налогообложения, унаследованные от пенсионной системы советского периода, многочисленные льготы, дающие право на досрочное пенсионное обеспечение, неподкрепленное финансовыми источниками, приведет к проблемам в оценке пенсионных прав, в результате чего средний размер трудовых пенсий едва превышает прожиточный уровень пенсионера, а коэффициент замещения заработной платы имеет тенденцию к снижению.

Уменьшение ставки единого социального налога привело к усилению государственного влияния на пенсионную систему, уменьшению страховой составляющей трудовой пенсии, изменению динамики в сторону государственного пенсионного обеспечения и отхода от пенсионного страхования.

Учитывая, что сбалансированность пенсионной системы необходима не только в текущий момент, но и в долгосрочной перспективе, важно прогнозировать и управлять развитием пенсионной системы. Причем долговременную финансовую устойчивость пенсионной системы можно понимать как долговременную возможность выполнения накопленных государственных обязательств.

Поэтому имеющиеся проблемы в текущей обеспеченности обязательств по пенсионному обеспечению российских граждан делает абсолютно необходимым использование современных актуарных технологий для оценивания способности пенсионной системы решать поставленные задачи в долгосрочной перспективе.

Актуарное оценивание сбалансированности пенсионной системы должно быть непременной составляющей при принятии решений по изменению того или иного параметра пенсионной системы. В зарубежной практике актуарное

оценивание является неотъемлемой составляющей пенсионной системы, исключительной функцией которой является перманентное экономическое оценивание объема пенсионных прав застрахованных лиц, эффективности их сохранения, а также в осуществлении жёсткого контроля за финансовой обеспеченностью долгосрочных государственных обязательств перед пенсионерами[1].

В российской действительности актуарные прогнозы финансовой устойчивости пенсионной системы делают только первые шаги, направленные на создание технологий, реализующих данную задачу. Особенностью актуарных технологий является то, что часть этих технологий должна реализовываться на федеральном уровне, а часть задач решается на региональных уровнях. Основанием для разделения задачи актуарного анализа пенсионной системы России является то обстоятельство, что система получения исходной информации распределена между федеральным и региональным уровнями.

Кроме того чрезвычайно важно выполнение актуарных прогнозов на федеральном уровне. Оно позволяет получать средние прогнозные показатели, которые не дают полной картины поведения системы. Поясним на следующем примере. По итогам 2003 года в Российской Федерации средний коэффициент замещения трудовой пенсией среднемесячной заработной платы составил 32,4 процента[9].

Но это среднее значение, которое не показывает величины отклонений от него в ту или иную сторону, которое может наблюдаться индивидуально в зависимости от экономического состояния регионов. Поэтому, если мы рассмотрим коэффициент замещения трудовой пенсией утраченного заработка по отдельным регионам, то получим за 2003 год значения от 70 процентов и более в Ивановской области, Калмыкии, республике Марий Эл, Чувашии, Кировской и Пензенской областях, Алтайском крае до 15–20 процентов в Москве, Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком округах, Таймырском и Чукотском автономных округах[8].

Такая же картина будет, если рассматривать соотношение средней трудовой пенсии к величине прожиточного уровня. Для каждого региона эта величина индивидуальна, поэтому среднее российское значение не будет объективным для конкретного субъекта Российской Федерации. Точно такая же картина будет и при рассмотрении любого другого параметра пенсионной системы, поэтому выполнение актуарных расчетов в совокупности как на федеральном уровне по макроэкономическим показателям, так и по отдельным субъектам страны дает полную информацию по ожидаемым результатам, показывает границы отклонений от средних значений в субъектах Федерации.

На необходимость такого подхода указывают и реальные возможности центрального аппарата ПФР и региональных отделений ПФР по формированию базы данных актуарных расчетов. Федеральный и региональный уровни Пенсионного фонда РФ обладают различными источниками информации, используемой как для актуализации базы данных актуарных расчетов, так и для выполнения собственно самих прогнозных оценок.

На региональном уровне формируются базы данных по персонифицированному учету застрахованных в ПФР граждан, сведения об уплате страховых взносов, уплате финансового платежа, классификаторы льготных профессий.

Региональный уровень пенсионной базы данных позволяет использовать для прогнозов признаки назначения пенсий (трудовая, по инвалидности, по случаю потери кормильца), льготные пенсии и основания для льготных пенсий, дату назначения пенсий и дату прекращения выплат.

Региональная база данных конвертации используется для получения информации об объеме пенсионных прав застрахованных лиц и, следовательно, об объеме обязательств пенсионной системы страны по состоянию на 1 января 2002 года.

Использование сведений ЗАГСов позволяет актуализировать количественные характеристики пенсионной базы данных и корректировать расходные обязательства на выплату пенсий.

База данных страхователей и база данных ПТК СПУ могут быть использованы для получения прогнозов по доходной части бюджета пенсионной системы (рис.1)

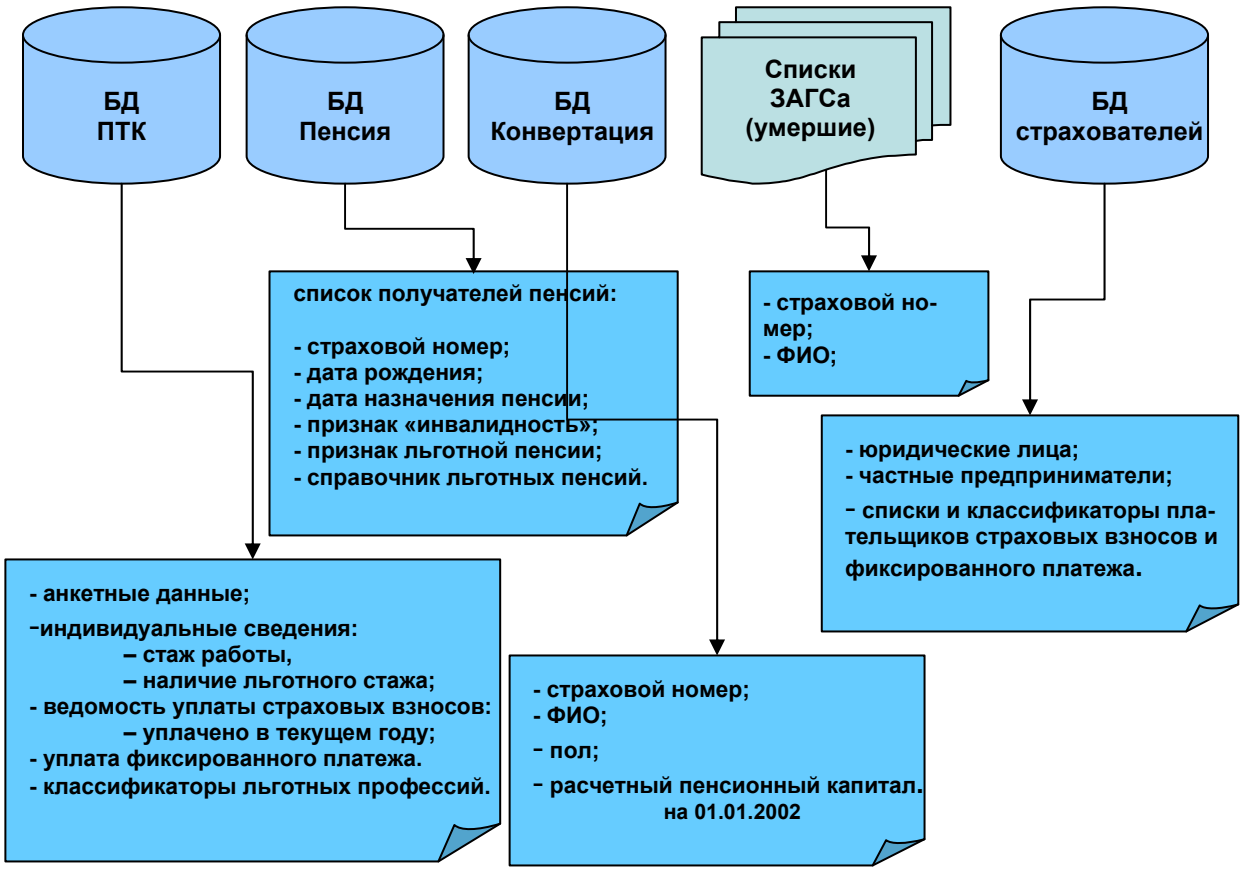


Рис. 1. Источники ОПФР для формирования и актуализации базы данных актуарных расчетов на региональном уровне

Для федерального уровня возможна актуализация информации по целому ряду показателей, которые по существующему разделению функций не могут

быть получены на региональном уровне. Это информация о миграции застрахованных лиц относительно места жительства первоначальной регистрации, места уплаты страховых взносов в прошлом периоде.

Кроме этого на центральном уровне (ПФР) актуализируется информация об объеме пенсионных накоплений застрахованных лиц, учтенных в специальной части индивидуального лицевого счета, которые переданы в негодарственные пенсионные фонды (НПФ) и управляющие компании (УК) по полу, категориям и возрасту, а также объемы пенсионных накоплений этой категории граждан переданных из НПФ и УК в Пенсионный фонд РФ (ПФР).

Для актуализации этой категории граждан также необходима системная информация на центральном уровне об объеме пенсионных накоплений умерших застрахованных лиц, средства которых переданы из ПФР в НПФ и УК и обратно.

Предлагаемая система отношений по формированию базы данных на региональном уровне выглядит следующим образом (рис. 2).

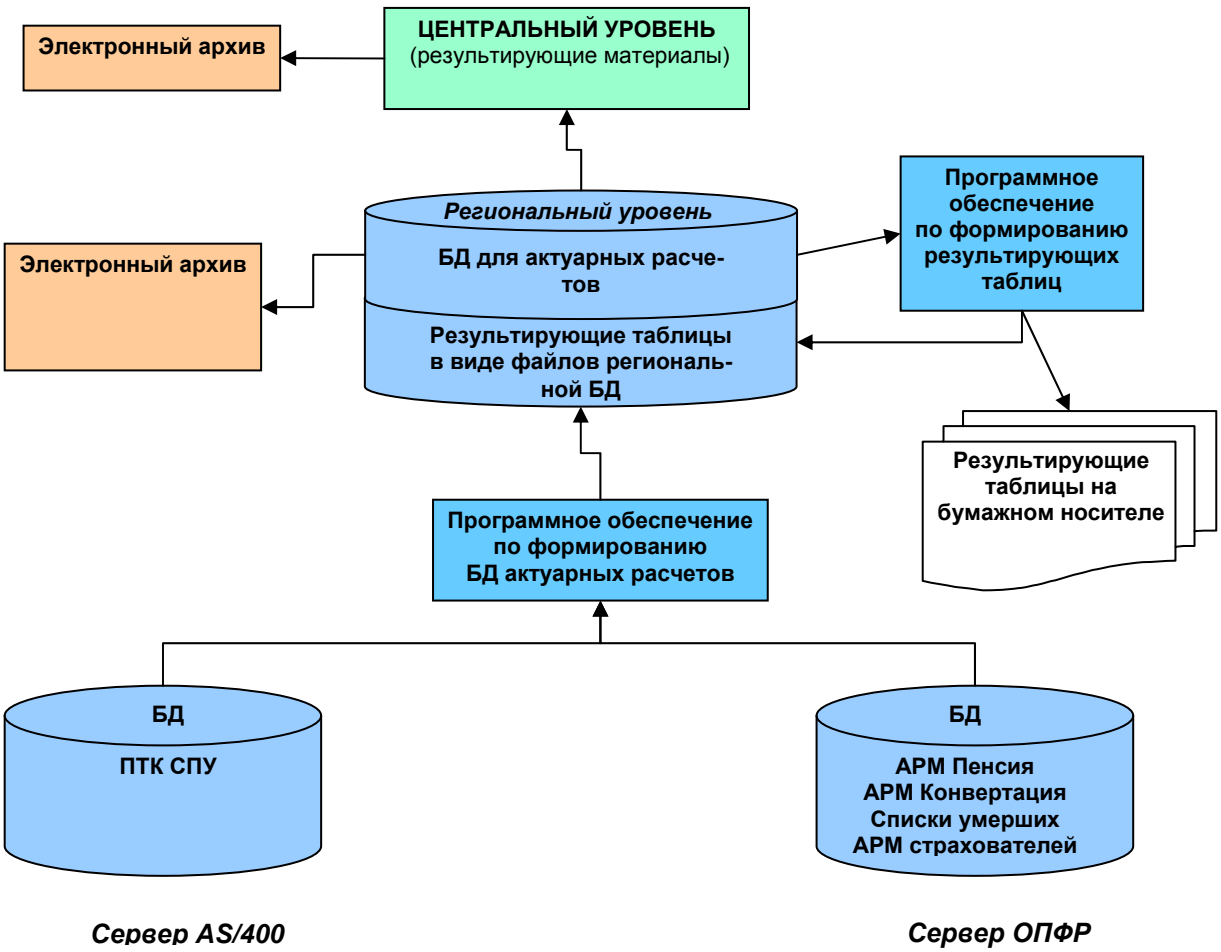


Рис. 2 Схема формирования базы данных актуарных расчетов

Предлагаемая система формирования базы данных актуарных расчётов позволяет на центральном уровне создавать суммарный банк данных, состоя-

щий из региональных сегментов статистической информации, позволяющий выполнять актуарный расчёты и прогнозировать устойчивость пенсионной системы в будущем.

На региональном уровне (ОПФР) формируются необходимые информационные выборки из существующих в регионе источников информации, на основе которых проводятся актуарные расчёты регионального уровня. Сформированные актуарные оценки и статистические показатели архивируются на региональном уровне, а полученные интегрированные результаты передаются на центральный уровень для свода в целом по РФ. Функционально предлагаемая модель достаточно проста и позволяет реализовать процессы по созданию и актуализации базы данных актуарных расчётов и построению актуарных моделей устойчивости пенсионной системы как на уровне регионов, так и на общефедеральном уровне.

Определенные сложности при актуализации базы данных могут возникать из-за того, что часть необходимой информации должна поступать из внешних для органов ПФР источников. И если информация в системе ПФР поступает в региональное отделение по ведомственной корпоративной сети передачи данных (КСПД) в режиме реального времени с использованием электронно-цифровой подписи (ЭЦП), то из внешних источников, таких как ЗАГС, комитеты по статистике, по экономике и других получать системную информацию в таком виде не представляется возможным как по техническим, так и по организационным причинам. Например, органы ЗАГС Пензенской области пока технически не в состоянии вести обмен информацией в электронном виде с ЭЦП из-за отсутствия необходимых технических средств. Кроме того, предоставляемая ежемесячно информация не всегда актуальна, так как действующий порядок не предусматривает обязанности органов ЗАГС формировать информацию для ОПФР с учетом не только паспорта гражданина РФ, но и номера страхового свидетельства обязательного пенсионного страхования, который позволяет безошибочно идентифицировать застрахованное лицо.

В этой связи необходимо отметить, что действующий порядок пенсионного страхования, предусматривающий учёт всех пенсионных прав гражданина на индивидуальном лицевом счёте (ИЛС) с использованием страхового номера карточки обязательного пенсионного страхования является незавершенным. Действующие нормативные акты не определяют, какие действия и какими структурами должны быть выполнены в отношении страхового пенсионного свидетельства в случае смерти застрахованного лица.

Представляется логичным и оправданным порядок, по которому страховое свидетельство в случае смерти застрахованного лица передается вместе с его паспортом в органы ЗАГС, через которые оно (свидетельство) возвращается вместе с информацией в органы ПФР. Такой порядок позволяет повысить качество идентификации умерших застрахованных лиц, исключить переплаты пенсий умершим пенсионерам, осуществлять контроль за движением страховых свидетельств, который в настоящее время отсутствует.

Такой порядок позволяет также вести более оптимальный учёт пенсионных прав застрахованных лиц, которые по причине смерти не смогут реализо-

вать свои пенсионные права и средства которых поступят в распределительную систему. Это в свою очередь позволит оценивать уровни перераспределения финансовых средств в пенсионной системе, связанные с недожитием граждан до общеустановленного пенсионного возраста. А также более эффективным будет учет по накопительной части трудовой пенсии, которую потребуется выплачивать наследникам умершего застрахованного лица.

Предлагаемый порядок позволит более объективно оценить соотношение наемных работников и пенсионеров, что особенно важно в условиях действия распределительных принципов пенсионной системы, действующей в настоящее время в Российской Федерации, и что важно для оценки динамики финансовой обеспеченности региона на выплату пенсионерам страховой части трудовой пенсии.

Действующая пенсионная система России также связана и непосредственно зависит от макроэкономической ситуации в стране, демографических тенденций, положения на рынке труда. Но общероссийские тенденции в этих направлениях складываются из региональных составляющих, имеющих свои особенности.

Поэтому, выбирая исходные данные для актуарных расчётов, важно использовать не только параметры развития макроэкономики, определенные Минэкономразвития РФ в целом по России, такие как действующая структура ВВП и темпы экономического развития, но и параметры, характерные для региональных условий, такие как динамика роста фонда оплаты труда (ФОТ), тенденции в размере реального тарифа пенсионного страхования, демографические процессы, уровень заработанной платы.

Непременным условием при проведении актуарных расчётов должна быть полная текущая финансовая обеспеченность пенсионных обязательств и долгосрочная финансовая устойчивость бюджета ПФР, способная обеспечить обязательства государства по выплате пенсий.

Представляется, что при проведении актуарных расчётов целесообразно принять неизменными нормы налогового законодательства, связанные с пенсионным обеспечением. То есть действующую в настоящее время (2006 год) ставку единого социального налога (ЕСН) – 20 процентов от фонда оплаты труда, из которых 6 процентов на базовую часть пенсии, направляемые в федеральный бюджет и 14 процентов в качестве индивидуального страхового взноса, направляемого в ПФР на финансирование страховой и накопительной частей пенсий. Также неизменными остаются условия, связанные со шкалой регрессии страхового тарифа пенсионного страхования и действующие многочисленные льготы по досрочному пенсионному обеспечению, которые также имеют региональные особенности и отличия.

Такой же подход принимается и при оценке фиксированного платежа, уплачиваемого индивидуальными предпринимателями в пенсионную систему, неизменным принимается коэффициент собираемости страховых взносов, не учитывается погашение просроченной задолженности по страховым взносам, штрафам и пени.

Для актуарных расчетов принимаются без изменений действующие правила в отношении накопительной части будущей пенсии, расходы на доставку пенсий пенсионерам, а также расходы, связанные с функционированием самого Пенсионного фонда Российской Федерации.

В то же время при расчетах учитываются динамика рынка труда и демографические тенденции, которые имеют индивидуальные особенности для каждого региона РФ.

Учитываются прогнозные темпы роста заработной платы как по России, так по субъекту РФ. Кроме этого необходимо учитывать и динамику прожиточного минимума, который является индивидуальным для каждого субъекта, и уровень инфляции, который кроме общероссийских показателей имеет региональные особенности, в первую очередь, связанные с услугами ЖКХ.

Демографические условия актуарных расчетов связаны с тенденциями численности как всего населения области, так и тенденциями в численности активной части населения, численности пенсионеров, наемных работников, а также уровнем их миграции в субъекте РФ как в активном возрасте, так и в пенсионом, что способствует реальному определению соотношения численности наемных работников к численности пенсионеров.

В качестве исходных условий, носящих социальный характер, можно выделить коэффициент замещения средней пенсией среднемесячной заработной платы как в целом по РФ, так по отдельным субъектам. К социальным условиям относится и уровень жизни пенсионера, который можно определить как соотношение размера пенсии к прожиточному уровню. Причем кроме определения средних значений по региону важно определить и количество пенсионеров, которые получают пенсию ниже прожиточного уровня, в том числе и в процентном отношении.

В этом же блоке условий можно рассматривать динамику среднего размера пенсии, динамику объема средств, необходимых для обеспечения пенсионных прав по нестраховым периодам, и процент обеспеченности собственными средствами в регионе.

Другими словами, актуарные прогнозы позволяют оценить возможности действующей пенсионной системы на предмет способности выполнения государственных обязательств в долгосрочной перспективе, как в целом по Российской Федерации, так и по каждому субъекту РФ.

К сожалению, в стране практически отсутствуют аналитические материалы на эту тему, за исключением публикаций профессора, д. э. н. А. К.Соловьева и некоторых других аналитиков, что говорит о крайне недостаточной разработанности данной темы.

Но в тех немногих имеющихся публикациях делаются вполне определенные выводы о том, что действующая пенсионная система вступила с 2005 года в полосу дефицита бюджета ПФР. Тем самым не обеспечивается финансовая устойчивость пенсионной системы[7].

Реализация пенсионной реформы показала опасность её зависимости от текущих экономических и политических приоритетов.

Наряду с финансовыми критериями оценки развития пенсионной системы важное значение имеют социальные критерии, по которым гражданами России даётся оценка эффективности реформы. Одним из главных социальных критериев является уровень замещения утраченного заработка и сохранность покупательной способности трудовой пенсии, которые выполняют важную функцию – поддержание уровня жизни пожилой части населения.

По расчетам А. К. Соловьева, к 2015 году рост среднего размера пенсии (2,56 раза) будет отставать от роста заработной платы (3,72 раза) при инфляции в 1,54 раза, что, к сожалению, свидетельствует о тенденции к снижению уровня жизни пенсионеров[3]. Поэтому можно сделать вывод, что действующие в настоящее время правила пенсионного обеспечения не позволяют реализовать направления социальной политики, направленные на достойную жизнь пенсионеров и что нужна существенная корректировка системы на укрепление страховых принципов.

А конкретные шаги по корректировке пенсионной системы можно осуществлять только на основе глубокого актуарного исследования, выполняемого как в целом по РФ, так и по отдельным субъектам России.

Библиографический список

1. Соловьев А. К., Новикова О. Б., Актуарное обеспечение финансовой устойчивости пенсионной системы // Пенсия. 2005. № 4. С. 44–49.
2. Соловьев А. К. Актуарное обоснование долгосрочного прогноза финансового состояния ПФР // Пенсионные фонды и инвестиции. 2005. № 2 (20), С.71–80.
3. Соловьев А. К. Актуарный прогноз развития пенсионной системы в условиях пенсионной реформы // Пенсия, 2005г. - № 8, с. 45-50.
4. Куртин А. В. Развитие актуарных технологий и создание актуарной службы в системе ПФР. Вестник ПФР. 2005. № 1, С. 60–69.
5. Соловьев А. К. и другие. Актуарная модель Пенсионного фонда РФ.// Вестник ПФР. 2004. № 4, с.53–72.
6. Роик В. Д. Задачи для актуариев // Человек и труд. 2002. № 8, С. 40–42.
7. Малеева Т. Синявская О. Прогнозная оценка перспектив Пенсионной системы до 2012 года // Финансовый контроль. 2006. № 2, С.100–103; № 3, С.38–41.
8. Краткий актуарный справочник за 2003 год. М. Современная экономика и право. 2005.
9. Пенсионный фонд Российской Федерации в 2004 году. Информационно-статистический сборник. М.2005. С. 200.

И. А. Павлова
Отделение ПФР по Пензенской области

ОПЫТ РАБОТЫ ПЕНЗЕНСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ПЕНСИОННОГО ФОНДА РОССИИ ПО ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНОГО КУРСА «ПЕНСИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ В РФ» В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ВСЕХ УРОВНЕЙ

Радикальные экономические реформы, начавшиеся в России в конце прошлого столетия, повлекли за собой кардинальные изменения в пенсионной системе, и в-первую очередь в условиях оценки пенсионных прав граждан, от

уровня которых зависит размер пенсии. Во-вторых, новая пенсионная система изменила роли субъектов системы и в частности застрахованного лица, гражданина России, в интересах которого выстроена пенсионная модель, и от которого в настоящее время в основном зависит размер страховой и накопительной частей его будущей пенсии.

И подготовка к реализации на практике новой пенсионной системы в 2001 году, и начальная ее реализация в 2002 году показали, что в обществе ощущается недостаток знаний о новой системе и непонимание целей и задач реформы. Из-за отсутствия системной, полномасштабной информационной поддержки пенсионной реформы в стране абсолютное большинство граждан продолжают связывать размер своей будущей пенсии со старыми основаниями оценки пенсионных прав, такими. как стаж и размер заработной платы на отдельном отрезке трудовой деятельности.

Особую озабоченность вызвало полное незнание принципов пенсионного страхования у молодежи, пенсионные права которой начинают формироваться с первого дня трудовой жизни. А размер накопительной части будущей пенсии зависит полностью от их собственного выбора.

Перед Пенсионным фондом встала задача – научить людей планировать свою жизнь в будущем, а значит, и думать о своей старости. Это позволит человеку отказаться от стремления «жить сегодняшним днем». Наша задача – воспитать доверие граждан к пенсионной реформе. А это значит, что одним из условий является информационная открытость, прозрачность данного процесса.

Однако разъяснительная работа общепринятыми методами не давала возможности в полной мере информировать население об основах пенсионного законодательства. Традиционная система позволяла доводить информацию в основном до лиц пенсионного и предпенсионного возраста. А молодое поколение, к сожалению, мало читает, не участвует в семинарах и «прямых линиях», им не интересны телепрограммы по пенсионной тематике.

	2002	2003	2004	2005
Всего обращений	6 078	4 335	4 290	3 780
письменные обращения	2222	1481	1326	1261
Обращения в вышестоящие организации: процент от письменных обращений	1 647 74,1 %	963 65,0 %	802 60,4 %	689 54,6 %
Возрастной состав заявителей до 30 лет процент от всех обращений	 69 1,1%	 86 2,0 %	 60 1,4 %	 88 2,3 %
от 30 до 55 лет процент от всех обращений	1 631 26,8 %	1 167 26,9 %	1 022 23,8 %	762 20,2 %
старше 55 лет процент от всех обращений	4 017 66,1 %	2 417 55,8 %	3 088 72,0 %	2 768 73,2 %

Анализ обращений граждан в органы ПФР на территории Пензенской области показывает, что доминирующими остаются обращения людей старше 55 лет (от 55,8 % до 73,2 %), а вопросы жителей области до 30 лет составляют 1,1 % – 2,3 %. Это явно показывает недостаток внимания к пенсионным проблемам у молодежи.

Большинство людей продолжают смотреть на пенсионную реформу по старинке – глазами пенсионера. Между те, по своей сути она является самой молодежной из всех проводимых ныне в России реформ. Если, получая первую заработную плату, молодой человек, который в силу своего раннего возраста не задумывается о старости, потребует от работодателя полноты, своевременности и прозрачности в социальных отчислениях, это будет уже успех.

Поэтому необходимо обучать граждан, и в первую очередь молодое поколение, основам пенсионного страхования, доходчиво доносить до них информацию о необходимости заблаговременно заботиться о своем материальном благополучии в старости.

По нашему мнению, самый оптимальный и результативный путь практической реализации – это вхождение в действующую систему российского образования, обязательное введение пенсионного обучения в высших, средних профессиональных, средних общих образовательных учреждениях независимо от специальности или профессии.

Отличие от традиционных форм информирования состоит в том, что не органы ПФР приглашают к себе людей и отвечают на их конкретные частные вопросы, а наоборот, работники ОПФР и УПФР идут к молодой части населения и системно, под контролем доводят до неё необходимые сведения для понимания пенсионной реформы, для принятия правильных решений в своей жизни.

Практическая работа по введению специального учебного курса «Пенсионное обеспечение в РФ» на территории Пензенской области началась с 2002 года и проводилась поэтапно.

С 1 сентября 2002 года в качестве эксперимента по соглашению с Пензенским государственным педагогическим университетом им. В. Г. Белинского на факультетах «Финансы, экономика и менеджмент» и «Социология и социальная работа» для студентов 3–5 курсов, а также с Пензенским государственным педагогическим колледжем – для юристов заочного отделения на основании образовательного государственного стандарта высшего профессионального образования 2000 года был введен новый учебный курс.

В университете был прочитан учебный курс в объеме 68 часов, в колледже – 18 часов. Читали дисциплину специалисты Отделения Пенсионного фонда. По итогам курса все студенты сдали зачет.

По окончании 2002–2003 учебного года выпускники факультета «Социология и социальная работа» получали дипломы, в которых уже значилась новая учебная дисциплина.

Таким образом, на первом этапе в одном ВУЗе и одном ССУЗе был внедрен новый специальный пенсионный учебный курс.

Данный опыт работы позволил утвердится в правильном направлении пенсионного просвещения учащейся молодежи. Вторым шагом явилось предложение Законодательному собранию области о введении данного специального курса в учебные заведения не только г. Пензы, но и других городов и районов области.

Сначала в марте 2003 года предложение было рассмотрено на Постоянной комиссии по труду и социальной политике, и при поддержке Министерства образования и науки Пензенской области, Совета ректоров ВУЗов, Совета директоров ССУЗов в мае того же года было принято Постановление Законодательного собрания области о введении курса «Пенсионное обеспечение в РФ» в высших и средних специальных учебных заведениях Пензенской области на 3–5 курсах, рассчитанного на 18–36 учебных часов. Отделением была разработана типовая учебная программа для ВУЗов в количестве 36 учебных часов, из которых 18 часов – лекции, 18 часов – семинарские и практические занятия. Для ССУЗов было предложено 18 часов обзорных лекций.

Лекционный материал включает в себя историческое развитие пенсионного обеспечения в РФ, современное состояние пенсионной системы, структуру и организацию обязательного пенсионного страхования в РФ, роль и значение ПФР, его взаимодействие с органами исполнительной и законодательной власти, другими организациями, финансовое обеспечение пенсионного страхования в РФ, обязательные социальные платежи, социальные программы ПФР, принципы организации персонифицированного учета, досрочные пенсии, негосударственные пенсионные фонды в РФ и др.

На семинарских занятиях подробно рассматриваются основные федеральные законы, регламентирующие пенсионное обеспечение. Студенты получают возможность понять тенденции реформирования пенсионной системы, условия назначения трудовых пенсий, по инвалидности, по случаю потери кормильца, досрочные пенсии. Важными и актуальными представляются темы по методике начисления и уплаты страховых взносов в ПФР для разных категорий плательщиков, учету и оценке пенсионных прав застрахованных лиц, об информировании граждан об объеме пенсионных прав, об инвестировании накопительной части трудовой пенсии.

На практических занятиях разбираются примеры расчета размера трудовых и досрочных пенсий, подсчета трудового стажа, расчетного пенсионного капитала.

Предусмотрена промежуточная аттестация студентов в середине семестра, которая включает в себя тестирование по пройденному материалу. Также приветствуется написание рефератов и докладов. В конце учебного курса студенты сдают зачет, либо экзамен.

По результатам 2-х учебных лет были подведены итоги, и по инициативе Отделения областным Законодательным органом власти было принято решение о распространении пенсионного курса на систему профтехобразования. Объем учебных часов для профучилищ, как и для ССУЗов составляет 18 часов. Это был третий этап введения пенсионного ликбеза в действующую систему образования.

Однако практика работы показала, что в учебных заведениях ощущается острая нехватка специальной пенсионной литературы. Разработанных учебных программ было недостаточно. Ввиду того, что пенсионный курс читали не только специалисты Отделения и Управлений ПФР, но и преподаватели учебных заведений, толкование пенсионного законодательства могло быть неоднозначным.

Для этого авторским коллективом Пензенского Отделения на базе ПГПУ им. В. Г. Белинского было издано учебное пособие «Практика социальной работы: пенсионное обеспечение в РФ» и распространено по библиотекам всех учебных заведений. Данное учебное пособие было представлено на конкурс, где получило диплом Фонда развития отечественного образования Российской академии наук на лучшую научную книгу 2004 года среди высших учебных заведений РФ.

Кроме этого, Отделением было разработано и издано учебно-методическое пособие «Семинары по курсу: пенсионное обеспечение в РФ», которое включает в себя планы семинарских занятий, темы рефератов и докладов, контрольные вопросы и перечень основных понятий по каждой теме, список дополнительной литературы. Была также разработана методическое пособие по инвестированию пенсионных накоплений, т. к. именно эта тема интересна и необходима для молодой части населения.

Необходимо отметить, что идея пенсионного всеобуча заключается не в профессиональной подготовке специалистов для работы в системе ПФР, а в овладении теоретическими и практическими знаниями основ пенсионного законодательства молодой частью населения.

Накопив определенный опыт в пенсионном просвещении учащейся молодежи, при поддержке Министерства образования области Законодательное собрание вышло с обращением к Правительству РФ, Государственной Думе Федерального собрания РФ, законодательным органам государственной власти субъектов РФ о введении специального пенсионного учебного курса в высших и средних специальных учебных заведениях на всей территории страны.

Многие субъекты поддержали эту инициативу: республика Адыгея, республика Алтай, республика Дагестан, республика Татарстан, республика Удмуртия, Ямало-Ненецкий АО, Амурская, Калужская, Рязанская, Ленинградская области.

Кроме того, многие региональные Отделения обращались за практическими советами по организации пенсионного всеобуча. Им направлялись учебные программы, учебные пособия, методические рекомендации, копии Решений и Постановлений законодательных органов. Все это говорит о том, что потребность и необходимость в этом курсе у молодежи есть.

Однако вызывает непонимание позиция Министерства образования и науки РФ, которое рекомендует вводить данный предмет за счет регионального компонента из возможностей каждого учебного заведения.

По нашему мнению, наибольший эффект в масштабах страны может дать включение специального учебного курса «Пенсионное обеспечение в РФ» в уже действующую систему образования централизованно на федеральном

уровне. Тем более что в государственном образовательном стандарте высшего профессионального образования 2000 года во многих специальностях, таких как финансы и кредит, социальная работа, социология, юриспруденция, государственное муниципальное управление включена дисциплина по пенсионному обеспечению под различными названиями, но одинаковыми по сути: пенсионное обеспечение, Пенсионный фонд, социальное страхование, актуарные расчеты, современные пенсионные системы и др.

Заключительным шагом по пенсионному просвещению молодежи в Пензенской области явилось решение о введении специального курса в выпускных классах общеобразовательных школ. Ведь почти половина выпускников начинают свою трудовую деятельность сразу после окончания школы. Для этого при активной поддержке Министерства образования области было принято соответствующее Постановление Законодательного собрания.

На базе Пензенского областного института повышения квалификации и переподготовки работников образования разработана учебная программа для учащихся выпускных классов средних школ в объёме 8 часов. Отделением Пенсионного фонда были подготовлены слайдовые презентации и памятка для выпускников, которые распространены во все средние школы. В апреле, мае 2005 года все выпускники средних школ (а их более 14 000 человек) прослушали краткий пенсионный курс. Лекции читали сотрудники Пенсионного фонда.

Всего в работе по пенсионному просвещению молодежи участвует около 80 сотрудников Пенсионного фонда и около 60 преподавателей учебных заведений области. Для них ежегодно проводятся обучающие семинары, на которых доводятся текущие изменения в пенсионном законодательстве, предлагается новый информационный материал для использования в учебном процессе.

Таким образом, в Пензенской области создана 3-х уровневая система обучения молодежи пенсионному курсу: высшая, средне-специальная, средняя общая. Они отличаются целями и объёмом изучаемого материала, разными учебными программами и разным количеством учебных часов.

Уровень образования	Цель учебного курса	Количество учебных часов
Высшее профессиональное образование	Изучение пенсионного законодательства, персонифицированного учёта; права и обязанности застрахованного лица и страхователя	36–40
Среднее профессиональное образование	Общие понятия о пенсионном обеспечении и страховании в РФ	16– 20

Среднее (полное) общее образование	Ознакомление с основами пенсионного обеспечения. Анкетирование и выдача страховых свидетельств обязательного пенсионного страхования	6–8

Всего охвачено пенсионным ликбезом 9 ВУЗов, 34 средних специальных, 41 профессиональное учебное заведение и 426 общеобразовательных школ.

За 3 учебных года более 47000 студентов и учащихся изучили пенсионное законодательство. В 2005–2006 учебном году по предварительным данным освоят еще более 17 000 студентов и около 15 000 выпускников средних школ.

Предусмотрена обязательная система контроля, оценки и закрепления полученных знаний – это экзамены и зачеты, а для выпускников школ – заполнение анкеты застрахованного лица и получение пенсионного страхового свидетельства.

Кроме того, более 100 студентов и учащихся ежегодно проходят производственную стажировку в районных и городских Управлениях, осваивая на практике полученные теоретические знания. Для этого Отделением и Управлениями были заключены договора с учебными заведениями о сотрудничестве, разработаны Методические рекомендации по организации прохождения практики студентами ВУЗов и ССУЗов в органах ПФР Пензенской области. По окончании практики студенты представляют отчет, а многие студенты еще и выбирают в качестве тем дипломных проектов темы, связанные с пенсионной тематикой.

Таким образом, отработанная система пенсионного обучения, включающая в себя разработку учебных программ, учебников и учебно-методических пособий, слайдовых лекционных материалов, методических рекомендаций, систему оценки знаний и 4-х годичный системный практический опыт работы, может послужить основой для введения специального пенсионного учебного курса на всей территории Российской Федерации, во всех учебных заведениях. Тем более в настоящее время в рамках реализации национального проекта «Образование», а также при формировании нового государственного образовательного стандарта и для улучшения уровня и качества образования в высшей и средней профессиональной школах, введение пенсионного курса сейчас наиболее своевременно.

М. Н. Полежаева
Отделение Пенсионного фонда РФ
по Пензенской области

ОСНОВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ (УСЛОВИЯ) СОХРАНЕНИЯ ПЕНСИОННЫХ ПРАВ ВСЕХ КАТЕГОРИЙ ЗАСТРАХОВАННЫХ ЛИЦ

Повышение уровня пенсионного обеспечения населения является основной целью проводимой в стране пенсионной реформы. Для достижения этой цели обязательное пенсионное страхование было отделено от государственного пенсионного обеспечения; изменилась внутренняя структура трудовой пенсии и источник финансирования отдельных ее частей. Кроме того, полностью изменены порядок и условия формирования пенсионных прав застрахованных граждан и расчет размера трудовой пенсии.

Данные преобразования привели к значительному увеличению уровня пенсионного обеспечения отдельных категорий граждан, получающих трудовые пенсии. Произошло увеличение пенсий у работающих пенсионеров, поскольку были отменены ограничения, установленные ранее действовавшим пенсионным законом «О государственных пенсиях в РФ». Увеличены пенсии лицам, получающим пенсии по случаю потери кормильца. В результате применения при расчете страховой части повышенного отношения заработков (в зависимости от районного коэффициента) возросла пенсия гражданам, выработавшим определенный северный стаж (15 лет работы в районах Крайнего Севера и 20 лет работы в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера). Была предоставлена возможность увеличения размера пенсии отдельным получателям досрочных пенсий (в связи с работой в особых условиях труда). Таким образом, изменения в пенсионной системе позволили увеличить размеры пенсий с 1 января 2002 года 130 тыс. пенсионеров Пензенской области, что составило 30 % от всех получателей пенсий в области.

Остальным категориям пенсионеров размеры пенсий были сохранены в прежней сумме и приведены в соответствие с новой пенсионной моделью.

Следует отметить, что ежегодно проводимая в рамках пенсионной реформы индексация размеров пенсий также улучшает материальное положение всех пенсионеров, в результате всех мероприятий, проводимых в этом направлении, средний размер пенсии в России по сравнению с 2002 годом увеличился на 47 %.

Конвертации «старых» пенсионных прав граждан

В новой пенсионной системе не забыты обязательства по ранее действующим пенсионным законам. Иначе говоря, гражданам, отработавшим большую или меньшую часть своей трудовой деятельности в период действия старого пенсионного законодательства, пенсионные права, заработанные в рамках старой модели, сохраняются и конвертируются (преобразовываются) в начальный пенсионный капитал, который, в свою очередь, подлежит индексации до выхода гражданина на пенсию.

Федеральным Законом «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» предусмотрен единый механизм конвертации «старых» пенсионных прав в начальный пенсионный капитал, который зависит, прежде всего, от продолжительности того или иного вида стажа застрахованного лица и его среднемесячного заработка, выработанных до 1 января 2002 года.

Причем заработная плата участвует в определении начального пенсионного капитала в виде величины, характеризующей отношение среднемесячного

заработка застрахованного лица за установленный период (2000–2001 гг. либо 60 месяцев работы подряд), к среднемесячной заработной плате в стране за тот же период.

Структура формул исчисления начального пенсионного капитала (ПК) в основном единая для всех категорий застрахованных лиц [4].

Для получателей трудовых пенсий по старости начальный пенсионный капитал определяется как:

ПК = (РП-БЧ) * Т, где

РП – расчетный размер трудовой пенсии;

БЧ – размер базовой части трудовой пенсии по состоянию на 1 января 2002 года (т. е. 450 рублей в месяц);

Т – ожидаемый период выплаты трудовой пенсии по старости, равный 228 месяцам. В переходный период эта величина дифференцирована и зависит от года назначения пенсии. Так,для 2002 года ожидаемый период выплаты пенсий составил 144 месяца, и затем эта величина последовательно увеличивается на 6 месяцев за каждый год. Начиная с 2010 года, ежегодное увеличение составит 12 месяцев, до тех пор, пока величина ожидаемого периода выплаты пенсий не достигнет 228 месяцев (табл. 1).

Таблица 1

Величина ожидаемого периода выплаты пенсии

Год установления трудовой пенсии	**Ожидаемый период выплаты пенсии в годах**	**Ожидаемый период выплаты пенсии в месяцах**
2002	12 лет	144 мес
2003	12 лет 6 мес.	150 мес
2004	13 лет	156 мес
2005	13 лет 6 мес	162 мес
2006	14 лет	168 мес
2007	14 лет 6 мес	174 мес
2008	15 лет	180 мес
2009	15лет 6 мес	186 мес
2010	16 лет	192 мес
2011	17 лет	204 мес.
2012	18 лет	216 мес
2013	19 лет	228 мес.

Для получателей трудовых пенсий по инвалидности в формуле определения начального пенсионного капитала дополнительно учитывается отношение нормативной продолжительности страхового стажа инвалида по состоянию на день установления инвалидности к 180 месяцам (К):

ПК = (РП-БЧ) * (Т * К).

Это означает, что пенсионный капитал инвалида на 1 января 2002 определяется с корректировкой, учитывающей продолжительность его трудового

стажа на указанную дату (или на дату установления трудовой пенсии по инвалидности) с учетом его возраста.

При этом нормативная продолжительность страхового стажа инвалида К (табл.2) до достижения 19 лет составляет 12 месяцев и увеличивается на 4 месяца за каждый полный год возраста, начиная с 19 лет, но не более 180 месяцев.

Математически это выражается следующим образом:

К = (12 + (В – 18) х 4) / 180, где:

В – возраст инвалида на дату установления трудовой пенсии по инвалидности или на 1 января 2002 года.

Таблица 2.

Нормативная продолжительность страхового стажа в зависимости от возраста инвалида

Возраст инвалида (лет)	**К**	**Возраст инвалида (лет)**	**К**	**Возраст инвалида (лет)**	**К**
19	0,0888888	33	0,4000000	47	0,7111111
20	0,1111111	34	0,4222222	48	0,7333333
21	0,1333333	35	0,4444444	49	0,7555555
22	0,1555555	36	0,4666666	50	0,7777777
23	0,1777777	37	0,4888888	51	0,8000000
24	0,2000000	38	0,5111111	52	0,8222222
25	0,2222222	39	0,5333333	53	0,8444444
26	0,2444444	40	0,5555555	54	0,8666666
27	0,2666666	41	0,5777777	55	0,8888888
28	0,2888888	42	0,6000000	56	0,9111111
29	0,3111111	43	0,6222222	57	0,9333333
30	0,3333333	44	0,6444444	58	0,9555555
31	0,3555555	45	0,6666666	59	0,9777777
32	0,3777777	46	0,6888888	60	1,0000000

Что же касается начального пенсионного капитала на 1 января 2002 года, полагавшегося умершему кормильцу, то законодателем предусмотрена возможность его определения в порядке, установленном для инвалидов. При этом полученный начальный пенсионный капитал умершего кормильца распределяется между всеми его нетрудоспособными членами семьи, претендующими на установление трудовой пенсии по случаю потери кормильца [4]:

ПК = (РП-БЧ) * (Т *К) * КН, где

КН – количество нетрудоспособных членов семьи умершего кормильца.

Следует отметить, чем моложе застрахованное лицо, тем меньше у него продолжительность трудового стажа, выработанного до 1 января 2002 года, следовательно, и начальный пенсионный капитал меньше, чем у старшего поколения.

В том случае, если гражданин до 1 января 2002 года выработал общий трудовой стаж менее требуемой продолжительности (т.е. мужчины отработали менее 25 лет, женщины - менее 20 лет), то Федеральный закон «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» позволяет определить начальный пенсионный капитал исходя из фактической продолжительности трудового стажа по формул:

$ПК_2$ = (РП-БЧ)* Т * ФПТС / ТПТС, где

ФПТС – фактическая продолжительность трудового стажа в месяцах;

ТПТС – требуемая продолжительность трудового стажа в месяцах (для мужчин 25 лет или 300 месяцев, для женщин 20 лет или 240 месяцев).

Таким образом, лицам, имеющим на 1 января 2002 года неполный трудовой стаж, величина начального пенсионного капитала исчисляется пропорционально полному стажу.

Условия определения расчетного размера трудовой пенсии

Как видно из приведенных формул, основанием для начального пенсионного капитала является расчетный размер трудовой пенсии (РП), который напрямую зависит от продолжительности общего трудового стажа (или стажа на соответствующих видах работ), отработанного до 1 января 2002 года, и среднемесячного заработка застрахованного лица за 2000 – 2001 годы либо за любые 60 месяцев подряд также до 1 января 2002 года.

Расчетный размер трудовой пенсии определяется следующим образом:

РП = СК х ЗР / ЗП х СЗП, где

СК – стажевый коэффициент, устанавливаемый исходя из требуемого общего трудового стажа либо из стажа на соответствующих видах работ. Так, например, требуемый общий трудовой стаж для мужчин составляет 25 лет, для женщин – 20 лет; льготный стаж по Списку №1 требуется для мужчин 10 лет, для женщин – 7 лет 6 месяцев и т. д.;

ЗР – среднемесячный заработок застрахованного лица за указанные выше периоды;

ЗП – среднемесячная заработная плата в Российской Федерации за тот же период;

СЗП – среднемесячная заработная плата в Российской Федерации за период с 1 июля по 30 сентября 2001 года для исчисления и увеличения размеров государственных пенсий, утвержденная Правительством Российской Федерации в размере 1671 руб.

Дополнительно при определении расчетного размера трудовой пенсии учитываются повышения пенсий, установленные законодательством для отдельных категорий граждан по состоянию на 31 декабря 2001 года.

Исчисленный таким образом расчетный размер трудовой пенсии не может быть менее 660 руб.

Действующим пенсионным законодательством в зависимости от видов деятельности, осуществляемых застрахованными лицами, предусматривается несколько вариантов исчисления расчетного размера трудовой пенсии:

а) первый вариант исчисления расчетного размера трудовой пенсии основан на применении общего трудового стажа, исчисленного в календарном порядке, и в отношении среднемесячного заработка пенсионера за установленный законом период к среднемесячной заработной плате в стране за тот же период». Указанный порядок предусмотрен для всех застрахованных граждан. Исключение составляют лишь лица, не достигшие общеустановленного пенсионного возраста (т. е. мужчины 60 лет, а женщины 55 лет), которые являются инвалидами 1 степени ограничения способности к трудовой деятельности (3 группы инвалидности).

Продолжительность общего трудового стажа выражается в виде стажевого коэффициента, который устанавливается в размере 0,55 (за требуемый стаж для мужчин 25 лет и для женщин 20 лет) и повышается на 0,01 за каждый полный год общего трудового стажа сверх требуемой продолжительности, но не более чем на 0,20 (т. е. в общей сложности не более 0,75).

Инвалидам, имеющим 1 степень ограничения способности к трудовой деятельности, стажевый коэффициент учитывается, независимо от продолжительности общего трудового стажа, в размере 0,30.

Следует заметить, что отношение заработков также имеет свои ограничения. Максимальная величина ограничения отношения заработков соответствует 1,2. Что же касается минимальной величины, то она условно устанавливается обратным счетом, исходя из минимального расчетного размера пенсии, равного 660 рублей. Например, у граждан, отработавших требуемый трудовой стаж, соотношение заработков независимо от размера получаемой заработной платы и фактической величины отношения заработков искусственно учитывается в размере не ниже 0,7 (т.е. 0,55 (за требуемый стаж) * 0,72 (условный размер соотношения заработков) * 1671 руб. (средняя заработная плата в стране) = 661 руб. 72 коп.).

б) второй вариант определения расчетного размера пенсии предусмотрен только для двух категорий застрахованных лиц:

– для лиц, проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, в которых установлены районные коэффициенты к заработной плате;

– для лиц (независимо от места жительства), достигших возраста: мужчины – 55 лет, женщины – 50 лет и работавших в районах Крайнего Севера не менее 15 календарных лет либо в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера не менее 20 календарных лет и имеющих страховой стаж мужчины не менее 25 лет и женщины – не менее 20 лет.

Их расчетный размер пенсии также зависит от продолжительности общего трудового стажа (порядок его подсчета аналогичен первому случаю). Однако отношение заработков ограничивается повышенным размером (от 1,4 до 1,9), который определяется с учетом районного непроизводственного коэффициента, установленного к заработной плате в централизованном порядке в «северных» регионах следующим образом [4]:

не свыше 1,4 – для лиц, проживающих в «северных» регионах, в которых к заработной плате работников установлен районный коэффициент до 1,5;

не свыше 1,7 – для лиц, проживающих в «северных» регионах, в которых к заработной плате работников установлен районный коэффициент от 1,5 до 1,8;

не свыше 1,9 – для лиц, проживающих в «северных» регионах, в которых к заработной плате работников установлен районный коэффициент от 1,8 и выше.

в) для застрахованных лиц, имеющих стаж на соответствующих видах работ, предусмотрен третий вариант формирования расчетного размера трудовой пенсии, который определяется исходя из общей продолжительности стажа на соответствующих видах работ (с учетом стажа на подземных работах, на работах с вредными и тяжелыми условиями труда и в горячих цехах). При этом названные лица на 1 января 2002 года должны иметь:

– стаж на соответствующих видах работ, не менее его требуемой продолжительности. Так, например, требуемый льготный стаж по Списку № 1 – для мужчин – 10 лет, для женщин 7 лет 6 месяцев, по Списку № 2 – для мужчин – 12 лет 6 месяцев, для женщин – 10 лет и т. д. Под стажем на соответствующих видах работ понимается суммарная продолжительность льготных периодов работы до 1 января 2002 года. При этом законодателем установлен соответствующий порядок суммирования данных периодов [5];

– требуемый страховой стаж. Например, требуемый страховой стаж по Списку №1 – для мужчин 20 лет, для женщин – 15 лет; по Списку №2 – для мужчин 25 лет, для женщин 20 лет и т. д.;

– возраст, дающий право на установления досрочной пенсии. Например, для мужчин, отработавших требуемый стаж по Списку № 1 – 50 лет, для женщин – 45 лет, для мужчин, отработавших требуемый стаж по Списку № 2 – 55 лет, для женщин – 50 лет и т.д.

Порядок подсчета стажевого коэффициента следующий. Стажевый коэффициент устанавливается в размере 0,55 (за требуемый стаж на соответствующих видах работ) и повышается на 0,01 за каждый полный год сверх требуемого стажа на соответствующих видах работ), но не более чем на 0,20 (т.е. в общей сложности не более 0,75).

Отношение заработков (по аналогии с указанными выше вариантами), зависит от того, в каких природно-климатических условиях проживает данный гражданин или какое количество лет он работал в «северных» регионах. Иными словами, величина отношения заработков для лиц, проживающих в «северных» регионах или ранее работавших не менее 15 календарных лет в районах Крайнего Севера или не менее 20 календарных лет в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера, ограничивается повышенным размером (от 1,4 до 1,9). Для остальных граждан максимальный размер отношения заработков определяется не свыше, чем 1,2;

г) расчетный размер пенсии может быть определен по условиям и нормам, действовавшим до принятия Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации». В этом случае возможны два варианта исчисления расчетного размера трудовой пенсии:

– с учетом правил, установленных Федеральным Законом «Об исчислении и увеличении государственных пенсий в Российской Федерации». В этом случае расчетный размер пенсии определяется с применением индивидуального коэффициента пенсионера (независимо от того, являлся ли гражданин на 31 декабря 2001 года работающим или неработающим). Общий трудовой стаж в этом случае исчисляется только в календарном порядке, отношение заработков не может превышать 1,2. Данный вариант выгоден для тех граждан, которым «старым» законодательством был предусмотрен сниженный стажевый коэффициент. Например, многодетным матерям или матерям инвалидов с детства, поскольку требуемый трудовой стаж для них составлял 15 лет (вместо 20 лет, установленных для обычных граждан), инвалидам 1 группы по зрению, где требуемый стаж 10 лет (вместо 25 лет) и т.д. Однако определение статуса данных категорий граждан осуществляется по состоянию на 31 декабря 2001 года [2];

– по нормам Закона РФ «О государственных пенсиях в Российской Федерации», т. е. без применения индивидуального коэффициента пенсионера, с учетом повышений и компенсационной выплаты в связи с ростом стоимости жизни, в отдельных случаях с применением соответствующего районного коэффициента. При таком варианте общий трудовой стаж застрахованного лица может пополниться такими «нестраховыми» периодами, как период обучения, время нахождения супруги военнослужащего по месту службы мужа, где она не могла трудоустроиться по специальности и т. д. [1].

Некоторые периоды включаются в общий трудовой стаж в льготном исчислении. К таким периодам относятся периоды работы в лепрозориях и противочумных учреждениях (их засчитывают в двойном размере), служба в воинских частях, штабах и учреждениях, входящих в состав действующей армии, в партизанских отрядах и соединениях в период боевых действий, а также время нахождения на излечении в лечебных учреждениях вследствие военной травмы (в тройном размере), проживание в г. Ленинграде в период блокады с 08. 09. 1941 по 27. 01. 1944 (в тройном размере), служба во время Великой Отечественной войны с 22. 06. 1941 по 09. 05. 1945, за исключением работы в районах, временно оккупированных неприятелем, (в двойном размере), работа в северных районах (в полуторном размере), военная служба по призыву (в двойном размере) и т. д.

При этом варианте к расчетному размеру трудовой пенсии устанавливается компенсационная выплата с применением соответствующего районного коэффициента в определенных случаях.

Следует отметить, что в этом случае размер пенсии не может превышать трех (трех с половиной) размеров минимальной пенсии, а минимальный размер пенсии, установленный на 31 декабря 2001, составлял 185 рублей 32 копейки.

Порядок индексации начального пенсионного капитала

Рассчитанная с учетом стажа и заработка сумма начального пенсионного капитала в рублях в конечном результате будет внесена в индивидуальный ли-

цевой счет каждого застрахованного лица [3], и впоследствии будет индексироваться до дня установления трудовой пенсии (табл. 3) [4].

Таблица 3.

Коэффициенты индексации начального пенсионного капитала

Дата, с которой производится индексация	Коэффициент индексации	Основание индексации
01. 01. 2002 г.	1,307	Постановление Правительства РФ от 13.03.2003 г. № 152
01. 01. 2003 г.	1,177	Постановление Правительства РФ от 15. 03. 2004 г. № 141
01. 01. 2004 г.	1,114	Постановление Правительства РФ от 11. 07. 2005 г. № 417
01. 01. 2005 г.	1,127	Постановление Правительства РФ от 24. 03. 2006 г. № 166

Проиндексированный начальный пенсионный капитал в сумме со страховыми взносами, которые отчисляют работодатели за каждого работника, и составит к достижению пенсионного возраста расчетный пенсионный капитал, который и будет служить базой для определения страховой части трудовой пенсии застрахованным лицам.

Библиографический список

1. Закон РФ «О государственных пенсиях в РФ» от 20. 11. 1990 г.
2. Федеральный закон № 113-ФЗ «О порядке исчисления и увеличения государственных пенсий».от 21. 07. 1997 г
3. Федеральный закон № 27-ФЗ «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования»от 01.04.1996 г.
4. Федеральный закон № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации». от 17. 12. 2001 г.
5. Постановление Правительства РФ № 516 «Об утверждении правил исчисления периодов работы, дающей право на назначение досрочной трудовой пенсии по старости в соответствии со статьями Федерального Закона «О трудовых пенсиях в РФ» от 11. 07. 2002 г.

VI. СОЦИАЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

С. А. Ломохова
Пензенский государственный
педагогический университет им. В. Г. Белинского

ПРОБЛЕМА ТЕСТИРОВАНИЯ СПОСОБНОСТИ К УСВОЕНИЮ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА НА НЕЯЗЫКОВОМ ФАКУЛЬТЕТЕ ВУЗА

Практика обучения студентов показывает, что при одинаковых методах, условиях обучения и даже одинаковом отношении студентов к предмету получаются разные результаты. Обычно в этих случаях говорят о различных способностях к усвоению языка. При комплектовании групп для изучения иностранного языка выявление способностей к обучаемости новым языкам имеет большое практическое значение. Прежде всего речь идет о тестировании как об одном из путей совершенствования учета успеваемости.

Важнейшим вопросом при этом остаются общие требования к тестам по иностранному языку. Эти требования являются общими и распространяются на все виды тестов.

Первый из них – репрезентативность теста по отношению к изученному материалу. Тест должен охватывать все ключевые вопросы курса обучения. Обоснованность содержания определяется тем насколько полно и точно тест охватывает важные вопросы учебного материала, для проверки знаний которого он составлен. Она зависит от учебного материала курса, учебников и учебных пособий, от анализа экзаменационных вопросов. Для определения эффективности теста необходимо соотнести полученные результаты с каким-либо внешним критерием.

Не менее важным является и требование надежности. Это широкое понятие включает в себя не только стабильность результатов, но и равноценность тестовых форм.

В качестве объектов контроля в тестах по иностранным языкам выступают речевые умения. Принцип отбора языкового материала для тестов состоит в том, что они должны быть составлены с учетом результатов сравнительно-сопоставительного анализа отобранного для обучения минимума языкового материала с родным языком обучаемых.

Следующее требование состоит в том, чтобы тесты не являлись чем-то инородным в процессе обучения иностранному языку, а органически входили в этот процесс, содействуя реализации целей обучения иностранному языку в данном учебном заведении. Так, в качестве реализации общеобразовательной цели изучения иностранного языка в вузе, большую роль играют тесты с заданиями на подбор синонимов, антонимов, классификацию, размещение в определенном порядке слов, предложений, с вопросами для проверки знаний материалов страноведческого характера.

При составлении тестов следует принимать во внимание условия обучения иностранному языку: место иностранного языка в учебном плане, количество недельных часов, наполняемость учебных групп.

Последним немаловажным требованием является учет возрастных особенностей обучаемых.

В итоге тест, направленный на выявление способности к усвоению иностранного языка, должен содержать следующие задания: 1) на кратковременную вербальную память, 2) на умение делать функционально-лингвистические обобщения, 3) на интервербальную память, 4) на вероятностное прогнозирование.

Для проверки объема кратковременной вербальной памяти зачитывается несколько предложений на родном языке с заданием постараться запомнить с первого раза максимально точно текст зачитанного предложения и приступить к его письменному воспроизведению сразу же после первого прослушивания. Писать во время прослушивания запрещается.

При проверке данного теста, как правило, выделяется две группы студентов: 1) испытуемые, записавшие наибольшее число элементов предложения и 2) записавшие наименьшее число элементов предложения.

В качестве тестового задания на функционально-лингвистическое обобщение можно предложить на иностранном языке (в частности, на немецком) вопросительное предложение типа «Она навестит свою подругу завтра?». Основными операциями на обобщение для перевода на иностранный язык выступают:

1) выделение признака вопроса (т. е. установления порядка слов вопросительного предложения),

2) установление наличия вспомогательного глагола и его типа,

3) установление места основного глагола,

4) выделение формы инфинитива.

Для установления интервербальных связей предлагаются ассоциативные задания, состоящие в необходимости записать первое пришедшее в голову слово-ассоциацию на предъявленные слова-стимулы на иностранном языке. При этом выявляются парадигматические и синтагматические ассоциации или, иначе говоря, готовность словарного запаса испытуемых к сочетанию в процессе речевой деятельности.

Наибольшее значение для успешности обучения иностранному языку имеет и такая индивидуально-психологическая черта, как: способность к предвосхищению элементов вербального текста на основе узнавания. У взрослых учащихся вербальная память не имеет принципиального значения для успешности обучения иностранному языку.

Таким образом, наиболее целесообразными тестами проверки способности к обучению иностранному языку в вузе являются тесты на функционально-лингвистические обобщения и тесты на угадывание и прогнозирование последующих вербальных элементов текста на основании знаний предыдущих.

Е. В. Луткова
Пензенский государственный
педагогический университет им. В. Г. Белинского

УЧЕТ АСПЕКТОВ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ КАК УСЛОВИЕ ЭФФЕКТИВНОГО ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА

В основе обучения иностранным языкам как явлению социальному лежит социальная деятельность людей, их отношения и взаимодействия. Следовательно, исходную точку анализа целевых аспектов языкового образования

составляет группа так называемых социальных факторов, т. е. социально-экономические, политические и социально-педагогические факторы. Совокупность социальных факторов обусловливает социальный заказ общества и государства по отношению к языковому образованию.

Сложность и многоаспектность стратегической цели обучения иностранным языкам – формирование у студентов основных черт вторичной языковой личности, делающих их способными к адекватному социальному взаимодействию в ситуациях межкультурного общения – диктуют необходимость рассматривать ее как совокупность трех взаимосвязанных и взаимообусловленных аспектов: прагматического, педагогического и когнитивного. Успешная реализация этой цели возможна только при сбалансированности названных аспектов. Излишняя гиперболизация или недооценка того или иного аспекта уводит в сторону от стратегических задач обучения иностранному языку. Рассмотрим каждый из аспектов.

Прагматический аспект цели обучения иностранному языку связан с формированием у студентов знаний, умений и навыков, которые позволяют им приобщиться к этнолингвокультурным ценностям страны изучаемого языка и практически пользоваться иностранным языком в ситуациях межкультурного взаимопонимания и познания. Совокупность таких знаний, умений и навыков составляет коммуникативную компетенцию учащихся. К структурным компонентам коммуникативной компетенции можно отнести лингвистическую, социолингвистическую, дискурсивную, социокультурную, стратегическую, и социальную компетенции.

Содержание лингвистической компетенции составляет способность человека правильно конструировать грамматические формы и синтаксические построения в соответствии с нормами конкретного языка.

Социолингвистическая компетенция предполагает умение осуществлять выбор лингвистической формы и способа языкового выражения, адекватный условиям процесса коммуникации, т. е. ситуации общения, целям и намерениям, социальным и функциональным ролям партнеров по общению.

Содержание дискурсивной компетенции сводиться к способности использовать определенную стратегию и тактику общения для конструирования и интерпретации связных текстов.

Социокультурная компетенция заключается в овладении учащимися национально-культурной спецификой страны изучаемого и умением строить свое речевое и неречевое поведение в соответствии с этой спецификой.

Социальная компетенция проявляется в умении студента ориентироваться в социальной ситуации и управлять ею, что находит свое практическое выражение в умении вступать в контакт и поддерживать его.

В основе стратегической компетенции лежат умения компенсировать недостаточность знания языка, речевого и социального опыта общения в иноязычной среде.

Таким образом, компоненты внутренней структуры коммуникативной компетенции предполагают иерархические отношения. Например, социокультурная компетенция тесно связана с лингвистической компетенцией, что может

оказаться «невостребованным инструментом» в том случае, если коммуниканты не обладают знаниями о системе языка и навыками оперирования этими знаниями.

Когнитивный аспект связан с такими категориями, как знания, мышление и процессы понимания, задействованные в ходе приобщения учащегося к иностранному языку, к культуре народа – его носителя. При определении сущности когнитивного аспекта цели обучения иностранным языкам важно исходить из понимания, что язык отражает взаимодействие между психологическими, коммуникативными, функциональными и культурными факторами (2. С. 340–369).

Когнитивный аспект связан также с формированием у студентов широкого представления о достижениях национальных культур (собственной и иноязычной) в развитии общечеловеческой культуре и о роли родного языка и культуры в зеркале чужой культуры. Приобщаясь к иностранному языку, студент познает: а) мировую культуру, национальные культуры и социальные субкультуры народов стран изучаемого языка и их отражение в образе и стиле жизни людей; б) духовное наследие стран и народов, их историко-культурную память; в) способы достижения межкультурного взаимопонимания. В сознании студента осуществляется синтез знаний как о специфике родной культуры и чужой культуры, так и об общности знаний о культурах и коммуникации.

Педагогический аспект обучения иностранному языку призван дать ответ на вопрос: какие качества необходимо сформировать у студента, чтобы он был способен осуществлять общение на межкультурном уровне, т.е. для формирования социокультурной компетенции. Это значит, во-первых, определить комплекс свойств личности студента, благоприятствующих овладению иностранным языком как средством межкультурной коммуникации, во-вторых, создать условия их становления.

И. И. Халеева, описывая концепт вторичной языковой личности, особо подчеркивает необходимость рассматривать процесс ее формирования в учебных условиях как обучение человека знаковому общению с носителями иной культуры. (3. С. 78).

Речь идет прежде всего о формировании у студентов положительного отношения к изучаемому языку, к культуре народа, говорящего на этом языке, чуткого отношения и интереса к феноменам иной ментальности и чужой культуры, желания воспринимать и понимать их, сравнивать их с собственным мировидением и культурным опытом, находить между ними различия и общность. Становление данных личностных качеств и способностей осуществляется, во-первых, через систему личностных отношений студента к постигаемой лингвокультуре и процессу овладения ею; во-вторых, в ходе понимания важности изучения иностранного языка и развития потребности в его практическом использовании как средства общения.

Таким образом, педагогический аспект целей обучения иностранному языку непосредственно связан с эмоционально-аффективным аспектом обучения учебной дисциплины, обусловленным ценностными системами субъектов

учебного процесса, их чувствами и эмоциями, их отношением к содержанию и технологии обучения иностранным языкам.

Педагогический аспект связан также с развитием у студентов эмпатической компетенции или способности. В ее основе лежит опыт эмоционально-оценочного отношения индивида к лингвокультурному взаимодействию представителей различных национально-культурных общностей. Становление эмпатии связано с комплексным восприятием и осознанием фактов чужой культуры, стимулирующих образование картины мира учащегося, формирование новых социокультурных образов в сознании языковой личности.

Педагогический аспект цели обучения иностранным языкам всегда был и остается объектом пристального внимания. Однако очевидно, что педагогическая сущность цели обучения иностранному языку заключается в тщательном анализе особенностей условий изучения языка: социокультурной специфики студентов, их индивидуального, учебного и жизненного опыта, традиций и привычек в изучении языка, индивидуальной мотивации и потребности в учении и познании.

Библиографический список

1. Гальскова Н. Д., Гез Н. И. Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика: Учеб. пособие для студ. лингв. ун-тов и фак. ин.яз. высш. пед. учеб. заведений / 2-е изд., испр., М.: Изд. Центр «Академия», 2005.
2. Ченки А. Семантика в когнитивной лингвистике // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. М.,1997.
3. Халеева И.И. Нарративный текст как форма национального социокультурного сознания (в подготовке переводчиков и преподавателей иностранных языков). М., 1996.

А. В. Зайцева, М. А. Антипов
Пензенский государственный
педагогический университет им. В. Г. Белинского

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА ВЗРОСЛОЙ АУДИТОРИИ

«Человек – политическое животное» – сказал когда-то мудрый Аристотель. Под этим он подразумевал социальную сущность человека, его связанность с окружающими его людьми, включенность в общество. Человек не может быть изолированным от общества, только в обществе он может удовлетворять свои потребности, развиваться, реализовывать свои возможности.

Для успешной интеграции в общество человеку необходимо усвоить совокупность правил поведения, ожидаемых обществом от его членов. Эти образцы поведения называются социальными нормами. Социальные нормы играют роль средства сохранения стабильности социальной системы. Для того, чтобы социальные нормы соблюдались, в обществе существует механизм социального контроля, который заключается в поощрении соблюдения норм и применении негативных санкций к индивидам, нарушающих социальные нормы.

Однако человеческое сообщество неоднородно, оно дифференцировано по этническому признаку. Для представителей каждого этноса, каждой страны характерны специфические социальные нормы, ценности, идеалы, убеждения, нормы этикета, то есть свои социокультурные особенности. Представителю одной социокультурной системы порой бывает очень сложно адаптироваться к особенностям чужой социокультурной системы.

Однако в условиях глобализации и взаимного влияния культур различных стран большую роль приобретает знание каждым человеком социокультурных особенностей других стран. Связующим звеном в данном процессе является иностранный язык. Обучение иностранному языку, то есть формирование коммуникативной компетенции, включает в себя социокультурный, дискурсивный, социальный и социолингвистический компоненты.

Социолингвистической компетенцией (то есть умением осуществлять выбор лингвистической формы и способа языкового выражения, адекватного условиям и процессу коммуникации, то есть ситуациям общения, целям и намерениям, социальным и функциональным ролям партнеров по общению) должен обладать любой образованный человек. Тем более это относится к людям, связавшим свою жизнь с научной деятельностью, с преподаванием в высших учебных заведениях, к аспирантам и соискателям.

Задача овладения иноязычной речью является процессом многоаспектным. Своеобразие и определенная сложность данной проблемы состоит в том, что с одной стороны речь связана с мышлением. А с другой стороны она находится в неразрывном единстве с поведением. Следовательно, и обучение речи должно строиться точно таким же образом, как и обучение другим формам поведения.

Нельзя не отметить тот факт, что обучение иностранному языку во многом зависит от особенностей и умений обучаемой аудитории.

Говоря об аспирантах и соискателях, мы имеем в виду взрослую аудиторию. Особенности взрослой аудитории складываются, с одной стороны, из ее физиологических и психологических параметров, а с другой – из приобретенного опыта (то есть жизненный опыт в целом, уровень образованности и культуры, лингвистический опыт и так далее).

Неся знания будущим специалистам в различных отраслях профессиональной деятельности, преподаватель должен сам обладать ими, и, обязательно иметь высокий уровень общей грамотности, неотъемлемым аспектом которой является знание социокультурных особенностей представителей других стран.

Федеральное агентство по образованию

Пензенский государственный педагогический университет
имени В. Г. Белинского

VIII Социологические чтения
преподавателей, аспирантов и студентов,
посвящённые 135-летию со дня рождения
С. Н. Булгакова

Межвузовский сборник научных трудов

Главный редактор – доктор философских наук, профессор А. Б. Тугаров

Редактор – Л. И. Дорошина
Технический редактор –
Корректор – Л. И. Дорошина
Набор – А. С. Дудкин, Т. Г. Скороходова
Вёрстка –

План университета 2006 г. (Поз. 84)
Заказ № 66/06
Цена С. 72
Уч-изд. л. 13,25
Усл. печ. л. 12,32